

ДЖЕРАЛД

ДАРРЕН

Сынчик Бабушка

В этой книжке рассказывается о путешествии в Британскую Гвиану, которое я предпринял вместе с моим компаньоном Кеннетом Смитом. По заказу нескольких английских зоопарков мы отправились добывать птиц, млекопитающих, пресмыкающихся и рыб, обитающих в этом уголке Южной Америки.

...В путешествии такого рода со звероловом приключается такое, чего и нарочно не придумаешь. Одни приключения кажутся забавными, от других душа в пятки уходит, третьи в высшей степени раздражают. Но все они лишь яркие вехи среди месяцев забот и труда, к которым сводится работа зверолова.

- [Джеральд Даррелл](#)
    -
    - [Слова благодарности](#)
    - [Вместо предисловия](#)
    - [Прелюдия](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Финал](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
-

Джеральд Даррелл
Три билета до Эдвенчер

Слова благодарности

Во время нашего пребывания в Гвиане на помощь нам в самых разных обстоятельствах приходило столько людей, что поблагодарить каждого из них в отдельности не представляется возможным. Но все же позвольте поименовать несколько человек, которым мы особенно обязаны.

В первую очередь выражаю свою искреннюю признательность мистеру и миссис Чарльз Доудинг из Джорджтауна, предоставившим в наше распоряжение свой гостеприимный дом и разрешившим поселить у себя в саду нашу беспокойную, многоголосую коллекцию животных. Помимо этого, они помогали нам всем чем только могли и вдохновляли как только могли. Они отнеслись к нам с такой добротой, которая, к несчастью, стала редкостью в наши дни. Право, не знаю даже, как и благодарить их за все, что они для нас делали.

Мистер Винсент Рот, куратор Национального музея Британской Гвианы, и его ассистент мистер Рам Сингх также были очень добры к нам. Без их помощи и совета нам вряд ли удалось бы добиться многого. Особенно большое содействие мистер Сингх оказал в идентификации различных видов фауны и был всегда готов предоставить в наше распоряжение свои обширные познания о жизни птиц в какой-либо местности. Нашей особой благодарности заслуживают мистер и миссис Мак-Терк из Каранамбо, которые помогли нам с Робертом Лоузом устроиться, когда мы прибыли в Рупунуни, да еще раздобыли для нас несколько великолепных образчиков фауны. А как не поблагодарить всех членов гвианской компании «Букер Бразерс», которые достали билеты для нас и наших животных, а также провиант на такой дальний путь. Ну и, конечно же, искренняя благодарность капитану и всей команде корабля, на котором я плыл домой, — ей-богу, они из кожи лезли вон, чтобы сделать мое путешествие возможно более приятным и легким.

Вместо предисловия

Посвящается Роберту Лоузу в память о свистящих змеях, сонных ленивцах, скрипучих Южноамериканских седлах

В этой книге я поведу речь о путешествии в Британскую Гвиану^[1], которое я совершил в 1950 году совместно со своим партнером Кеннетом Смитом. Целью нашего вояжа было раздобыть и привезти, по заказу различных английских зоопарков, живую коллекцию диковинных птиц, млекопитающих, рептилий и рыб, населяющих этот уголок Южной Америки.

Немало людей держатся ошибочного мнения, что самая трудная задача такого путешествия заключается в поимке животных, ну а уж коль скоро звери отловлены и рассажены по клеткам, то можно позволить себе расслабиться. Если б это было так! В действительности на этой стадии работа еще только начинается. Мало поймать животное, надо еще довести его в целости и сохранности до места назначения, а эта задача в большинстве случаев не из легких.

Ни одна такая поездка не обходится без множества приключений. Есть среди них и забавные, и пугающие, а бывают и такие, о которых вспоминаешь не иначе как с нескрываемым раздражением. Но все это, как правило, лишь наиболее яркие моменты на фоне многомесячного чернового труда и забот. Впрочем, стоит тебе засесть за написание книги, как воспоминания обо всех заботах, раздражении и разочарованиях словно испаряются из памяти и остаются только самые занимательные эпизоды, кои ты и доверяешь бумаге. Правда, при таком подходе ты рискуешь оставить у читателя превратное впечатление, будто подобная экспедиция — не более чем захватывающая забавная прогулка, колоритное, волнующее душу занятие. Безусловно, порою так оно и есть, хотя куда как чаще это — просто трудная работа, где с лихвой хватает и неудач, и горестей, и несбывшихся надежд. Но вот что хотелось бы сказать в ее пользу — есть-таки у этой работы преимущество, которое возносит ее над всеми другими занятиями. Ее никогда, ни при каких обстоятельствах не назовешь скучной.

Итак, мы сидим вчетвером в крохотном баре на окраине Джорджтауна, потягиваем ром и имбирное пиво и, расстелив перед собою крупномасштабную карту Британской Гвианы, держим военный совет. Время от времени кто-нибудь из четверки наклоняется к карте и, нахмурив брови, устремляет на нее ястребиный взор. Проблема заключается в следующем: на карте масса интригующих названий, но из них надо выбрать место, которое наилучшим образом послужило бы нам исходным пунктом для первой экспедиции за животными в глубь страны. Вот уже два часа, как мы пытаемся достичь согласия, а все никак не приходим к единому решению. Я не отрывал глаз от карты — в мыслях я уже плыл по нанесенным на ней рекам и забирался на обозначенные там горы — и не уставал восторгаться чудесными названиями вроде Померуна, Мазаруни, Кануку, Бребисе, не говоря уже о Эссекибо.

— Что вы скажете о Нью-Амстердаме? — спросил Смит. Почему из множества интригующих названий он выбрал самое тривиальное — не ясно. Меня всего передернуло, Боб покачал головой, а взгляд Айвена так и остался безучастным.

— Хорошо, а как насчет Мазаруни? — продолжал Смит.

— Он затоплен, — немногословно высказался Боб.

— А что вы хотите? Гвиана, — выпалил я цитату из путеводителя, — обозначает на туземном наречии «Страна, где много воды».

— Так поедemте же хоть куда-нибудь! — в отчаянии изрек Смит. — И так уже несколько часов — псу под хвост! Ради Бога, давайте сойдемся на чем-нибудь — и бай-бай!

Я взглянул на Айвена. Последний час он явно пребывал в глубокой задумчивости, не внося ни одного предложения.

— Ну, а ты что скажешь, Айвен? — спросил я. — В конце концов, ты же уроженец здешних мест! Кому как не тебе знать, где лучше всего ловить животных! Тебе и карты в руки!

Айвен пробудился от транса, и на лице его возникло скорбное выражение, делавшее его похожим на сенбернара.

— Значит, так, — произнес он своим невероятно вышколенным голосом, — не двинуться ли нам в Эдвенчер? Ей-богу, не пожалееете!

— Куда-куда?! — в унисон переспросили мы с Бобом. — Мы что-то не расслышали, в

какую такую авантюру^[2] ты нас так настойчиво приглашаешь?

— Погодите, ребята. Авантюр, приключений — всего этого вам будет с избытком. А пока я веду речь, — он ткнул пальцем в карту, — о небольшой деревне с названием Эдвенчер. Вот она здесь, близ устья Эссекибо.

Я взглянул на Смита.

— Решено! Едем в Эдвенчер! — твердо сказал я. — Я просто обязан побывать в местечке с таким названием!

— Хорошо, — сказал мой партнер. — Теперь, когда вопрос исчерпан, можно на боковую?

— Никогда не видел такого бесчувственного человека, — скорбно сказал Боб. — Ничего его не трогает! Даже слово «Эдвенчер» для него пустой звук.

Как оказалось, чтобы добраться до деревни со столь завораживающим названием, приключений вовсе не требовалось. А все, что требовалось, — спуститься на набережную и купить билет до конечного пункта. У меня как-то не укладывалось в голове, что — даже с поправкой на наш просвещенный век — по Маршруту Приключений можно вот так просто пойти и взять билет. Куда как занятнее было бы сразу отправиться в путь на пирогах, управляемых бесстрашными воинами, а тут — огромный неуклюжий паром!

Как бы там ни было, в одно прекрасное солнечное утро такси выгрузило Боба, меня, Айвена и весь наш разношерстный багаж на джорджтаунской набережной. Оставив своих компаньонов торговаться с водителем о справедливой плате за проезд, я приковылял к кассе и пробормотал, как заклинание:

— Три билета в один конец до Эдвенчер, пожалуйста, — сказал я, стараясь напустить на себя возможно более бесстрастный вид.

— Пожалуйста, сэр, — ответил служащий. — Вам в первый класс или во второй?

Это переходило всякие границы. Мало того, что до Эдвенчер можно без всяких проблем взять билет, так еще речь зашла о классах! Я заколебался, стоит ли вообще ехать туда. А вдруг за манящим названием скрывается какой-нибудь шикарный морской курорт с кинематографами, барами, неоновыми огнями и прочими сомнительными признаками цивилизации! Я развернулся и так бы и ушел обратно, если бы не столкнулся с Айвеном, согнувшимся под грузом нашего барахла. Я подозвал его и попросил разрешить этот удививший меня вопрос о классах. Тот объяснил: если возьмешь билет второго класса, поедешь в набитом, как сельди в бочке, трюме парома, а затем в точно таких же условиях — в трюме речного парохода; а прошел с билетом первого класса — можешь усесться в драном шезлонге на верхней палубе парома, а на пароходе даже и покормят. Меня это устроило, и вот я беру три билета первого класса в один конец до Эдвенчер.

Мы отнесли на палубу наши пожитки, побросав их беспорядочной грудой. И вот уже паром прокладывает себе путь по бурой, точно кофейная гуща, глади реки Демерары. Опершись о поручень, мы с Бобом стали наблюдать за маленькими печальными чайками, летевшими вслед за паромом. Только тут до меня дошло, как слабо Боб представляет себе, что ему уготовила судьба.

— Слава Богу, что мы вырвались из Джорджтауна, — вздохнул он, бесстрастно очищая банан и бросая шкурку пролетающей мимо чайке. — Я так люблю снова забраться в глушь и более не чувствовать себя запертым в этих каменных джунглях! Лучшего места для покоя и отдыха, чем глушь, не найти!

Я промолчал. Совершенно согласен с тем, что глушь — лучшее место, чтобы расслабиться, но имеет ли Боб хоть малейшее представление, чем для него обернется жизнь в глуши в компании с ловцом зверей! Судя по его репликам, он, очевидно, представлял себе это дело так: валяешься в гамаке до одурения и ждешь, пока звери сами ползут в твои клетки. Я решил не разрушать его иллюзий, пока не окажемся от Джорджтауна чуть подальше.

Боб — художник, и первоначальной целью его поездки в Гвиану было написать серию картин из жизни различных индейских племен. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Приехав, он обнаружил, что до многих мест, которые он намеревался посетить, невозможно добраться из-за разлившихся рек, а иные территории вообще оказались под водой. Так бы он, бедняга, и торчал в Джорджтауне, словно Ной в ожидании, когда схлынут воды Всемирного Потопа, если бы не столкнулся с нами. Услышав, что я вот-вот отправляюсь в свою первую поездку в глубь страны, он с похвальной наивностью заявил, что лучшего попутчика мне никогда и нигде не найти. Право, считал он, куда забавнее отправиться в экспедицию с отважным ловцом зверей, чем сидеть сиднем в Джорджтауне да ждать погоды, а к тому времени, когда мы вернемся, воды уже, наверно, схлынут, и можно будет отправиться писать любезных его сердцу индейцев. Жаль, конечно, но этой мечте так и не дано было осуществиться: все то время, что Боб провел в Гвиане, он сопровождал меня в различных экспедициях в глубинные районы страны. Ему не довелось сделать ни одного мазка, а под конец уже стало и не на чем: мы реквизировали у бедняги весь запас холста на обшивку ящиков со змеями, чтобы отправить их в Англию воздушным путем. Зато впечатлений у него осталось... о-го-го... на всю оставшуюся жизнь! Вспомнить, так даже страх: обедал и ночевал в обществе самого фантастического зоопарка птиц, зверей и рептилий; пробирался сквозь чащобы, перепрыгивал овраги, плыл по сумрачным озерам и рекам, утопал в густых травах... Конечно, потел и уставал, сажал синяки и набивал шишки... Ну а тогда, в тот роковой день, когда мы взяли курс на Эдвенчер, я, конечно, предвидел все это, но сам Боб, очевидно, и не подозревал, на что обрекает себя, связавшись с отважным ловцом зверей.

Но вот раздался долгожданный скрежет — паром подвалил к каменной пристани. Мы начали беспечно сгружать наш багаж, избрав для этого самый простой способ — перебрасывали через борт Айвену, стоявшему на набережной на подхвате. Когда через поручни перелетел последний чемодан и мы спустились к Айвену, какой-то сумрачный субъект отделился от

бочки, на которой сидел, и двинулся к нам.

— Вам на поезд в Парику? — спросил он.

— Да, имеем таковое намерение, — ответил я. — Вот только как бы нам доставить багаж на станцию!

— Так поторопитесь!.. Поезд должен был уйти еще десять минут назад! — сказал незнакомец, не без оттенка злорадства.

— Боже! — в панике воскликнул я. — А сколько же до станций?

— С полмили, — ответил тот. — Сейчас я пригоню вам грузовик, — сказал он и исчез.

— А что, если не успеем на поезд, Айвен? — сказал я. — Когда же следующий?

— Только завтра. Если не успеем на этот, придется ждать до завтра.

— Как, прямо здесь?! — воскликнул Боб, окинув взглядом грязный берег реки да два-три стоявших на нем полуразвалившихся сарая. — А где же мы будем *ночевать*?!

Но прежде чем Айвен смог подобрать слова, чтобы его утешить, вернулся наш чужак, катя за собою старую тачку на одном колесе. Вот, оказывается, какой грузовик он имел в виду. Но нам было все равно — не важно, лишь бы не опоздать к поезду!

— Поторопитесь! — сказал он, переводя дыхание. — Я чувствую, поезд отойдет вот-вот!

Мы лихорадочно наваливали наши пожитки на тачку, подгоняемые доносящимися издали пытением и ворчанием — это паровоз разводил пары. Погрузились — и помчались по дороге. Позади, что твой пулемет, грохотала тачка, влекомая Айвеном и запыхавшимся незнакомцем. Мокрые как мыши, мы галопом влетели на станцию, высунув языки, и сразу же возбудили нездоровый интерес разного сброда, собравшегося на платформе. Толпа приветствовала наши разгоряченные, взъерошенные персоны насмешливым свистом, сменившимся злорадным улюлюканьем, когда тачка со всего маху налетела на камень и часть багажа вывалилась на землю. Но вот сверхчеловеческим усилием мы швырнули в вагон последнюю коробку — и поезд тронулся. Я же, высунувшись из окна, успел-таки бросить горсть монет прямо в лицо нашему благодетелю, который отчаянно бежал за поездом и умоляюще протягивал руки.

Крохотный паровозик отважно мчал вперед, увлекая за собою череду облезлых вагончиков мимо залитых водой рисовых полей и темнеющих островков леса; ему было так радостно, что однажды он набрал скорость — подумать только, целых двадцать миль в час! И как он выдержал столь огромную скорость! Пейзаж сиял самыми яркими оттенками зеленого, словно его почистили, помыли и подкрасили специально для нас. Повсюду, где только видел глаз, простиралось царство птиц. Тут и искрящиеся белые цапли, торжественно вышагивающие по коротеньким, нежно-зеленым всходам риса; и яканы, взмывающие в воздух при приближении поезда с оросительных каналов, убранных узором из водяных лилий, — при взлете бросались в глаза их желтые, словно лютики, крылья. В лазури небосвода вычерчивали свои величественные арабески коршуны-слизнееды, а в кустах перепархивали с ветки на ветку десятки красногрудых трупялов; их малиновые грудки вспыхивали на зеленом фоне словно огоньки. Пейзаж, казалось, был перенаселен пернатыми — поднимешь глаза, увидишь цапель, а чуть опустишь — не налюбуешься их величавым, мерцающим отражением в воде. А вот опять яканы, семенящие на длинных ногах по ковру из листьев водяных лилий; а там из камышей выглядывают покачивающиеся желтые головки болотных птиц. У меня уже рябило в глазах от этого калейдоскопа впечатлений, а взгляд мой все никак не мог насытиться — то яркое цветочное пятно, то движение пестрых крыльев в камышах, то стремительный перелет над полями.

Между тем Боб преспокойно дрыхнул в уголке вагона, а Айвен пропал где-то в купе проводников, предоставив мне одному любоваться орнитологическим парадом; вдруг налетел свежий ветер, заволок пылью гладь воды в каналах и моментально наполнил купе удушливым дымом, гордо изрыгаемым паровозной трубой. Я неохотно закрыл окно, каковое, судя по его

внешнему виду, никогда не мылось с тех самых пор, как было вставлено. Коль скоро красоты местности теперь были от меня отрезаны, я последовал примеру Боба и задремал. Наконец паровозик, сделав последний рывок, втащил-таки состав в Парику; тут мы все проснулись и не торопясь вышли на платформу.

На месте обнаружилось, что речной пароход, храня немислимую в условиях тропиков верность расписанию, уже подошел к причалу и громко, призывно гудит, возвещая о своем намерении тронуться в путь. Мы поспешно взбежали на борт и вскоре блаженно растянулись в каких ни есть шезлонгах, которые для нас припас Айвен. Пыхтя, пароход отошел от Парики и устремился вниз по течению, по темным водам Эссекибо, лавируя в запутанном лабиринте меж крохотных зеленых островков, которые словно бы нарочно всплывали на поверхность перед самым его носом. Мы же, подремывая, сидели в шезлонгах, ели бананы и любовались красотой, возникшей в хитрых цепочках островов, мимо которых проплывал пароход. Когда подошло время, нам подали обед в крохотном салоне; насытившись, мы вернулись в шезлонги наслаждаться солнцем. Но стоило мне снова задремать, как меня тут же бесцеремонно разбудил Боб, трясая за руку:

— Джерри, просыпайся скорее! А то проспичь такое! Пароход, очевидно намереваясь обогнуть мель, подошел почти вплотную к берегу, так что от густого подлеска нас отделяли каких-нибудь пятнадцать футов. Я окинул сонным взглядом деревья.

— Что-то я ничего не вижу... Что там такое?

— Да вон же там, на ветке... Зашевелилась! Неужели не видишь?

Вот тут я и увидел! В блеске солнечных лучей, среди листвы, восседало создание, будто пожаловавшее из волшебной сказки — крупная ящерица, да нет, пожалуй, целый ящер с чешуйчатым телом, раскрашенным во все оттенки нефритового, изумрудного и травянисто-зеленого.

Его массивная шишковатая голова была инкрустирована крупными чешуйками, а под подбородком красовалась крупная сережка, точно у индюка. Ящер небрежно возлегал на ветке, вцепившись в дерево мощными кривыми когтями и свесив к воде длинный хвост, похожий на кнут. Завороженные зрелищем, мы наблюдали, как он повернул голову, украшенную оборочками и шишками, и спокойно принялся за трапезу, благо молодых листочков и побегов вокруг было сколько угодно. Я никак не мог поверить, что это не сон, и в то же время думал: неужели те невзрачные, вялые, окрашенные в тусклые серые краски существа, которых в зоопарках выдают за игуан, приходятся родней этому красавцу?! Когда мы поравнялись, он повернул голову и бросил нам надменный взгляд своих маленьких глаз, похожих на золотые блестки. Создавалось впечатление, будто ящер только и ждал появления какого-нибудь гвианского Святого Георгия — попробуйте сразиться со мной! Мы глядели на ящера, потеряв дар речи, пока его зеленое тело, удаляясь от нас, не слилось с листвою.

Мы еще некоторое время обменивались впечатлениями от увиденного, как вдруг появился Айвен. Вид у него был взволнованный.

— Что стряслось, Айвен? — спросил я.

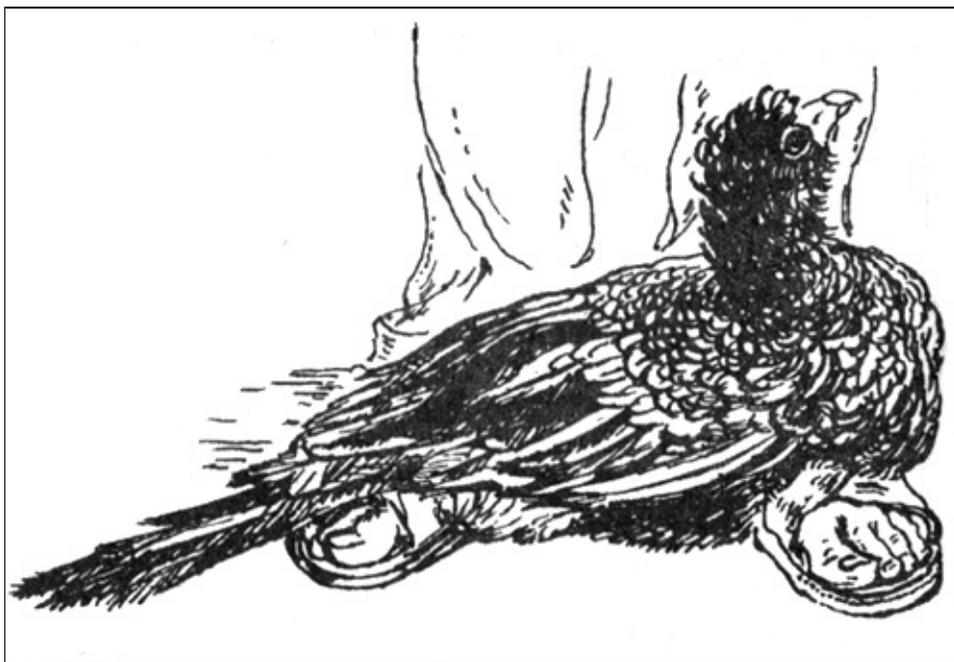
— Ничего, сэр. Просто мы скоро будем на месте.

Мы с Бобом поспешно перевели взгляд на берег, но не увидели ничего, кроме тянувшейся до самого горизонта сплошной полосы леса. Я уже собирался спросить у Айвена, не ошибается ли он, как пароход миновал небольшую излучину, и вот среди поросли обозначился большой сарай, а из мангров выступил каменный мол. На рифленной железной крыше сарая красовалось выведенное броскими белыми буквами название:

Но это был пока только населенный пункт Эдвенчер. Настоящие приключения ждали нас впереди.

Глава первая, в которой речь пойдет о змеях и сакивинках

Не могу удержаться от того, чтобы еще раз не отдать должное организаторским способностям Айвена. Уже в день прибытия у нас было где устроить полагающееся по времени суток чаепитие. В нашем распоряжении оказался целый дом, и не где-нибудь на задворках, а на главной улице Эдвенчер.

Впрочем, «дом» сказано с большой натяжкой, если можно так назвать крохотную деревянную халупу, до того изъеденную червями и термитами, что было не ясно, как ей удавалось сохранять вертикальное положение. Она, как и все дома в Гвиане, возвышалась на деревянных сваях, а внутри были три комнаты, одна из которых служила нам спальней и столовой, вторая — кухней, а третью мы предназначили для животных. Располагалась хижина довольно далеко от дороги и отделялась от нее широкой, наполненной водой канавой, через которую был перекинут расшатанный деревянный мостик. Коротенькая, но крутая лестница, заканчивавшаяся небольшим квадратным балкончиком, вела к передней двери. Такие же ступеньки в задней части хижины вели в кухню.

В тот вечер Айвен был в ударе и творил на кухне некие странные магические ритуалы, наполняя атмосферу божественным, аппетитным ароматом кэрри, а Боб, в свою очередь, колдовал в спальне, мужественно пытаясь разместить три гамака в пространстве, которого едва хватило бы и на один. Я же восседал снаружи, на вершине шаткой деревянной лестницы, в лучах скудеющего света; меня окружали книги, рисунки и целый симпозиум местных охотников, которых созвал Айвен. Предварительный разговор с аборигенами — крайне важная составляющая часть экспедиции. Показывая им изображения различных животных, которых ты хотел бы у них приобрести, многое узнаешь о местной фауне, в частности редок или распространен тот или иной вид. Ну и, конечно, следует заранее поторговаться, чтобы и тебе и охотникам было ясно что к чему. А надо сказать, что давненько не видел я такого разношерстного и любопытного народца, как охотничий контингент Эдвенчер: тут и пара здоровенных негров, и толстенький малорослый китаец с бесстрастным лицом, как и у большинства представителей его племени; ну и конечно же семь — восемь худощавых индейцев

с горящими карими глазами и путаницей черных как смоль волос, и целое сборище метисов самых разных комплекций и оттенков кожи. К сожалению, препятствием для плодотворных переговоров являлось то обстоятельство, что я совсем недавно приехал в страну и, естественно, не имел времени освоиться с местными названиями животных.

— Айвен, вот этот парень обещает раздобыть для меня пимпу, — крикнул я, перекрывая проклятия намаявшегося с гамаками Боба и шипение кэрри, — а что это такое? Некая разновидность дикой свиньи?

— Нет, сэр, — кричал мне в ответ Айвен. — Пимпа — это дикобраз.

— А что значит «киджихи»?

— Такое мелкое животное с длинным носом, сэр.

— Это вроде мангусты?

— Нет, сэр, она крупнее мангусты, с очень длинным носом и кольцами на хвосте. Так и ходит хвост трубой.

— Во-во! — хором ответили охотники в знак подтверждения.

— Носуха, что ли? — спросил я, поразмыслив.

— Именно так, сэр, — крикнул Айвен.

И так битых два часа, пока Айвен не доложил наконец, что еда готова. Распустив охотников по домам, мы вошли в комнату, — и... о ужас!.. При свете лампы-молнии нам открылось странное зрелище, будто кто-то без видимого успеха пытался устроить в нашей комнате передвижной цирк. Веревки, канаты оплетали комнату, точно паутина гигантского паука; посреди всего этого хаоса с потерянным видом стоял Боб, держа в руке молоток и беспомощно пытаясь разобраться в конструкции гамаков.

— Скорее я сам повешусь, чем научусь их вешать! — скорбно сказал он, увидев меня. — Ну вот хотя бы москитная сетка к моему гамаку... Черт ее поймет, куда ее приспособить?

— Не знаю наверняка, но думаю так: сперва сетку, потом гамак, — сказал я, горя желанием помочь.

Предоставив Бобу самостоятельно распутывать им же самим завязанный гордиев узел гамаков, я отправился в кухню помогать Айвену сервировать стол.

Мы расчистили часть стола от свешивающейся поросли веревок, и только было принялись за изысканную трапезу, как раздался громкий стук в дверь и чей-то грубый голос прохрипел:

— Доброй ночи! Доброй ночи! Доброй ночи!

Засим в комнату ввалился, выписывая кренделя кривыми, словно бананы, ногами, маленький сморщенный человечек — метис с преобладанием индейских кровей. Рожа у него была точно как у макаки, облопавшейся вышеупомянутых фруктов и мучающейся несварением желудка. Шатаясь с сильного перепою, он вошел в круг света, отбрасываемого лампой-молнией, одарил нас идиотской улыбкой и обдал нас мощной волной ромового перегара.

— Это мистер Кордаи, сэр, — в явном замешательстве проговорил Айвен своим вышколенным голосом. — Он превосходный охотник.

— Именно так! — согласился мистер Кордаи, хватая мою руку и энергично трясая ее. — Доброй ночи, шеф, доброй ночи!

Еще в Джорджтауне я понял, что выражение «доброй ночи» употребляется в этой стране в качестве приветствия в любое время после захода солнца; но, пока ты к этому не привыкнешь, чувствуешь себя несколько неловко. Гость не заставил себя долго упрашивать пропустить за наше здоровье стаканчик-другой рому. А уж как сел, так и не сходил с места целый час, охотно, хотя и несколько сбивчиво, рассказывая о животных, которые попадались в его силки в прошлом и которых он собирался поймать в будущем. Мне удалось тактично свести разговор к более конкретному объекту — озеру, находившемуся в нескольких милях от Эдвенчер. Мы с

Бобом горели желанием побывать на этом озере, посетить расположенную неподалеку индейскую деревню, ну и, конечно, познакомиться с фауной, населявшей его берега. Вот уж когда наш собеседник особенно разошелся! Еще бы! Кто как не он знает это озеро лучше всех! Сколько раз посылала ему судьба в окрестных лесах смертельные схватки со змеями самых немислимых размеров, сколько раз случалось ему спастись вплавь от диких зверей, которых он пытался поймать!.. Чем больше он плел, тем меньше у меня оставалось доверия к мистери Кордаи, но все-таки после очередного стаканчика рому мы условились, что наутро он зайдет за нами и поведет к озеру. Он согласился, добавив, что самое правильное — выйти около шести и проделать самую трудную часть пути, прежде чем солнце начнет припекать. Раздавая обещания, что завтра мы добудем кучу самых разнообразных зверей, мистер Кордаи откланялся и, шатаясь, удалился в ночь.

В пять утра мы уже были на ногах и развернули лихорадочную подготовку к походу. В половине восьмого Айвен снова поставил чайник и послал местного мальчонку на поиски нашего столь обязательного проводника. Вернувшись полчаса спустя, наш юный посыльный доложил, что мистер Кордаи вообще не приходил домой ночевать и жена его не меньше нас встревожена, куда же он запропастился (хотя, надо думать, по совсем другим причинам). В десять стало совершенно очевидно, что мистер Кордаи забыл о нас, так что мы решили прогуляться вокруг Эдвенчер и посмотреть, каких животных тут можно встретить.

Перейдя дорогу, мы двинулись через лес и вскоре вышли на песчаный пляж. Перед нами простиралась вода Атлантики. Я полагал, что вода здесь соленая, как и положено морской воде, но из-за того, что мы находились вблизи устья реки Эссекибо, вода была пресной, хотя и Донельзя замутненной желтой грязью и обрывками листьев, выносимых течением из глубин материка. Песчаные Дюны, простирившиеся позади пляжа, поросли высоким Уродливым кустарником и рошицами корявых деревьев. Эти кустарнички и рошицы приютили немало самых разнообразных рептилий, их жизнь была здесь полным ключом. Вот анолисы — небольшие грациозные ящерки с огромными глазами и тонкими, изящными пальцами. Эти существа, во множестве снующие среди ветвей кустарника, безобидны и довольно беспомощны — их легко поймать голыми руками. Чахлые деревья густо обросли длинными прядями испанского мха, свисавшими словно большие космы седых волос. Между ветвями во множестве произрастали орхидеи и прочие эпифиты, прицепившись крохотными корнями к грубой коре под самыми немислимыми углами. В подлеске мы разыскали также немало древесных лягушек, изящно украшенных пепельно-серой филигранью по темно-зеленому фону. Этот колорит как нельзя лучше сочетается со мхом и листьями орхидей.

По песку вокруг нас, словно крупные зеленые ракеты, пронеслись многочисленные амейвы, многие из которых; достигали почти двенадцати дюймов в длину. Почему-то решив, что жизнь его много потеряет, если он не поймает хоть нескольких из этих блестящих ящериц, Боб с дикими криками пустился в погоню за одной, пытаясь поймать ее шляпой!.. Когда мой партнер бесследно исчез из виду, я понял, что подобный метод ловли рискует оставить его ни с чем. Так, а вот и еще одна амейва, да какая здоровая! Лежит себе на песочке да греется на солнышке, не подозревая, что за ней уже идет охота!.. А дайте-ка я попробую собственный метод!.. К черенку сачка для бабочек я привязал тонкий шнурок и завязал скользящую петлю. Затем я с величайшей осторожностью приблизился к амейве. Лежа на горячем песке, она настороженно наблюдала блестящими глазами за моими действиями. Я медленно подвел петлю к голове ящерицы, попытался накинуть — и что за незадача! Шнурок зацепился за стебельки травы, и все мои усилия насмарку! Амейва с любопытством изучала болтавшуюся перед ней петлю, по-видимому не связывая ее с моим присутствием. Предпринимаю еще одну попытку, выхожу один на один с ящерицей — и поминай как звали, только хвост мелькнул в гуще кустов.

Кляня судьбу и высматривая, нет ли где другой добычи, я услышал, как из кустов меня отчаянно зовет Боб. Побежав на крик, я увидел, что мой партнер стоит на четвереньках перед густой стеной подлеска.

— Что стряслось?

— Тиш-ше ты! Вон под тем кустом... там здоровенный тейю!

Я лег на песок, всмотрелся под куст — и впрямь, между корнями возлежала огромная жирная ящерица длиной около трех футов. Ее массивное тело густо украшали черные и ярко-красные чешуйки, а по черному хвосту рассыпались золотые блестки. У нее была широкая и, очевидно мощная пасть, из которой то появлялся, то исчезал толстый черный язык. Рептилия с интересом следила за нами.

— Надо что-то предпринять, — предложил я, — а то ведь удерет!

— Стой здесь, — сказал Боб, — а я попытаюсь отрезать ей путь к отступлению.

Сказав это, Боб уполз в тыл противника, я же, лежа ничком, продолжал наблюдения. И тут я впервые (а сколько таких случаев еще было у меня впереди!) убедился, сколь хитры эти неуклюжие на первый взгляд создания. Изгибая шею и поворачивая голову, ящерица снисходительно следила за обходными маневрами Боба. Выждав, когда мой компаньон почти дополз до противоположной стороны куста, тейю рванулся с места — только облачко пыли на мгновение повисло в воздухе. Боб вскочил, метнулся за ней — черта с два! Тейю уже благополучно скрылся под сенью соседнего куста.

Боб сел, выплевывая песок и оглядываясь по сторонам: куда же эта тварь могла запропасться? Между тем, когда я приблизился к театру боевых действий, тейю выполз из своего убежища и с опаской двинулся по направлению ко мне. Я стоял не шелохнувшись, и ящерица, очевидно приняв меня за ствол сухого дерева, приблизилась на расстояние нескольких футов. Когда она оказалась в пределах досягаемости, я повторил ястребиный бросок Боба, глухо плюхнулся на песок — но все же успел-таки цепко схватить ящерицу одной рукой за шею! Тейю мгновенно свернулся в кольцо и попытался укусить меня за руку, причем до того неожиданно, что чуть не вырвался у меня из рук. Никогда бы не поверил, какая сила может заключаться в этом не столь уж крупном существе! Поняв, что ей не вырваться, ящерица пустила в ход задние лапы с могучими когтями, пытаясь расцарапать мою руку до крови и в то же время отчаянно хлеща во все стороны хвостом. Нам с Бобом понадобилось целых десять минут, чтобы совладать с нею и запихать ее в мешок. К этому времени мы оба были ободраны в кровь, а меня эта тварь к тому же так хлестнула хвостом по лицу, что искры из глаз посыпались.

Лишь некоторое время спустя мы поняли, как нам повезло с этим тейю — ведь из всех обитающих в Гвиане ящериц они самые смелые и хитрые и так просто в руки не даются. В неволе лишь немногие из них приручаются подпускают к себе — большинство же остаются дикими коварными. Большинство ящериц кусаются лишь в том случае, если оказываются в безвыходном положении ил при попытке взять их в руки, а тейю может напасть и без всякого повода.

Правда, впоследствии мы приобрели кое-какой опыт, так что к определенному моменту у нас скопилось уже около двух десятков тейю, которых мы в Джорджтауне держали в большом ящике с проволочной сеткой. Но все же мне еще не раз приходилось убеждаться в их коварстве. Как-то раз я пришел поставить им свежей воды и увидел, что все они лежат кучей в одном из углов клетки, закрыв глаза. Полагая, что они спят, я спокойно открыл дверцу и только потянулся за миской, как вдруг одна из этих рептилий открыла глаза и мгновенно, бульдожьей хваткой повисла у меня на большом пальце. Я попытался стряхнуть ее, но от шума проснулись остальные ящерицы и стремглав бросились на помощь собрату. Я тут же вытащил руку из клетки вместе с повисшим на ней тейю и захлопнул дверцу — иначе вся эта дикая орда

неминуемо скопом вцепилась бы в мою руку. Пока на ней висела только одна тварь, освободить руку не составило особого труда, ну а если бы все двадцать — что тома? Даже подумать страшно! Не знаю других ящериц, которые по самому ничтожному поводу проявляли бы такую злость! Когда в ящик с тейю сажали новых жильцов, то проволочную сетку приходилось накрывать мешковиной, иначе ящерицы бросались на сетку и принимались кусать и царапать ее когтями, стараясь дорваться до человека.

...Успешно завершив поимку нашего первого тейю, мы предприняли новые попытки ловить амейв. Хотя в прошлый раз ни один из нас не достиг цели, предложенный мною метод лова — с помощью скользящей петли — был все же признан более надежным, нежели «шапкозакидательский» метод Боба. Ох, сколько же понадобилось терпения, сколько было пережито горечи разочарований, прежде чем нам удалось поймать шесть экземпляров этих прелестных созданий. А ведь они и в самом деле восхитительны — так и сияют, словно полированные резные безделушки, затейливо раскрашенные травянисто-зеленым, черным и желтым.

Правда, они требовали крайне осторожного обращения, но по иной причине, чем тейю. Чуть что — и ящерица сбрасывает свой великолепный длинный хвост, а кому такая нужна? Но, в итоге, надежно упаковав ящериц в холщовые мешки, мы направились к нашей хижине пообедать, заодно и посмотреть, не объявился наш отважный охотник мистер Кордаи.

Как и следовало ожидать, храбреца ловца нигде и духу не было. Зато на ступеньках хижины нас поджидал молодой индеец, у ног которого лежал большой мешок. Присмотревшись, я увидел, что мешок шевелится.

— С чем пожаловали? — спросил я, с надеждой глядя на мешок.

— Кумуди, хозяин, — с улыбкой сказал юноша. — Большая водяная кумуди.

— Что такое «водяная кумуди»? — спросил я у Айвена, который как раз в этот момент появился из кухни.

— Это крупная змея, сэр. Вроде боа, только живет в воде.

Я подошел к мешку и приподнял его. Он оказался весьма тяжелым, и когда я поднял его, изнутри раздалось зловещее, рассерженное шипение. Развязав веревку, я заглянул внутрь — вот это да! Там, в глубине, свернулась кольцами большая блестящая анаконда. Это водяная змея, родственница боа-констриктору. Об этой рептилии понаписана масса волнующих, но не всегда внушающих доверие историй.

— Взгляни, Боб, — сказал я, наивно рассчитывая доставить моему компаньону радость от нового приобретения. Это анаконда, да какая!

— Да ну тебя! — отшатнулся Боб. — Завяжи-ка лучше мешок, от греха подальше!

Но выполнить это требование сразу оказалось невозможным. Дело в том, что гвианские змееловы требуют плату за пойманных удавов и анаконд не со штуки, а с погонного фута. Может, с их стороны это и резонно, но нам-то от этого не легче: ведь чтобы измерить длину змеи, ее приходится вынимать из мешка, в каком бы настроении она ни была. В частности, анаконда, о которой идет речь, пребывала в весьма дурном настроении, и лишь впоследствии я узнал, что они крайне редко пребывают в каком-либо другом. Но в тот момент я, еще не имея представления о сложности характера анаконд и привыкнув к куда более покладистым африканским питонам, запросто засунул руку в мешок, чтобы схватить анаконду за шею. Она яростно бросилась на меня, но, по счастью, промахнулась; Айвен, индеец и Боб со страхом взирали на меня как на сумасшедшего.

— Вы что, сэр! Это же презлющая змея! — сказ Айвен.

— Она укусит вас, — прошептал индеец.

— И ты получишь заражение крови, — заключил Боб.

Но эти предостережения мне уже были ни к чему. Со второй попытки я сцапал-таки шипящую и извивающуюся рептилию за шею и выволок из мешка. Индеец измерил ее — пять футов шесть дюймов, не так уж и много для анаконды: известны экземпляры и до двадцати пяти футов длиной. Уплатив индейцу запрошенную им сумму с погонного фута, мы с Бобом, как отважные змееловы, дружным усилием запихали анаконду в один из надежных мешков, которые привезли с собою специально для этой цели. Затем я вылил на мешок пару ведер воды и отнес в комнату, где содержались другие добытые животные.

Некоторое время спустя я отправился в единственный в Эдвенчер магазин купить гвоздей. Возвращаюсь — и что я вижу? Боб стоит на верхней ступеньке деревянной лестницы, ведущей в кухню, с застывшим выражением лица и толстенным суком, точно древком знамени, в руке — ну, Наполеон на Аркольском мосту! Из глубины дома доносилось утрюмое бормотание Айвена, периодически сменявшееся завыванием.

— Что стряслось? — бодрым голосом спросил я.

Боб бросил на меня полный отчаяния взгляд.

— Твоя анаконда удрала, — сказал он.

— Как удрала? Каким образом?

— Не знаю как, но факт остается фактом. Устроилась в кухне. Похоже, ей там нравится.

Я взбежал по ступенькам и заглянул в кухню. Анаконда возлежала, свернувшись кольцами возле печки, а опрокинутый горшок, валявшийся на полу посередине кухни, свидетельствовал о поспешном отступлении Айвена. Увидев меня, анаконда с яростным шипением двинулась в мою сторону, но безрезультатно, потому как до меня было добрых шесть футов. Тут из двери спальни показалась голова Айвена — судя по выражению его лица, он так и не оправился от шока.

— Как бы нам ее поймать, сэр? — спросил он.

Тут змея с шипением рванулась к нему. Айвена как ветром сдуло.

— Попробуем прижать к полу, — сказал я, как мне показалось, очень авторитетным тоном.

— А ты видишь, в каком она настроении? — парировал Боб. — Ну, уж если ты так настаиваешь, сам входи и принимай. В случае чего я прикрою твой отход.

Поняв, что ни Боба, ни Айвена в кухню калачом не заманишь, я решил выйти на подвиг один. С мешком наготове и с рогулькой наперевес я двинулся на анаконду как матадор на быка. Змея собралась в тугий напряженный узел и бросилась на мешок, а я заплясал вокруг, пытаюсь улучшить момент и прижать ее рогулькой к полу. Но вот на краткое мгновение голова ее застыла, р-раз! — и змея презрительно отшвыривает рогульку и быстро ползет к выходу, яростно шипя, словно автогенная горелка. В этот момент, видя, что анаконда надвигается прямо на него, Боб машинально шагнул назад, забыв про ступеньки, — и — бумс-бумс-бумс вниз по лестнице! Анаконда — за ним. Когда я подбежал к двери, Боб уже сидел внизу посреди лужи перед лестницей. Змеи нигде не было видно.

— Куда она делась?!

— И... ты еще... смеешь спрашивать? — огрызнулся он, медленно вставая на ноги. — Я чуть шею не сломал, а ты — куда де-елась, куда де-елась! Так я тебе взял и пошел искать, куда делся твой экземпляр!

Обшарили все вокруг, во все щели заглянули — как в воду канула! Но как же она все-таки вырвалась из плена? Оказалось, обнаружила не замеченную прежде дырочку в уголке мешка. Возможно, поначалу она была совсем крохотной, зато теперь у мешка не было дна, но имелось две горловины. Когда мы уселись пить чай, я позволил себе поплакаться об утрате такого великолепного экземпляра.

— Ничего страшного, — утешал меня Боб. — Полагаю, она явится ночевать к Айвену в

гамак. Уж от него-то она не улизнет!

Айвен промолчал, но по выражению его лица было нетрудно догадаться, что перспектива застать у себя в гамаке анаконду его отнюдь не радовала.

Наш чай прервало появление коротенького, пухленького и чрезвычайно застенчивого китайца; под мышкой у него была какая-то большая и смешная птица. Размером она с домашнюю индюшку и выделялась строгим черным нарядом, только крылья у нее оттенялись белыми перьями. Голова увенчивалась пучком кучерявых перьев, похожим на взъерошенный ветром хохолок. Клюв у нее был короткий и толстый, у основания вокруг ноздрей покрытый толстым восковиной. Этот клюв, как и массивные ноги, похожие на цыплячьи, были желтого канареечного цвета. Птица смотрела на нас большими темными проникновенными глазами, в которых тем не менее блестел сумасшедший огонек. Птица носила эффектное имя — кюрассо; после непродолжительного торга я приобрел эту птицу у китайца, и владелец посадил ее к нашим ногам. С минуту она простояла неподвижно, мигая глазами и издавая мягкое и жалобное «пит... пит... пит...» — звуки, никак не сочетавшиеся с ее размерами и импозантной внешностью. Я наклонился и погладил ее по голове; птица тут же закрыла глаза и уселась на полу, блаженно подрагивая крыльями и гортанно курлыча. Но всякий раз, как только я переставал ее поглаживать, она открывала глаза и глядела на меня с недоумением, и в ее «пит... пит... пит...» звучали ноты оскорбленной невинности. Поняв, что я абсолютно не намерен торчать около нее весь день и гладить по головке, она грузно поднялась и подвалила к моим ногам, по-прежнему забавно пища; подобравшись ко мне неслышною, хитрою поступью, она разлеглась на моих туфлях, закрыла глаза и вновь принялась блаженно курлыкать. Нам с Бобом еще никогда не доводилось видеть столь кроткой, глупой и дружелюбной птицы, и мы единодушно окрестили ее Катбертом — это имя как нельзя более соответствовало ее сентиментальному характеру.

Китаец заверил нас, что Катберт до того ручной, что никуда не убежит. Мы решили: пусть свободно разгуливает по дому, только на ночь запирать будем. В первый же вечер он дал нам понять, каких сюрпризов от него можно ожидать. Эта треклятая птица оказалась не просто ручной — она ни минуты не могла прожить без человеческого общества, более того, норовила устроиться как можно ближе к человеку.

Когда китаец ушел, я засел за дневниковые записи, которые порядком подзабросил. Через некоторое время Катберт решил, что толика моего внимания ему не повредит и, громко хлопая крыльями, взгромоздился на стол. Он медленно пересек стол наискосок, радостно пища, и попытался разлечься прямо на моей тетради. Я оттолкнул его, и реакция последовала незамедлительно. С оскорбленным видом он отступил назад и перевернул чернильницу. Пока я вытирал чернильную лужу, он успел наложить на две страницы моего дневника свою личную печать, столь увесистую и липкую, что эти две страницы мне пришлось переписывать заново. Тем временем Катберт предпринимал одну за другой попытки забраться ко мне на колени, но всякий раз получал решительный отпор. Поняв, что хитростью меня не возьмешь, Катберт решил переменить тактику и действовать наскоком. Он вспорхнул, намереваясь сесть ко мне на плечо, но промахнулся и тяжело плюхнулся на стол, снова опрокинув чернильницу. Все эти свои нелепые маневры Катберт сопровождал беспрестанным забавным писком. Наконец я, потеряв терпение, спихнул его со стола, и бедняге ничего не оставалось, как удалиться в угол, затаив обиду.

Но, увы, сюрпризы на этом не закончились. Немного погодя явился Боб развешивать спальные принадлежности — ах, знал бы он, что его сейчас ожидает! В пылу неравной борьбы с веревками, поддерживающими гамаки, бедняга не заметил, как коварный противник незаметно

подкрался со спины и улегся у самых ног. Когда сражение с гамаком достигло апогея, Боб сделал шаг назад, споткнулся о пернатого и полетел... только не ввысь, а на пол. Издав невольный клич, Катберт вновь ретировался в свой угол. Выбрав момент, когда Боб, как ему казалось, с головой окунулся в дело, он вышел из убежища и вновь улегся у него под ногами. Дальше, как сейчас помню, последовал ужасающий грохот — это снова рухнул на пол Боб со всеми гамаками в придачу. Из-под груды москитных сеток и веревок Катберт таращил глаза и раздраженно пищал. Я не мог удержаться от смеха!

— Так ты... еще и ржешь! — негодуяюще проревел Боб. — Значит, так: или ты сейчас же уберешь эту мерзкую птицу, или у тебя еще одним «ценным экземпляром» станет меньше, помяни мое слово! Не возражаю, пусть ластится ко мне, когда мне больше нечем заняться. Но отвечать ему взаимностью и одновременно развешивать гамаки — это уже слишком!

Так Катберту пришлось изменить меру пресечения — взамен «подписки о невыезде» он был препровожден в общую комнату для животных. Но и этого мне показалось мало, и я привязал его за ногу к одной из клеток — пусть пищит сколько влезет, не поможет все равно!

Впрочем, к вечеру мы несколько смиростивились, и когда вышли на лестницу покурить и поболтать, Катберту было разрешено посидеть с нами. Айвен сообщил новость — ему удалось повидать неуловимого Кордаи. Оказывается, он ездил в Джорджтаун, но теперь, когда со всеми делами покончено, он зайдет за нами завтра на рассвете и сопроводит нас на озеро. Повидимому, Айвен полагал, что этот джентльмен на сей раз не обманет, но мне, говоря по совести, верилось с трудом.

Был теплый вечер. Воздух напоен мелодичным пением сверчков. Вдруг из соседнего куста раздалось несколько диссонирующих звуков, напоминавших отрывку — это в общий хор вступила и тут же смолкла, должно быть засмутовавшись, древесная лягушка. Но вот до наших ушей донеслось едва слышное влюбленное рыгание ее дружка, и она кротко ответила ему. Только мы завели разговор, не отправиться ли нам на поиски этих созданий, полагая, что в зоопарке-то их обучат светским манерам, как вдруг на дороге показались многочисленные мерцающие огни, двигавшиеся в нашу сторону. Поравнявшись с домом, толпа свернула с дороги и пересекла деревянный мостик — только слышно было, как шаркают по доскам босые ноги. Когда вошедшие обступили лестницу, я узнал среди них нескольких индейских охотников, с которыми разговаривал накануне вечером.

— Доброй ночи, хозяин, — хором воскликнули они. — Мы принесли тебе зверей!

Мы провели охотников в нашу крохотную жилую комнату. Тесно набившись, они тщательно закрыли все окна и двери. В их бронзовых лицах, освещаемых лампой-молнией, угадывалось стремление скорее показать нам свои трофеи. Кто-то самый нетерпеливый протиснулся вперед и жертвенным жестом положил на стол старый мешок из-под муки, полный извивающихся и копошащихся существ.

— Это ящерицы, хозяин, — радостно сказал охотник.

Я развязал мешок. Оттуда немедленно высунула голову амейва, да как меня за палец — цап! Мгновенно последовал такой взрыв всеобщего хохота, что хижина чуть было не рассыпалась в прах. Насилу запихнув милую тварь обратно в мешок, я передал его Бобу:

— На-ка, дружище, сосчитай ящериц! Ты ведь так любишь их, если не ошибаюсь.

Пока, мы с Айвеном торговались с владельцем, Боб, призвав в помощь одного из охотников, тщательно пересчитал ящериц. Правда, две из них предприняли попытку скрыться за частоколом бронзовых ног, но были благополучно пойманы.

Засим место в нашем «алтаре» заняла весьма ветхая корзина, в которой находилась пара черных как смоль змей примерно по четыре фута каждая. Концы их хвостов на протяжении последних шести дюймов были ярко-желтого цвета. Боб, на которого явно нахлынули воспоминания об анаконде, посматривал на них с опаской. Айвен заверил нас, что эти змеи, которых зовут здесь желтохвостиками, совершенно безобидны. Тем не менее, пересаживая змей из корзины в прочный мешок, мы не пренебрегли мерами предосторожности, и поняли, что были правы: змеи свирепо набрасывались на все, что попадалось им на глаза. Следом за желтохвостиками нашему вниманию предложили четырех крупных игуан — их лапы были скручены на спине самым болезненным и опасным для животного образом. Пришлось

объяснять охотникам, что, может быть, это и самый удобный способ доставки игуан для продажи на рынке, но я не хочу, чтобы так же их доставляли мне. К счастью, ящерицы, по-видимому, серьезно не пострадали — возможно, потому, что пробыли связанными не столь уж долго.

Но главный сюрприз вечера ждал нас впереди. Передо мной поставили большой деревянный ящик. Я заглянул сквозь планки, из которых была сбита крышка, и — о чудо! — ящик оказался полон крохотных прелестных обезьянок! Тонкие, грациозные создания, облаченные в зеленоватую шкурку — только большие уши были белыми да черные мордочки опущены желтым. Кучка этих милых мордашек, пылливо смотревших на меня светящимися янтарными глазами, удивительно напоминала мне клумбу с анютиными глазками. А сколь забавны у них головки — выпуклые, яйцеобразные и какие-то несуразно большие на крохотных тельцах. Обезьянки нервно сбились в стайку и издавали пронзительные, щебечущие крики.

— Вот это да! Что же это за обезьяны? — с восторгом спросил Боб.

— Обезьяны-белки, а как по-здешнему, не знаю.

— Сакивинки, хозяин! — хором ответили охотники.

Ей-богу, имя подходило им как нельзя лучше — оно звучало так похоже на их пронзительный крик! Я насчитал в ящике пять этих робких существ, и он был явно слишком тесен для них. Поэтому первое, что я сделал, расплатившись со всеми охотниками, — засел за работу и соорудил для них клетку попросторнее. Переселив обезьянок в новое жилище, я отнес клетку в комнату к прочим животным.

А что же Катберт, спросите вы? А Катберт тем временем наслаждался жизнью. Имея в распоряжении столько разноцветных ног, собравшихся в одной тесной комнате, он получил большие возможности для демонстрации своей любви к роду человеческому, чем и воспользовался как следует, повалившись в ногах едва ли не у всех охотников. Сообразив, что все его собратья, живущие в дикой природе, уже давно спят, я водворил его в комнату для животных и затворил дверь. И то сказать, нынче за день мы намаялись, а назавтра предстоял большой поход. Так что самым правильным было немедленно завалиться спать.

Какое там! Как только мы потушили свет и хотели разбрестись по своим гамакам, как раздался ужасающий шум, перепугавший всех нас до смерти. Это был негодующий, протестующий голос Катберта, к которому присоединялось пронзительное верещание обезьянок. Я мигом зажег лампу и поспешил посмотреть, что стряслось.

Катберт с ужасно разозленным видом сидел на полу, рассерженно пища. Он явно хотел устроиться на клетке с обезьянками и вспорхнул было на самый верх, да, к несчастью, не заметил, что его хвост свесился перед прутьями решетки. Ну и, естественно, обезьянки, заинтригованные роскошным хвостом, который отчетливо виднелся в лунном освещении, захотели попробовать на ощупь, что же это такое. А надо сказать, что при всей кажущейся хрупкости сложения хватка у обезьянки мертвая. Почуввав, что его хватают за хвост, Катберт ракетой взмыл под потолок, оставив у обезьянок в лапах два больших пера из хвоста. Я утешил его как мог, переселил на новое место и на всякий случай привязал покрепче — не суйся больше к обезьянкам! Прошло немало времени, прежде чем те кончили обсуждать происшедшее своими щебечущими голосами, а Катберт перестал пищать и заснул. Впрочем, урок пошел впрок: с той поры Катберт неизменно держался от обезьянок на почтительном расстоянии.

Глава вторая

Про необыкновенный концерт и самый лучший способ ловли крыс

На сей раз прав оказался Айвен. Мистер Кордаи сдержал слово: только ожил бледный свет зари, мы выступили в поход к таинственному озеру. На деревьях, окружавших нашу убогую хижину, мало-помалу пробуждались птицы и робкими голосами затягивали песнь во славу нового дня. Ко времени, когда солнце вошло, мы уже отшагали несколько миль по узкой, вьющейся тропинке, бежавшей среди зеленых рисовых полей и безмолвных оросительных каналов. В золоте новорожденной зари еще ярче и пестрее казался порхающий, щебечущий птичий калейдоскоп — от стайки голубых танагров, обитающих на маленьких низкорослых деревцах, окаймляющих поля. Гонясь за насекомыми, они перепархивают с ветки на ветку и перекликаются тонкими пронзительными голосами. У этих птах ростом с воробья темно-синие крылья, а туловище покрыто оперением нежнейшего небесно-голубого цвета, какой только можно себе вообразить. На одном дереве я увидел трех голубых танагров в компании пяти болотных птиц — черных как смоль, с желтыми, как у одуванчика, головками.

Такая комбинация цветов этих двух различных видов птиц, кормившихся вместе, выглядит прямо-таки поразительной. Среди хрупких, зеленеющих всходов риса во множестве виднелись красногрудые трупялы — похожие на дроздов птахи с удивительно яркой грудью. Взмывая ввысь при нашем появлении, они расцвечивали воздух, словно экзотические фейерверки. Но вот какая загадка птичьего мира не дает мне покоя — почему большинство здешних видов птиц имеют такую броскую окраску? Ведь, скажем, если вы увидите в Англии зеленого дятла где-нибудь на пригородной лужайке, он покажется вам яркой тропической птицей, а взгляните на него весной в дубовой роще, и вы удивитесь, как искусно сливается с листвой его яркое оперение. А посмотрите на разноцветного попугая — каким необыкновенным он кажется в клетке зоопарка, а подите-ка разглядите его в родном лесу! То же правило применимо к пернатым чуть ли не по всему свету, а вот в Гвиане большинство птиц словно и не подозревают о существовании такой формы защиты, как покровительственная окраска. Россыпи голубых

танагров на фоне зеленой листвы выделяются так же, как Юнион-Джек^[3] на фоне заснеженного поля; красногрудые трупялы сияют вам яркими грудками, как крохотные светофоры, словно бояться, что вы их не заметите. Так и болотные птицы выделяются на зеленом фоне черно-желтыми силуэтами. Одного вида всех этих ярких птиц, суетливо кормящихся на фоне растительности, было бы достаточно, чтобы навлечь на них ястребов со всей округи. Я долго задумывался над столь беспечным поведением гвианских пернатых, но так и не нашел разгадки.

Но вот осталась позади блестящая сочными красками возделанная равнина, и нас поразила внезапная смена пейзажа. Взамен цветущей пышной зелени — небольшие кучки чахлах, опутанных мхом деревьев, окруженных пыльным, истрепанным ковром низенького кустарника. Но и такие места выглядели оазисами на фоне огромных безжизненных пространств песка, белых и мерцающих, словно выпавший снег. Да и сам песок был мелкий и белый, перемешанный с миллионами крохотных пластинок слюды, в которых, словно в миллионах алмазов, отражались лучи утреннего солнца. Незадолго до того, как мы достигли этой странной белой пустыни, Кордаи снял башмаки, и я теперь понял почему: босиком ему было легко и быстро скользить по сверкающему песку, словно на лыжах, тогда как Боб, Айвен и ваш покорный слуга едва поспевали за ним, по щиколотку увязая в песке, который предательски набивался нам в башмаки!

Песчаные острова, или, как их называют в Гвиане, маури, встречаются там довольно часто. На самом деле — это остатки древнего морского дна (трудно поверить, что когда-то морские волны плескались на всей территории, где теперь расположена целая страна!). С точки зрения ботаника, маури интересны до чрезвычайности, так как произрастающие на них кустарники и травы либо вообще свойственны только данному типу местности и больше нигде в Гвиане не встречаются, либо являются причудливыми разновидностями флоры влажных лесов, адаптировавшимися к жизни в безводной местности. Иные искривленные низкорослые деревья убраны огромными гроздьями орхидей, источающимися из их коры, словно струи розовых цветочных водопадов. Конечно, здесь, в этой пустынной местности, орхидеи выглядят особенно нарядно и сочно, но как-то совершенно неуместно. Впрочем, ветвям некоторых других деревьев достались куда более скромные, зато более естественные украшения: серые, слепленные из грязи гнезда термитов. Из дупла одного такого гнезда при нашем появлении выпорхнула пара попугаев и с хриплыми криками полетела между деревьями. Но основными обитателями этого маури оказались сотни крупных амейв, очевидно облюбовавших белый ландшафт именно потому, что на нем я отчетливо смотрелась их яркая внешность. Здешние амейвы казались более смелыми, чем те, что обитали возле Эдвенчер. Они подпускали нас совсем близко и уползали не торопясь. Я удивлялся, каким образом сотни крупных и прожорливых ящериц находили себе среди чахлах и скудной растительности достаточно пропитания в виде насекомых, но факт остается фактом: все они выглядели упитанными и, видимо, не имели причин жаловаться на жизнь. Возможно, гвианские песчаные острова и представляют огромный интерес с точки зрения ботаники и зоологии, но кросс по такой сильно пересеченной местности, мягко говоря, довольно утомителен. После того как мы прошагали мили две по песку, мой энтузиазм заметно угас. Я взмок как мышь, от ослепительного блеска песка болели глаза. Очевидно, Боб и Айвен чувствовали себя не лучше, а вот Кордаи — хоть бы что! Меня аж зло разбирало: трудно поверить, что позади столько миль пути, а он выглядел отлично! Наша троица едва поспевала за ним, бросая ему в спину суровые мрачные взгляды. Вдруг песчаная коса кончилась столь же внезапно, как и началась, и мы очутились под благодатной сенью густого леса, росшего по берегам широкого и неглубокого канала. Кордаи намеревался и дальше безостановочно мчаться вперед, но так как нас было трое, то он вынужден был капитулировать, и мы улеглись в тенечке для отдыха.

После такого изматывающего перехода вся наша компания лежала молчаливо и недвижно. Но вот на осенявший нас полог из переплетенных ветвей сели крохотные птахи и, о чем-то взволнованно щебеча, принялись перепархивать с ветки на ветку. Это были кругленькие птички с умными крутолобыми головками и большими темными глазами. Верхняя половинка тела у них окрашена насыщенным блестящим цветом берлинской лазури и кажется почти что вороненой, пока на нее не упадут солнечные лучи. Нижняя же половина — ярко-желтого, переходящего в оранжевый цвета. Милые пташечки весело прыгали и порхали среди листвы, громко перекликаясь между собою звенящими голосами и время от времени, свесив головы, искоса поглядывали на нас. Я растолкал Боба, чтобы обратить его внимание на птиц.

— Как они называются? Ей-богу, они из мультфильма Уолта Диснея!

— По-научному — *Tanagra Violacea*, — звучно произнес я.

— Что-о???

— *Tanagra Violacea!*

Боб пристально посмотрел мне в глаза, не шучу ли я.

— Не пойму я вас, зоологов! Ну скажите, зачем нарекать столь прелестных созданий такими ужасными именами!^[5] — наконец выдохнул он.

— Согласен, в данном конкретном случае могли подобрать и получше, — сказал я и принял сидячее положение.

С испугом убедившись, что мы не являемся частью растительного мира, бедные птички с «ужасным» названием тут же умчались вдаль, отчаянно щебеча.

Наш проводник заверил нас, что озеро неподалеку и через какой-нибудь час мы окажемся на месте. Услышав это, Боб немедленно срезал в кустарнике массивную палку. На случай, если Кордаи вознамерится снова вести нас через пески. Поигрывая этим орудием, словно профессиональный боец, он нечаянно задел куст у себя за спиной. Среди листвы тут же раздался громкий писк, побудивший нас к немедленным действиям. Кордаи с Айвеном обогнули куст с флангов, а мы с Бобом настроились на лобовую атаку. Раздвинув листья, мы всмотрелись в стебли травы, — но ничего там не увидели.

— Там что-то шевелится! — неожиданно сказал Боб.

— Где? Что там?

Боб взгляделся в листву.

— Кры-ыса, — протянул он с отвращением.

— Какая? — спросил я с надеждой в голосе.

— Как какая? Самая обычная!

— Дай-ка мне взглянуть! — сказал я, и Боб уступил: мне точку наблюдения. Я взгляделся сквозь ветки — вот это да! Там сидела крупная бурая крыса с бледным брюшком кремового цвета. Это была не кто иной, как иглошерстная крыса (впрочем, англичане зовут ее куда менее помпезно: просто крыса-солдатик). Но только я взглянул на нее, как это существо с отчаянным писком бросилось наутек.

— Хватай ее, Боб! — заорал я что было сил. — Это солдатик! Вот, бежит к тебе! Ну, хватай же, ради Бога!

Я был особенно взволнован потому, что упомянутый вид грызунов казался мне особенно удивительным. И это при том, что до сих пор я знал этот загадочный вид грызунов лишь по чучелам, которые видел в различных музеях. Не теряя надежды я давал их описания всем охотникам, которых встречал в Гвиане, — но, увы, никто из них о такой крысе и слыхом не слыхивал! Я было смирился с тем, что так и уеду в Англию без живого экземпляра — и вот сейчас на моих глазах самая настоящая иглошерстная крыса бежит сквозь траву на ловца! Прямо под ноги Бобу! Тот лишь мгновение размышлял, удивленно переспросив: «Солдатик?» —

и тут же самоотверженно повалился прямо на убегающее животное.

— Да не дави ты так! — жалобно вскрикнул я. — Ты ведь погубишь ее!

— А как бы ты хотел, чтоб я ее поймал? — раздраженно парировал Боб. — Она как раз подо мной! Ну, теперь твой черед! Давай доставай.

Но как ее достать? Нельзя же с бухты-барухты! Тут надо действовать с толком, с расстановкой! Пока мы тщательно обкладывали Боба мешками и сетями, он, лежа ничком и уткнувшись лицом в кустарник, обстоятельно докладывал нам о перемещениях крысы:

— Ползет к моей ноге... Нет, пошла назад... Остановилась у меня под грудью... Ну скорее же, чего вы там канителитесь! Она уже ползет к моему подбородку! Ну пошевеливайтесь, я не могу вот так лежать весь день! Она укусит меня!

— Да где уж ей кусаться после того, как ты шмякнулся на нее, — сказал я.

Мое воображение рисовало жуткую картину: подумать только, первая в моей жизни иглошерстная крыса, но в таком состоянии, будто по ней проехался паровой каток!

Между тем на лице Боба появилась изумленное выражение.

— Слушай... Похоже, их тут две... Клянусь, она только что была у меня под грудью, я теперь я чувствую ее под ногой!

— Да это тебе кажется, — сказал я и наклонился к нему. — Ну, под какой ногой?

— Под левой.

Я аккуратно сунул руку под его бедро и в самом деле почувствовал теплое, пушистое тельце зверька. Осторожненько, чтобы он и в самом деле не покусал меня, я обхватил его пятерней и извлек наружу. Крыса покорно лежала у меня на ладони, даже не пытаясь сопротивляться — на какое-то мгновение я даже подумал, что Боб все же покалечил ее. Я внимательно осмотрел крысу — нет, на первый взгляд вроде все в порядке — и торжественно сунул в холщовый мешок. Затем я повернулся к Бобу и увидел, что он по-прежнему лежит ничком посреди кустов.

— Что с тобой?.

— Понимаю, ты никак не на радуешься на свое приобретение, — с ангельским терпением изрек он, — но все же сделай милость, убери вторую крысу у меня из-под груди! Я боюсь

пошевелиться — вдруг укусит?

Я сунул руку туда, куда указывал Боб, и, к своему изумлению, в самом деле обнаружил у него под грудью еще одну крысу. Когда я вытащил ее, она издала громкий, полный отчаяния писк и тут же затихла, лежа у меня на ладони так же покорно, как и первая. Тем временем Боб встал на ноги и стряхнул с одежды прелую листву.

— Так что же в них особенного? — спросил он. — Они что, очень редкие или как?

— Не думаю, чтобы уж очень. Просто у меня есть к ним определенный интерес. Никогда прежде не видел живого экземпляра, — ответил я, не сводя глаз с крысы, которую по-прежнему держал в ладони.

Боб возмущенно взглянул на меня:

— Так, значит, вот как... Я, понимаете ли, не щажу живота своего, рискую схлопотать столбняк — и вот только из-за того, что у тебя к ней, видите ли, некий интерес!

— Да что ты, право! Ей-же-ей, это не из худших наших, приобретений. А главное, на всю жизнь хватит воспоминаний, как ты их ловил — шлеп, и две штуки враз! Посуди сам — многие ли могут похвастаться чем-нибудь подобным?

— Прости, но меня это не утешает, — холодно ответил Боб. — Я-то думал, что ловлю что-нибудь эдакое, что давно считалось исчезнувшим с лица земли. А то ведь эка невидаль — крыса.

— Ошибаешься. На самом деле это очень интересные животные. Вот погляди!

Боб весьма неохотно придвинулся ко мне и уставился; на крысу, по-прежнему лежавшую у меня на ладони. Это было пузатенькое существо с длинной грубой шерстью, представлявшей собой причудливую смесь желтых и шоколадных волосков. Обычный голый и тонкий крысиный хвост, маленькие уши, большие мечтательные черные глаза и густые белые усы.

— Ну и что? — сказал Боб. — Что в ней такого интересного? Крыса — она и есть крыса.

— Взгляни сюда, — сказал я.

Я провел большим пальцем против шерсти животного. Когда шерсть укладывалась на место, нетрудно было заметить, что она перемежается с многочисленными длинными темными иглами. Присмотревшись повнимательнее, видишь, что они плоские, гибкие и не больно-то острые; они скорее напоминают иглы дикобраза. Назначение этих игл так и осталось для меня тайной. Сомнительно, чтобы они служили средством защиты: во-первых, они недостаточно остры, чтобы причинить ущерб противнику, да к тому же легко гнутся. С целью разгадки тайны крысиных игл я поставил ряд экспериментов над этими животными; но сколько я ни моделировал чрезвычайных ситуаций, они ни разу не применяли своих игл ни для нападения, ни для защиты. Возможно, у иглошерстных крыс это некое средство устрашения, как у дикобразов, которые поднимают и опускают их по своему желанию — но, во всяком случае, мне его видеть не приходилось.

Вообще же у меня сложилось впечатление, что иглошерстным крысам как ни одному другому виду грызунов свойственно философское отношение к жизни. Иначе не объяснить то, с каким смирением они переносят неволю — не в пример свежепойманным крысам других видов. Они никогда не мечутся по клетке, если ты открываешь ее для уборки, а сидят себе кротко в уголке и равнодушно глядят на тебя. Если же требуется согнать крысу с места, чтобы убраться в том уголке клетки, где она сидела, она нехотя встанет и примется прогуливаться по клетке, издавая чудной жалобный писк. Но вот что показалось мне особенно странным — самым лакомым блюдом моих крыс стали ящерицы-анолисы. Обычно-то ведь лесные крысы предпочитают добычу попроще — живых кузнечиков или жуков; но я не знаю ни одного вида крыс, который дерзнул бы бросить вызов такому крупному существу, как ящерица. Скорее всего эта кровожадность появилась в неволе, ибо я не могу себе представить, чтобы такое толстое и неповоротливое существо, как крыса, могло с быстротой ящериц гоняться за ними вверх-вниз по

кустам.

Но все, ребята, привал окончен подъем! Все в порядке, крысы упакованы? Тогда ноги в руки, — и вперед! Правда, путь к цели нам пересек еще один песчаный остров, но совсем небольшой и отнюдь не столь утомительный, как первый. Пройдя его, мы нырнули под сень густого леса почти сразу очутились на большой прогалине. По ее квадратной форме нетрудно было догадаться, что тут не обошлось без вмешательства человека. Очевидно, здесь некогда была индейская ферма, впоследствии заброшенная, и теперь прогалина густо заросла низким кустарником, увитым роскошными цветами, а неподвижный, нагретый воздух колыхался лишь от взмахов крыльев множества бабочек. Последним напоминанием о том, что когда-то этот участок возделывался, служили несколько жалких банановых деревьев с гроздьями измельчавших, никому теперь не нужных плодов; деревья были едва заметны под зеленым плащом вьющихся растений, карабкавшихся по стволам в надежде добраться до солнца; поодаль стояла, утопая в кустарнике, заброшенная хижина с крышей из пальмовых листьев; сквозь эту крышу пробивались, устремляясь к небу, три молодых деревца. Когда-то здесь жили индейцы, но теперь, как нам объяснил Кордаи, они перебрались на другой берег озера. Мы пересекли эту заброшенную плантацию, утопая в густом, влажном переплетении растений, и углубились в лес по узкой сырой тропке, которая с каждым шагом становилась все более топкой. Но вот еще один поворот — и на наших глазах распростерлась долгожданная водная гладь.

Прежде я и представить себе не мог, что столь обширное водное пространство может быть таким недвижимым и безмолвным. Деревья и кустарники, росшие по его берегам, отражались в воде настолько ясно и четко, что трудно было понять, где верх, а где низ; ни случайный всплеск рыб, ни даже самая легкая рябь от ветерка — ничто не смело нарушить застывший покой бурой водной поверхности. Тростники, окаймлявшие берега, деревья, даже два небольших острова посреди озера — все казалось немым и безжизненным. И мертвая тишина — не слышно даже тонкого жужжания насекомых.

Кордаи объяснил, что индейцы пришлют за нами каноэ, но прежде до них еще нужно докричаться. Мы трое — Боб, Айвен и ваш покорный слуга присели покурить, а Кордаи закатал штаны, обнажив тонкие кривые ноги, и зашел по колено в воду. Сперва он несколько раз прокашлялся, затем встал в позу знаменитого оперного тенора на прославленной сцене и издал такой пронзительный, душераздирающий вопль, что даже у невозмутимого Айвена дрогнули губы и из них выпала сигарета. Жуткий вопль пронесся над недвижной водною гладью, тысячекратно отразился эхом в зарослях тростника и в кронах деревьев, и на стадии затухания приобрел сходство с доносящимся из глубокого подвала визгом закальваемого там целого стада свиней. Я оглядел противоположный берег в полевой бинокль — никаких признаков жизни. Кордаи подтянул штаны, набрал полную грудь воздуха, завопил... Напрасный труд! Едва четвертый выкрик, прокатившись над застывшей гладью озера, затих, раздался ропот Боба.

— У меня разрывается сердце, как он дерет себе глотку! Ей-богу, больше не могу! — запротестовал он. — Отойдем-ка подальше, чтоб не слышать, а когда он наорется, то придет и скажет.

Неплохая мысль, подумал я. Мы углубились в лес и отступали до тех пор, пока голос Кордаи сделался едва слышным. Здесь мы решили посидеть и подождать. Целый час бедняга простоял по колено в воде, каждые пять минут посылая душераздирающий сигнал, пока голос у него не стал совсем хриплым и тонким, а мы окончательно не истрепали себе нервы.

— Боюсь, что там просто никого нет, — сказал Боб, не вынимая пальцев из ушей. — Если даже там кто-то и был — боюсь, от такого крика они все просто передохли как мухи.

— А может, напротив, нужно помочь ему? — предложил я.

— Ему-то?! — изумился Боб. — Ты еще будешь утверждать, что ему без нас не хватает

голоса?!

— А что, если и в самом деле так? — сказал он. — Как-никак, четыре глотки будут мощнее, чем одна.

— Сомневаюсь... Конечно, попытка не пытка, но если уж индейцы не услышали его верхних нот — значит, они там все глухие от рождения.

Мы возвратились к озеру и, войдя по колено в теплую, как парное молоко, воду, присоединились к Кордаи. После первой же совместной попытки стало понятно, почему наш провожатый кричал пронзительным фальцетом. Орать нормальным голосом было бессмысленно — из-за непонятных акустических особенностей данной местности только пронзительные, как тирольские напевы, звуки давали желаемый результат, вызывая эхо, а все звуки более низких регистров просто-напросто гасли.

Поняв, что от нас требуется, мы дружно принялись издавать такие звуки, что у непосвященного неизбежно создалось бы впечатление, будто он попал к грешникам в девятый круг Дантова ада. Все шло как нельзя лучше — казалось, даже поверхность воды вибрировала от нашего дружного хора. Внезапно мой взгляд упал на Боба в тот момент, когда он, в порыве вдохновения войдя во вкус, старательно выводил фальцетом длинную руладу. Меня разобрал такой смех, что мне ничего не оставалось, как сесть на песок и попытаться успокоиться. Боб последовал за мной, Мы сидели рядышком и любовались сияющей гладью озера.

— А не попробовать ли переплыть его? — предложил Боб.

Я недоверчиво смерил глазами расстояние:

— Легко сказать переплыть — тут с добрых полмили будет! Впрочем, попробовать можно, если не спешить.

— Я про то и говорю. В конце концов, чего ради мы отшагали такой маршрут? Чтобы повидаться со здешними индейцами! Так почему же мы должны уходить ни с чем? — запальчиво сказал Боб.

— Прекрасно, — сказал я. — В путь!

Мы разделись донага и вошли в воду.

— Что вы собираетесь делать, шеф? — с тревогой спросил Кордаи.

— Плыть на ту сторону! — бодро ответил я.

— Да что вы, хозяин. Разве тут можно плавать?

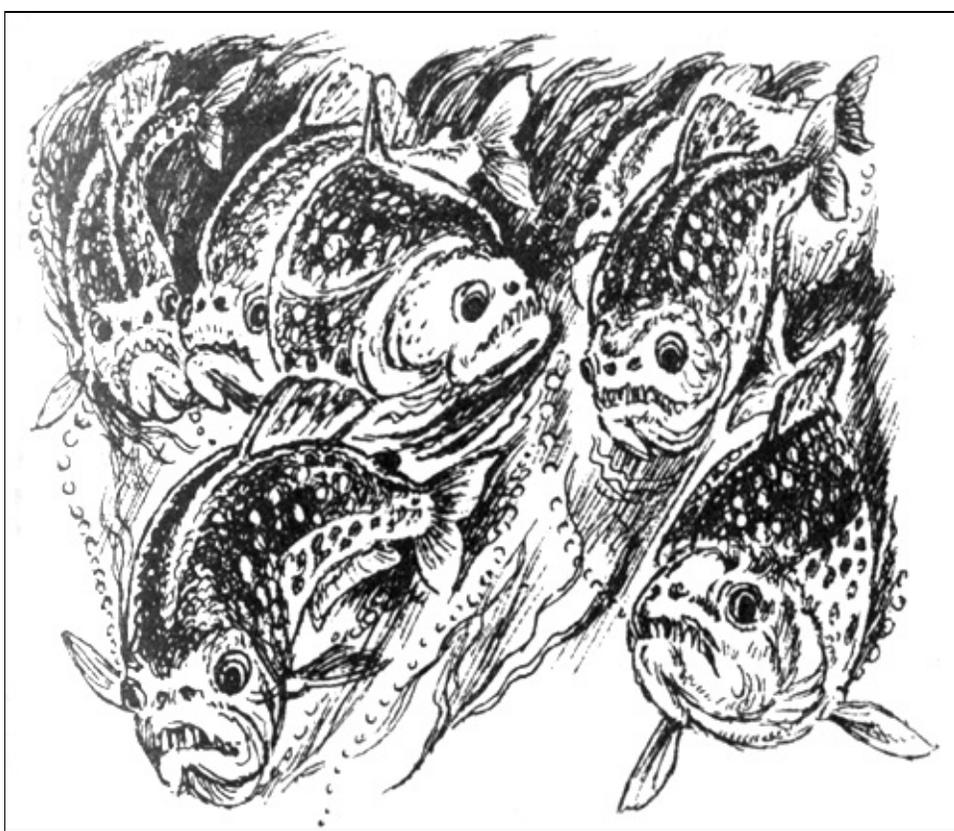
— А что тут такого? Не сам ли ты, дружище, хвастался, что переплывал его много раз?

— Так-то так, но для вас оно слишком широко, шеф, — пропищал Кордаи.

— Ерунда, милейший ты мой! Ваш покорный слуга переплывал такие озера, по сравнению с которым это — просто жалкая лужица! Меня даже медалями награждали за сверхдальные заплывы.

Последний аргумент окончательно сразил моего собеседника — по-видимому, он и понятия не имел, что за штуки такие медали и с чем их едят. Мы все глубже заходили в озеро, и к тому моменту, когда достигли края тростниковых зарослей, были по шею в теплой, золотистой, словно мед, воде. Тут мы на мгновение задержались, чтобы определить на противоположном берегу ближайшую к нам точку, и вдруг до меня дошло, что мы оба, пускаясь в плавание, забыли снять с себя шляпы. Право, в жизни не видывал забавнее зрелища: мой друг по-лягушачьи разгребая темную воду, упрямо плывет к цели, а на один глаз у него элегантно свисает шикарная зеленая шляпа с загнутыми полями! Меня разобрал такой истерический смех, что у самого чуть не слетела шляпа.

— Что стряслось? — спросил Боб.

Я принял вертикальное положение в воде, пытаясь отдышаться.

— Да так: смотрю на одного славного путешественника и думаю: что же ты, дружище, не сообразил надеть шляпу побольше? Сел бы в нее и запросто переплыл. Эх ты, шляпа!

— От шляпы слышу, — парировал Боб. — Ты ведь тоже в шляпе.

— Так это на случай, если повстречаем на том берегу прекрасных индианок. По-моему, джентльмен всегда должен быть при шляпе, иначе как же ты собираешься приветствовать даму?

Развивая эту тему, мы до того обессилели от смеха, что Решили полежать на спине и отдохнуть. И хорошо, что не поплыли дальше: впереди раздался зловещий плеск, а по воде пошла непонятного происхождения рябь. С берега до нас донеслись крики Айвена и Кордаи.

— Назад, хозяин! Это очень злые рыбы! — кричал Кордаи. — Боюсь, что это пираньи, сэр! — добавил Айвен своим бесстрастным голосом.

Мы с Бобом переглянулись, посмотрели на стремительно приближавшееся к нам пятно ряби и понеслись назад с такой скоростью, которая уж точно обеспечила бы на полный комплект наград на любых спортивных состязаниях. Мокрые, запыхавшиеся, но по-прежнему не снимая наших идиотских головных уборов, мы голые, но в шляпах выбрались на берег.

— Так это действительно пираньи? — спросил я Айвена, переведя дух.

— Не знаю, сэр, — ответил он, — но вряд ли стоило рисковать, если это действительно были они.

Полагаю, не лишним будет разъяснить, что пиранья — одна из самых отвратительных пресноводных рыб. Это плоская, мясистая, серебристая рыба, у которой нижняя челюсть выдается настолько, что рыба похожа в профиль на бульдога. Ее челюсти снабжены рядами самых жутких зубов, какие только можно встретить в мире ихтиофауны. Эти зубы имеют треугольную форму и, когда рыбина смыкает свои зловещие челюсти, прилегают друг к другу столь точно, словно зубья шестерен. Пираньи живут гигантскими полчищами в большинстве тропических южноамериканских рек и снискали себе дурную славу. Они чувствуют в воде кровь на огромных расстояниях, и малейшая капля ее собирает всех пираний в стаю, которая с невероятной скоростью устремляется к месту происшествия в предвкушении сытной трапезы. Однажды даже был проделан эксперимент: взяли только что убитую капибару — это такой

ужноамериканский грызун размером в крупную собаку, — опустили на веревке в реку, кишащую пираньями и включили секундомер. И что же? Жирная тушка капибары весом в 100 фунтов оказалась объединенной до костей за 55 секунд. При изучении скелета обнаружилось, что некоторые рыбы, силясь содрать мясо, прокусывали насквозь ребра. Для меня так и осталось тайной, точно ли пираньями были те рыбы, встречи с которыми мы избежали; но я думаю, что мы мудро поступили, что выбрались на берег — в стаю голодных пираний заплывают только один раз.

Айвен и Кордаи возобновили попытки докричаться до индейцев, а мы с Бобом вернулись на заброшенную ферму и принялись расхаживать гольшом на солнечной поляне, обсыхая после рискованного заплыва. Из любопытства заглянув в доживающую свой век хижину, мы нашли там наполовину вросшую в землю длинную доску. А ведь всякий, кто когда-либо занимался ловлей животных, знает, что нелишне заглядывать под каждую доску, корягу или камень на своем пути — а вдруг под ними скрывается какое-нибудь редкое создание, которое ты иначе бы пропустил! Привычка переворачивать все, что попадалось на наем пути, дошла у нас едва ли не до автоматизма. Так и сей раз — едва увидев доску, мы с Бобом инстинктивно нагнулись и бесшабашно перевернули ее.

В открывшейся пахнувшей сыростью ямке возлежала длинная и грозная на вид змея. Оказавшись в положении «двух голеньких свинок без шляп и ботинок» (точнее сказать, без всего, кроме шляп и ботинок, но это не меняет сути дела!), мы чувствовали, что преимущество за противником. Но змея по каким-то причинам этим не воспользовалась и продолжала неподвижно лежать, уставившись на нас. Мы замерли и, не сходя с места, принялись шепотом обсуждать план ее поимки.

— У меня в кармане брюк есть кусок веревки, — обнадеживающе сказал Боб.

— Прекрасно! Я сбегаяю, одна нога здесь, другая — там.

А ты смотри не спускай с нее глаз!

Я отступил назад — сперва потихонечку, чтобы змея ничего не заподозрила, а потом рысью кинулся к вороху нашей одежды. Отыскав веревку, я завязал петлю, затем: срезал палку — вот и готово орудие, с коим я и помчался к Бобу. Змея не сдвинулась ни на дюйм и зашевелилась только тогда, когда почувствовала на своей шее петлю — она свернулась в тугой узел и яростно зашипела. Это была одна из тонких бурых древесных змей, которые весьма распространены в Гвиане и, как мы выяснили впоследствии, не относятся к числу самых ядовитых. Впрочем, это ни в коей мере не испортило нам удовольствия от ее поимки, и, опуская ее в холщовый мешок, мы чувствовали себя бесстрашными змееловами. Только мы пустились в дебаты, много ли преимуществ при встрече со змеей у одетого человека по сравнению с человеком в костюме Адама, как вдруг из-за деревьев выбежал запыхавшийся Айвен и сказал, что до индейцев удалось-таки докричаться и они выслали за нами каноэ.

Прошуршав в камышах, каноэ ткнулось носом в песок у наших ног, и из него вышел владелец, ступив в неглубокую воду. Это был юноша-индеец лет восемнадцати, в потрепанных штанах, малорослый и коренастый, с кожей какого-то особенно теплого желто-бронзового оттенка, отливавшей на солнце красной медью. У него был широкий нос, большой, красиво очерченный рот, высокие монгольские скулы и большие темные раскосые глаза. Волосы у нашего нового знакомого, красивые, черные, но не лоснящиеся с синеватым отливом, подобно перьям сорочьего хвоста (как у большинства индейцев), имели мягкий, спокойный цвет сажи. Он застенчиво улыбнулся нам, в то время как его черные, совсем без выражения, глаза пробежались по нашим персонам, ловя каждую деталь. Кордаи заговорил с ним на его родном языке, и он ответил глубоким хрипловатым голосом. После короткого расспроса мы выяснили, что большинство индейцев, обитавших на самом берегу, переселились на несколько миль от

него, на более удобное для проживания место, а на прежнем месте остались лишь этот юноша и его семья. «Хотите повидать их?» — спросил Кордаи. Что за вопрос! Мы набились как сельди в бочку в неустойчивое, протекающее каноэ, и юноша плавным ходом повел его на противоположный берег. К моменту, когда мы были почти у цели, наш перегруженный дредноут дал опасный крен, и вода предательски хлынула через борт. Но все же отважный пловец успел-таки направить каноэ носом прямо в камыши, так что оно вошло в жидкую грязь, словно напитавшаяся водой банановая шкурка. Затем он повел нас через лес, легко и бесшумно, словно бабочка лавируя между деревьями. Вскоре мы вышли к небольшой вырубке, где стояла большая, надежно сработанная бамбуковая хижина. Тут же навстречу нам, громко заливаясь, выскочила свора собак, но юноша одним возгласом осадил их. Прямо на земле перед хижиной сидел почтенного возраста индеец, очевидно глава семейства. Тут же трудились его жена и дочь лет шестнадцати, вылуцивая кукурузные початки, из которых струилось золотое зерно. На солнечной полянке весело играли младшие ребята; тут же, озабоченно квохча, бродили куры. Все члены семейства подошли к нам и поздоровались за руку, но явно смутились в нашем присутствии. Хотя они охотно, с неизменной улыбкой отвечали на наши вопросы, было ясно, что их доверие еще требуется завоевать.

А что в этом удивительного? Припомним-ка историю южноамериканских индейцев со времени испанского владычества. Скольких бедствий и лишений натерпелись они от белого человека, начиная с изощренных жестокостей во славу Христову и кончая нашими днями, когда индейцы, лишенные огромных просторов когда-то всецело принадлежавшей им родной земли, вынуждены жить в резервациях, где они могут хоть как-то спастись от прелестей цивилизации, которая не приносит им ничего, кроме зла и горя!

Удивительно, как они вообще соглашались вступать с нами в какие-то контакты! Скорее следовало бы ожидать, что они, по примеру своих сородичей из Магу-Гросу, начнут встречать любого бледнолицего тучей метких отравленных стрел. Такое отношение, конечно, заслуживает упрека, но поддается пониманию.

Как бы там ни было, заручившись у почтенного индейца обещанием раздобыть для нас каких-нибудь зверюшек, мы снова пожали всему семейству руки, и юноша отвел нас обратно через озеро. Когда мы благополучно сошли на берег, он улыбнулся нам на прощание, развернул свою посудину и погнал по безмолвной глади озера, оставляя за кормой темную разбегающуюся рябь.

Обратный переход в Эдвенчер лишил нас последних сил; мы хотели попасть домой до темноты, а раз так, то пришлось прибавить шагу. Второй песчаный остров показался нам куда шире, чем когда мы пересекали его в первый раз, а песок буквально засасывал по колена наши и

без того измученные ноги. Но вот наконец мы достигли края леса и обернулись назад — преодоленное пространство лежало за нашими спинами, блистая в лучах заходящего солнца, словно покрытое морозными узорами стекло. Но только мы собрались углубиться в лес, как наш провожатый поднял руку, сделав нам знак остановиться, и показал на деревья футов в тридцати поодаль. Я бросил взгляд — и мне открылось поразительное, чарующее зрелище, которого мне не забыть никогда.

Мне на мгновение почудилось, будто я вовсе не в тропиках, а посреди родного английского леса. Все такое же — и невысокие стройные серебристые стволы, между которыми торчали низкорослые густые кустарники, и лоснящаяся зеленая листва, превратившаяся в золото от волшебного прикосновения лучей заходящего солнца. Но вершиной этого восхитительного празднества природы была группа обезьян-ревунов, восседавших на верхушках деревьев и выделявшихся яркими пятнами на зеленом фоне. Их было пять крупных, плотного сложения животных с сильными цепкими хвостами и печальными мордами шоколадного цвета. Ну, а расцветку их длинной густой шелковистой шерсти вообще можно описывать бесконечно: поражающая воображение сверкающая смесь медных и винно-красных оттенков, отливающих металлическим блеском. Такое бывает разве что у самоцветных камней да у некоторых видов птиц. От волнения потеряв дар речи, я не мог оторвать глаз от этого изумительного буйства красок.

Стадо состояло из почтенного самца и четырех обезьян поменьше — по-видимому, его жен. Импозантный вожак, чья шкура сияла в солнечных лучах, словно в пламени костра, восседал на самой макушке дерева, будто на троне, и с наслаждением отщипывая молодые листья, набивал ими рот. Мне было так хорошо на этом празднике жизни, что даже казалось странным, с чего бы это на лице вожака написано меланхолическое выражение. Но вот трапеза окончена. Вожак, работая лапами и хвостом, перебрался на соседнее дерево и, сопровождаемый своим преданным гаремом, скрылся среди листвы.

Мы шли под тенистыми сводами деревьев, вдоль каналов, из которых доносились зовущие голоса маленьких лягушат, и я поклялся про себя, что непременно заполучу такую же вот лоснящуюся, фантастическую обезьяну, сколько бы это мне ни стоило.

Глава третья

Про сердитого зверя опоссума и песни ленивцев

Есть в Южной Америке удивительно интересное семейство животных, называемых опоссумы. Интересны они, главным образом, тем, что это единственные известные за пределами Австралийского континента представители сумчатых. Подобно кенгуру и другим населяющим Австралию животным, опоссумы донашивают своих новорожденных детенышей в кожаном кармашке на животе. Впрочем, у южноамериканских сумчатых этот способ транспортировки детенышей, по-видимому, выходит из употребления — у большинства их видов кармашек невелик, и детеныш находится в нем, только пока он совсем еще крохотный и беспомощный; у других же видов он почти исчез и выглядит как продольные складки кожи, покрывающие соски. Зато эти последние виды сумчатых освоили новый способ транспортировки — самка носит потомство на спине, причем хвосты детенышей любовно обвиваются вокруг ее хвоста. По своему внешнему облику опоссумы похожи на крыс, хотя и различаются по размерам — есть опоссумы величиной с мышь, а иные — с крупную кошку. У них длинные крысиные носы, а у некоторых видов — еще и а длинные голые крысиные хвосты; но стоит лишь единожды увидеть, как опоссум лезет на дерево — и сразу поймешь, насколько выигрывает его хвост перед крысиным. Создается впечатление, будто хвост опоссума живет своей независимой жизнью — извиваясь и сворачиваясь кольцами, он цепляется за ветки с такой силой, что в случае необходимости животное может на нем повиснуть.

В Гвиане встречается несколько разновидностей опоссумов под общим названием увари. Самый распространенный из них — опоссум *Didelphys*, на которого все гвианцы поглядывают с отвращением. Он приспособляется к изменчивым условиям окружающей среды с той же легкостью, что и обыкновенная домовая крыса, и чувствует себя на задворках Джорджтауна ничуть не хуже, чем где-нибудь в лесной глуши. В частности, он блестяще освоился с ролью санитара городских дворов и окраин, и не осталось, видимо, ни одного мусорного ведра, которое не было бы им тщательно обыскано. В поисках пищи он подчас заглядывает даже в жилища, тревожа покой благонравных обывателей Джорджтауна, а уж владельцы домашней

птицы и вовсе караул кричат. Привычка совершать разбойничьи налеты на птичьи дворы больше чем любые другие его повадки стяжала ему ненависть местного населения. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись», — так, очевидно, рассуждает этот крупный зверь со свирепым характером. В Джорджтауне мне рассказывали массу историй об извращенных вкусах этого создания и варварских набегах на невинных цыплят; но в результате я только проникся уважением к животному, которого отовсюду гонят, всячески преследуют и истребляют, а оно, вопреки всем невзгодам, умудряется не только выжить, но и, назло обидчикам, продолжает свой разбойничий образ жизни в городе.

Возвратившись в Эдвенчер, я расспросил у местных охотников относительно опоссума *Didelphys*. Когда сказал им, что собираюсь купить несколько экземпляров этих презренных тварей, они вытаращили на меня глаза как на сумасшедшего. Примерно такой же была бы реакция простого английского фермера, если какой-нибудь заморский гость проявил бы неподдельный интерес к обыкновенной Домовой крысе, да еще выразил готовность купить несколько штук. Но бизнес есть бизнес, и если уж нашелся такой идиот, что готов платить деньги за увари (представьте себе, за увари!), то уж охотники своего не упустят, и раз уж Господь посылает им покупателя животных, то будьте уверены, они еще обдерут простака как липку!

Первых опоссумов нам принесли в одно прекрасное утро. Боб и Айвен отправились прогуляться по берегам каналов, а заодно посмотреть, каких там можно половить рыб и лягушек, а я остался дома чистить клетки и кормить всю нашу многочисленную ораву животных. Пришел охотник с тремя опоссумами в мешке и стал пространно объяснять, сопровождая свою речь оживленной пантомимой, с каким величайшим риском для жизни он поймал их накануне ночью в курятнике. Заглянув в мешок, я увидел там большую шевелящуюся грудку желто-бурого меха, которая выла и фыркала по-кошачьи. Я решил проявить осторожность и не вынимать животных, пока я не приготовлю для них клетки, и велел охотнику зайти за вознаграждением вечером. Затем я засел за работу и смастерил из деревянного ящика неплохую клетку для опоссумов. Тем временем в мешке воцарилась гнетущая тишина, время от времени прерываемая лишь каким-то странным, зловещим похрустыванием. Только я завершил работу и уже натягивал пару рукавиц из толстой кожи, собираясь пересадить опоссумов в новое жилище, как вернулись Боб и Айвен.

— Вот это да! — гордо сказал я. — Посмотрите-ка, что я приобрел!

— Надеюсь, не новую анаконду? — спросил Боб.

— Нет, нет. Трех увари.

— Увари, сэр? — спросил Айвен, глядя в мешок. — Как, Я все три в одном мешке?

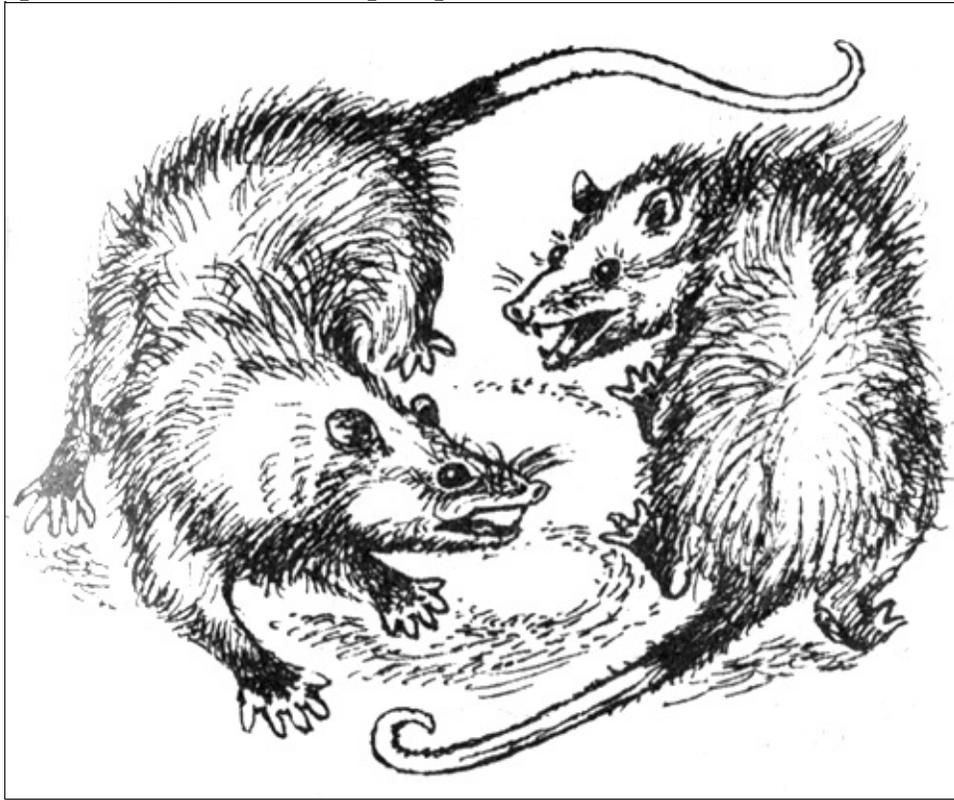
— Ну да, а что? Их нельзя держать в мешке?

— Видите ли, сэр, их нельзя держать вместе. Как бы они там не перегрызлись! Знаете, сэр, у этих животных весьма дурной нрав, — траурным тоном произнес Айвен.

— Да что ты! — самоуверенно сказал я. — Они вовсе не грызлись! Они вели себя как образцовые пай-детки!

Мое заявление не развеяло скептицизма Айвена, и я поспешно развязал мешок. Присмотревшись к желто-бурой грудке, я увидел такое, что у меня ноги стали подкашиваться. Сам виноват, нельзя было так беспечно оставлять их в мешке! Рассвирепев от неволи, два более крупных опоссума развлеклись тем, что отгрызли голову у своего меньшего собрата, и к моменту, когда я развязал мешок, каннибальская оргия была в самом разгаре. Эх, на пир попасть не худо, но отнюдь не в виде блюда! Нам, конечно, удалось водворить победителей в клетку, но видели бы вы, как они сопротивлялись! Еще бы, только-только вошли во вкус, а их насильственно отрывают от еды! Они яростно бросались на нас, вопили и шипели, разинув

зубастые пасти, и всячески усложняли нам задачу, обвивая своими цепкими хвостами, наподобие плюща, все, до чего могли дотянуться. Когда же мы в конце концов впихнули этих кровожадных чудовищ в клетку, мне ничего не оставалось, как бросить им объедки — и всю ночь из клетки доносилось довольное чавканье и шипение. Когда на следующее Утро я пошел их проведать, они с угрожающим видом кружили друг возле друга, а потому, чтобы предотвратить сокращение моей коллекции опоссумов до единственного экземпляра, я разгородил клетку прочной доской — не разгрызете!

В Гвиане я слышал массу историй, что опоссумы готовы сожрать всех и все, что встретится у них на пути; в то же время в толстенных ученых книжищах по естественной истории, не доверяя которым я не находил оснований, утверждалось, будто желудкам опоссумов потребна исключительно нежнейшая диета вроде фруктов и насекомых, и лишь изредка они снисходят до яичка или птенчика. В целях выяснения истины я поставил следующий эксперимента в течение трех дней снабжал опоссумов самой омерзительной пищей, какую только мог отыскать. В дело шло все: и вчерашнее кэрри, и полупротухшие трупы животных. И что же? Мои питомцы пожирали все до последнего кусочка! Складывалось впечатление, что, чем отвратительнее еда, тем больше они в ней находили вкуса! К несчастью, на четвертый день мои гастрономические опыты пришлось прикрыть: от клеток опоссумов несло такой вонью, что Боб заявил, что хоть он всячески приветствует мои зоологические изыскания, но тем не менее вовсе не жаждет подхватить из-за них дизентерию. Что ж, мне и трех дней оказалось достаточно, чтобы убедиться, что все рассказанное об опоссумах — правда.

И то сказать — опоссум не ахти как привлекателен с виду, даже если не брать во внимание его омерзительных повадок. Ростом он с небольшую кошку, его густая неопрятная шуба раскрашена в три цвета — желтоватый, кремовый и шоколадный. У него короткие голые розовые ножки и длинный чешуйчатый хвост, серый у основания и с, розовыми родинками на конце. И ножками и хвостом он мастерски цепляется. Что касается его морды, то она, боюсь, даже неискушенному наблюдателю как нельзя лучше расскажет о характере обладателя: ее отличают длинный голый розовый нос и безвольно свисающая нижняя челюсть, открывающая злобную, полную больших острых зубов пасть. Глаза карие и неизменно злобного выражения. Из неопрятной шерсти на голове высовывается пара голых, просвечивающих, почти ослиных

ушей, дрожащих и настораживающихся при каждом звуке. Если вам случится потревожить зверька, он широко раскроет пасть и примется шипеть на вас. А поскольку верхняя и нижняя челюсть у него узкие, длинные и полны здоровенных зубов, то в этот момент он делается похожим на некоего мохнатого крокодила. Если же вы оставите без внимания его предупреждающее шипение, он издаст низкий вопль, похожий на кошачий, а потом бросится на вас и цапнет.

Сказать по совести, опоссумы меня весьма разочаровали. Сколько я ни старался, но ни в характере, ни в привычках, ни во внешнем облике я не мог найти ничего такого, что пришлось бы мне по сердцу. Я-то думал: вдруг у этого врага общества номер один окажется щегольская внешность и пылкий характер, а вместо этого он оказался отвратительной, вечно подвывающей тварью с извращенными вкусами, даже без сколько-нибудь привлекательной наружности, которая могла бы хоть как-нибудь компенсировать его пороки. Как-то вечером, когда я дал волю жалобам по этому поводу, Айвен подал мне мысль, направившую меня на след родичей нашего *Didelphys*.

— Думаю, сэр, — сказал Айвен своим традиционным голосом джентльмена, выбирающего костюм в богатом магазине, — что лунный увари пришелся бы вам по вкусу.

— Какой-какой? Нам тут земные задали жару, а тут еще лунный! — отрубил я.

— Это совсем другой увари, — популярно пояснил Айвен. — Он меньше тех, что вы приобрели, сэр, и у них нет таких вредных привычек.

— Лунный увари... Красиво звучит! — сказал Боб. — А почему их так называют, Айвен?

— Говорят, будто они появляются только в лунные ночи, сэр.

— Хочу лунных увари! — твердо сказал я. — Чую сердцем, это должны быть замечательные звери.

— Уж наверняка не страшнее тех вурдалаков, которых ты имел неосторожность приобрести, — сказал Боб, указывая на вонючую клетку с *Didelphys*. — Но прошу тебя — если в самом деле добудешь лунных, ради Бога, не устраивай больше гастрономических экспериментов, или мне придется спать на улице!

Когда вечером к нам, как всегда, нагрянула толпа звероловов с трофеями, я подробно расспросил их о лунном увари. Да, они знают о нем не понаслышке. Да, их здесь полно. Да, они с легкостью добудут мне несколько штук. Что ж, подумал я, следует спокойно ждать, когда тебе приволокут мешок лунных увари! Не тут-то было! Целая неделя прошла — никакого результата. Я вновь расспросил охотников. Да, все они из кожи лезут вон, выслеживая лунных увари, но по необъяснимым причинам те как сквозь землю провалились. Я поднял цену и взмолился, чтобы охотники удвоили усилия. Чем дольше я ждал, тем больше жаждал заполучить этих неуловимых лунных увари.

Но вот в один прекрасный вечер в нашу коллекцию пришло такое пополнение, что я на время выбросил из головы мысли о лунных увари. Мы, как всегда в это время, сидели за чаем, когда явился охотник с неизменным мешком за плечами. Но когда он развязал мешок и с безразличным видом вытряхнул содержимое к нашим ногам, все так и ахнули, а Боб, сидевший ближе всех, шарахнулся, словно конь, и опрокинул чашку чая прямо себе на рубашку. А оторопеть и в самом деле было от чего: из мешка выкатился не кто иной, как большой, и притом весьма рассерженный, двупалый ленивец, похожий на маленького медведя. Он упал на пол, разинув пасть, шипя и размахивая лапами. Размером он был с крупно; терьера, одет в грубую бурую шкуру, косматую и неопрятную на вид. Его лапы, казавшиеся длинными и стройным по сравнению с пропорциями его тела, заканчивались гроздьями длинных острых когтей. Голова его очень напоминала медвежью, а маленькие круглые красноватые глазки придавали его морде весьма сердитое выражение. Но что больше всего изумило меня, так это его пасть, полна

больших острых зубов неприятнейшего желтоватого оттенка. Никогда бы не подумал, что столь мощные клыки могут быть у такого последовательного вегетарианца, как ленивец.

Я расплатился с охотником. Мы дружными усилиями запихали зверя обратно в мешок, и я принялся мастерить ему клетку. Когда сооружение уже было доведено до половины, я, к своему негодованию, обнаружил, что кончилась проволочная сетка, а потому пришлось взяться за хлопотное занятие по выделке планок, которыми затем обрешечивалась клетка. Когда последний гвоздь был вбит, мы оборудовали клетку мебелью (то бишь удобным для висения суком), водворили в нее ленивца, а сами не спускали с клетки глаз — всем было любопытно посмотреть, как он будет устраиваться. Он, конечно, зацепился за сук своими когтями, похожими на железные кошки, и повис на нем.

Я щедро наделил его огромной гроздью бананов и охапкой вкуснейших листьев, а сам отправился спать.

В два часа ночи меня разбудили доносившиеся из комнаты животных странные звуки — хрумканье, чередующееся с шипением, и взволнованный писк Катберта. Первое, что пришло мне в голову — что сбежала одна из наших длиннющих анаконд и теперь пожирает моих питомцев одного за другим. Я выпрыгнул из гамака и засветил крохотную лампу-молнию, которую на всякий пожарный случай всегда держал под рукой. Правда, света от нее было ничуть не больше, чем от какого-нибудь ничтожного светлячка, но все же лучше, чем ничего. Вооружившись палкой, я зашел в комнату животных, огляделся и в полумраке увидел Катберта — он сидел на ярусе клеток и взирал высоты на все происходящее полоумным и вместе с тем негодующим взглядом. Я сделал еще шаг: тут кто-то цапнул меня сзади за штанину и одним махом разорвал ее от колена до щиколотки! С трудом устояв на ногах, я опасно обернулся и осторожненько посветил лампой-молнией. Я был убежден, что нападавший не мог быть из числа моих подопечных, потому что никто из них, насколько я знал, не обладал ни скоростью, ни силой для столь молниеносной атаки. Аккуратненько притворив дверь, я закрыл ее на свою палку как на засов — и что же вижу: на дощатом полу, словно большая мохнатая морская звезда, распростерся ленивец.

А надо вам сказать, что ленивец, лежащий на земле почти столь же беспомощен, как новорожденный котенок. Лапы служат ему для висения, а не для ходьбы. Поэтому оказавшись на земле, он может выбраться из положения только зацепившись за что-нибудь когтями и подтянувшись. А это нелегкое дело, и тот, кто впервые столкнется с этой ситуацией, может подумать, что у животного паралич или перелом позвоночника. Но попробуй дерзнуть подойти в пределы досягаемости его могучих когтей и зубов — и сразу убедишься, что животное вовсе не так беспомощно, как кажется на первый взгляд.

Ленивец лежал с непонятным выражением на морде, вслепую выискивая своими стальными когтями, за что бы зацепиться, но не находил ничего подходящего на голом дощатом полу. Убедившись, что ленивца пока можно оставить в покое, я занялся осмотром клетки — мне было любопытно, каким же образом он умудрился оттуда удрать. Оказывается, он отодрал две планки (а я-то думал, что надежно прибил их!), и этого оказалось достаточно, чтобы выбраться наружу. Каким именно путем он этого добился, точно сказать не берусь, но все же выскажу предположение, что он орудовал когтями, как опытный взломщик фомкой. Пока я определял масштабы повреждений, Катберт слетел вниз, шумно хлопая крыльями, и попытался сесть ко мне на плечо, очевидно сочтя его самым безопасным местом во всей комнате. К его неудовольствию, я спихнул его и отправился за гвоздями и молотком. Стоило мне засесть за ремонт клетки, как он тут же взгромоздился на ее крышку и все время, пока я работал, смотрел мне в глаза с озабоченным выражением и громко пищал. Тем временем от шума проснулся Боб — бодрым шагом влетев; в комнату, он потребовал объяснить, какого лешего я грохочу молотком посреди ночи.

— Осторожно! Ленивец! — гаркнул я, едва он показался в дверном проеме.

Только я крикнул, как ленивец перевернулся и выбросил вперед лапу. Ему не достало

какого-нибудь дюйма, чтобы зацепить Боба за ногу. Боб мигом отпрянул в дальний угол и сердито взглянул на зверя.

— Как этот черт выбрался из клетки? — спросил он.

— Отодрал планки. Я как раз заканчиваю чинить, а ты, будь добр, помоги поймать его!

— Ну, дружище, с тобой не заскучаешь! — горестно сказал Боб. — То анаконды, то пираньи, то ленивцы...

Что касается Катберта, то он радостно приветствовал появление Боба и, совершив хитроумный обходной маневр, устремился к своей излюбленной цели — и, как и следовало ожидать, нахально устроился у моего приятеля в ногах, да еще вознамерился прямо тут же и уснуть.

Окончив починку клетки, я взял пустой мешок и приблизился к ленивцу, который по-прежнему беспомощно размахивал лапами в воздухе. Заметив мое приближение, он тут же перевернулся на спину и изготовился дать мне отпор — угрожал когтями и шипел, словно кипящий чайник, разевая пасть. После нескольких неудачных попыток набросить мешок ему на голову я решил, что пора ввести в бой Боба.

— Бери палку и отвлекай его внимание, — проинструктировал я своего партнера, — а я постараюсь накинуть на него мешок.

Боб согнал со своих ног негодующего Катберта и, держа оружие наперевес, без особого энтузиазма пошел на врага. Катберт последовал за ним. Боб сделал выпад в сторону ленивца — тот немедленно перевернулся и сделал ответный выпад. Боб отшатнулся назад и споткнулся о Катберта. Пользуясь моментом, я набросил мешок — есть! Он попал прямо на голову ленивца. Я подскочил к нему, одной рукой хватая за загривок, второй за передние лапы... Осечка! Мне удалось схватить лишь одну лапу, да и то слишком высоко. Не успел я понять свою ошибку и отпустить лапу, как мощные когти сомкнулись, будто клещи, и мои пальцы оказались зажаты словно в тисках. Но и это не все — я обнаружил, что горько заблуждался, полагая, что удерживаю чудовище за загривок. Ну все, думал я, сейчас он высунет голову из-под мешка и вцепится мне в руку своими желтыми зубами! Судя по зловещему шипению, которое раздавалось из-под мешка, было бы наивным полагать, будто моя атака настроила зверя на благодушный лад. Тем временем Бобу удалось на какое-то время отделаться от Катберта — они расстались взаимно недовольные, и я крикнул Бобу, чтобы тот подал мне палку — как-никак с оружием в руках чувствуешь себя уверенней!

— Открой-ка дверцу клетки, — сказал я, — попробую затащить его туда.

Боб сделал все, как я велел; но в тот самый момент, когда я пытался поднять ленивца с пола, чтобы пронести через комнату, ему удалось освободиться от мешка. Я ему тут же сунул палку в зубы — ничего лучшего в тот момент в голову прийти не могло. Челюсти сомкнулись, зубы чудовища принялись расщеплять палку с таки страшным хрустом, что кровь стыла в жилах. Одной рукой той самой, которая была зажата как в капкане, — я поднимал его с пола, а другой держал палку, чтобы он не да Бог не выпустил ее из пасти. Этот сложнейший жонглерский трюк уже почти увенчался успехом, как вдруг откуда ни возьмись налетел Катберт и устроился у меня в нога. Пока я медленно разворачивался, Катберт с восторженны пискком преследовал мои щиколотки, а ленивец, по-прежнему вися у меня на руке, смачно жевал палку и время о времени яростно шипел.

— Слушай, убери-ка эту проклятую птицу! — рявкну я Бобу, который, прислонясь к стене, заливался истерическим смехом. — Скорее, а то ленивец укусит меня!

Боб, чей смех перешел в рыдания, отогнал Катберта, а я протопал с опасной ношей через всю комнату и попытался впихнуть ленивца в клетку через дверцу. Не тут-то было — в пылу борьбы он сумел уцепиться задними лапами за решетку, и никакие силы не могли его оторвать.

— Хватит ржать! Лучше взял бы да помог отцепить эту проклятую тварь! — пропыхтел я.

— Посмотрел бы на все это со стороны, тоже бы животик от смеха надорвал, — парировал Боб.

— Особенно понравился мне пируэт, который ты проделал с Катбертом. Очень элегантно!

Все же мы кое-как впихнули ленивца в клетку, затем утихомирили Катберта — вот теперь можно было спокойно ложиться по гамакам. Первое, что я сделал на следующий день — раздобыл проволочной сетки и столь тщательно укрепил клетку ленивца, что вырваться из нее было бы потруднее, чем из Дартмутской тюрьмы.

Вообще же о ленивцах с самых ранних времен, как ими начали интересоваться, понаписано столько несусветной чуши, как ни об одном другом южноамериканском животном. Какими только эпитетами не наделяли их! И ленивые, и глупые, и уродливые, и медлительные, и неуклюжие, и мучаются от жуткой боли при каждом движении, и еще столько всякой ерунды, что сказать противно. Вот типичное описание ленивца, принадлежащее перу некоего Гонсало Фердинандо де Овьедо:

«А вот еще странный зверь, которого гишпанцы с явной издевкою именуют *saguiolo*, сие значит „легконогая собачонка“, а между тем сие есть одно из самых медлительных животных на свете, и движения оно столь тяжелы и неуклюжи, что оно едва ли может преодолеть и полсотни шагов за целый день. У оных животных четыре тонкие ноги, и на каждой по четыре когтя, как у птиц, и оные когти плотно прилегают к друг другу; но ни означенные когти, ни ноги не могут поднять их туловище над поверхностью земли... И главною радостью и наслаждением для них является висение на деревьях и других предметах, по коим можно карабкаться вверх... Когда же мне самому доводилось держать оных у себя дома, я не видел, чтобы они питались еще чем-либо, кроме как воздухом; и того же мнения придерживаются все здешние жители, ибо они никогда не видели, чтобы сии животные что-нибудь ели, но головы и пасти оных всегда повернуты в ту сторону, откуда ветер сильнее; из сего можно заключить, что более всего вкусу они находят в воздухе. Они хоть и обладают способностью кусаться, но не имеют к тому привычки, ибо у них очень маленькие пасти; они неядовиты и человеку не вредят, но в общем же — это грубые, бесполезные твари, не сулящие никакой выгоды человеку».

Вот так Овьедо, который своим изящным слогом дал бы сто очков вперед любому нынешнему щелкоперу, творит свой миф о ленивце. Ну, а наше дело — разоблачить его, мягко говоря, недостоверность. Во-первых, ленивец не такой уж и лентяй — чего-чего, а уж пятьдесят-то шагов за день ему вполне по силам. И даже больше — я уверен, что, передвигаясь с рекордной для ленивца скоростью, он может преодолеть за день не то что пятьдесят шагов, а несколько миль — при условии, конечно, что ему будет гарантирована зеленая улица при перемещении с дерева на дерево. Но в том-то и дело, что ленивец вовсе не стремится устанавливать рекорды скорости. Да и с чего бы он стал носиться по лесу как угорелый, пока дерево, на котором он висит, обеспечивает ему и стол, и дом?

Рассмотрим теперь пренебрежительные замечания Овьедо относительно конечностей ленивцев — мол, те не могут удержать тело на поверхности земли. А зачем ему это, коли он не наземное животное, а древесное? Он и не собирается спускаться на землю без крайней необходимости. Правда, если до этого дойдет, то ходить ему будет крайне затруднительно или вообще невозможно, потому что его лапы приспособлены не для ходьбы, а для лазания по деревьям. А что в этом такого? Нельзя же требовать от ленивца, чтобы он бегал по земле не хуже оленя, точно так же нельзя требовать и от оленя, чтобы он лазил по веткам; деревьев с ловкостью ленивца. И вот вместо того, чтобы похвалить ленивцев за удивительную адаптацию к жизни на дереве, Овьедо выпячивает лишь то обстоятельство, что ленивцу не дано шагать по земле, хотя он вовсе этого не жаждет.

В общем, под руками-ногами бедных ленивцев Овьедо позлословил власть. Пойдем дальше: что стоит за его утверждением, будто эти твари питаются только воздухом? Позволю себе высказать предположение, что Овьедо или вообще не кормил тех бедолаг ленивцев, которых держал у себя дома, или давал им не ту пищу, так как отсутствием аппетита эти звери не страдают.

И вот, наконец, главная мысль Овьедо — мол, раз те или иные животные бесполезны для человека, то они вообще не нужны. Приходится с горечью констатировать, что старая философия, будто все твари на земле созданы исключительно на потребу человеку, дожила со времен Овьедо до наших дней. Ведь и в наши дни найдется, к сожалению, немало чванливых двуногих, убежденных: со всякой овцы непременно хоть шерсти клок, а раз от того или иного животного нет никакой корысти для человечества в целом и для них в частности — ату его, истребить его, и чем скорее, тем лучше!

Ну, а какого мнения о ленивцах знаменитые авторитеты? Пожалуйста: великий Бюффон в своей «Естественной истории» дает ленивцу еще более уничижительную характеристику, нежели Овьедо. По мнению Бюффона, ленивцы — ни больше ни меньше как величайшая ошибка природы. Мол, у них нет ни оружия для нападения, ни оружия для защиты; они медлительны, чрезвычайно глупы, и вообще вся жизнь для них — сплошная мука. Все это, по утверждению Бюффона, «результат странного и нелепого существования животного, обойденного милостью природы и являющего собой образец врожденного убожества».

Короче, сколько ни задал жару нам двупалый ленивец, но наша отважная команда не унималась — вскоре после той памятной ночной баталии мы приобрели ленивца другого вида, который водится в Гвиане, — трехпалого. Животные настолько различались внешне, что на первый взгляд не имели между собой никакого родства. Они казались примерно одинаковыми по размеру, но у трехпалого ленивца была удивительно маленькая по отношению к телу головка с крохотными глазками. Если у двупалого ленивца косматая бурая шерсть была редка, то трехпалого ленивца украшала густая пепельно-серая шерсть любопытной структуры, похожая на высохший мох. Благодаря густо разросшемуся волосяному покрову, ноги трехпалого ленивца выглядели более сильными, чем у двупалого, хотя в Действительности они были гораздо слабее. На его спине между лопатками красовался рисунок из темной шерсти, имевший форму восьмерки.

Теперь, когда у меня оказалось по одному ленивцу обо их видов, я получил идеальную возможность сравнивать я повадки и привычки. Вскоре выяснилось, что поведение этих животных столь же различно, как и внешность. Так, например, двупалый обыкновенно изволил почивать в традиционной для ленивцев манере — уцепившись за сук, положив голову на грудь между передними лапами; трехпалый же предпочитал отыскать развилку и устраивался, цепляясь лапами за одну ветку и упираясь спиной в другую. Если двупалый ленивец, как я уже упоминал, чувствовал себя на земле и вовсе беспомощно, то трехпалый все же мог держаться на ногах и, подогнув свои массивные когти, передвигался на согнутых ногах, словно древни старик, страдающий острым ревматизмом. Сказать по правде, он двигался вперед медленно и неуверенно, но все же хоть как-то мог перебираться с места на место. Зато ситуация с лазаньем по деревьям была абсолютно об ратная — двупалый передвигался быстро и ловко, а трехпалый — медленно и осторожно, тщательно проверяя прочность каждой следующей ветки, прежде чем доверить ей тяжесть собственного тела. Но главная разница заключалась, конечно же, в характере животных — двупалому было не занимать дикости и коварства, в чем мы убедились в ту кошмарную ночь; зато к его сородичу мы могли подходить без опаски с того самого момента, как он у нас появился.

Убедившись, что мой новый питомец почти ручной, я не преминул воспользоваться этим обстоятельством и на следующий же день выпустил его из клетки, чтобы заняться детальным

изучением одного давно интересовавшего меня явления. Представьте-ка, входит Боб и застаёт такую картину: я сижу с ленивцем на коленях и что-то самозабвенно ищу у него в шерсти! На естественный вопрос Боба, чем это мы занимаемся, я дал искренний и правдивый ответ: ищу растительность в его шерсти! Как я ни старался разжевать ему суть исследования, сколько ни объяснял, что это не розыгрыш, не шутка, — Боб не хотел мне верить, и лишь когда много времени спустя мы приобрели ещё одного ленивца, мне удалось сломить скептицизм Боба и убедить его, что привлекающее мое внимание явление — отнюдь не мое заблуждение.

Ну, я вижу, у вас глаза на лоб полезли от удивления.

А дело вот в чем — каждый волосок в шерсти ленивца имеет шероховатую или желобчатую поверхность. И вот на этих-то шероховатостях и желобках пышно произрастает растительность — какой-то вид плесени или водоросли — что и придает шерсти явно выраженный зелёный оттенок. Эту же самую плесень можно увидеть в Англии на гнилых заборах; ну, а в условиях тёплой, влажной атмосферы тропиков она пышно разрастается в шерсти ленивца, придавая ему превосходную маскирующую окраску. Это уникальный случай содружества растения и млекопитающего.

Но при всем при этом, какого бы пай-мальчика ни строил из себя трехпалый ленивец, содержать в неволе двупалого бандюгу оказалось куда как проще! Трудно представить себе более неприхотливое существо — положишь ему обыкновенной папайи, заурядных бананов, плодов манго, добавишь для букета несколько сортов листьев, включая вездесущий гибискус, — и горя не знаешь! А трехпалый капризуля соглашался есть исключительно один-единственный сорт листьев и с упрямством, достойным лучшего применения, отвергал всякую другую пищу, так что в попытках прокормить его я совершенно сбился с ног. Будучи весьма примитивными животными, ленивцы способны длительное время обходиться без пищи. Рекорд принадлежит, по всей видимости, трехпалому ленивцу — не припомню из какого зоопарка, — который постился целый месяц без какого-либо вреда для себя. Кроме того, ленивцы славятся способностью выздоравливать после травм, фатальных для любых других животных, даже принимать роковые дозы яда — им хоть бы хны! Эта живучесть, а также медлительность и неспешность движений, как ни странно, сближает их с пресмыкающимися.

Но вернемся к нашему старому знакомому Овьедо. В своих рассуждениях о ленивцах он так отзывается об их голосах:

«Их голос весьма отличен от голосов иных зверей, ибо они поют только ночью, да и то лишь время от времени, и распевают всегда шесть нот, одну ниже другой по нисходящей, так что первая нота самая высокая, а остальные чиже. Подобно тому, как если бы человек распевал: ля-соль-фа-ми-ре-до, так и этот зверь говорит: ха-ха-ха-ха-ха-ха.

Такое впечатление, что первый изобретатель музыки пришел к своему открытию, послушав пение этого зверя. От него, и ни от чего иного, ведут свое начало принципы музыкальной науки».

Ну а что касается меня, то я ничего не могу сказать про вокальные достижения ленивцев. Может быть, Овьед и прочил своим питомцам оперную сцену, зато мои не производили никаких звуков, даже отдаленно похожих на то, о чем он писал. Сколько бессонных ночей провел я в своем гамаке, не теряя надежды, что они все же когда-нибудь примутся разучивать гаммы! Но все напрасно... Я знаю некоторых безмолвных животных, например жирафов, а теперь, похоже, можно причислить к этому ряду и ленивцев. Как я уже писал, двупалый разбойник, когда его тревожили, имел обыкновение громко шипеть; трехпалый шипел послабее, иногда при этом дополняя шипение глухим стоном, как при агонии. Судя по одним только этим звукам, я бы не решился разделить мнение Овьедо, что искусство музыки берет свое начало от песен ленивцев.

Увлечшись семейством *Bradypodidae* я совершенно позабыл о лунном увари. Когда же Боб напомнил мне, что через три дня мы должны будем вернуться в Джорджтаун с очередной партией животных, я вдруг понял, что у меня остался, возможно, последний шанс приобрести опоссума этого вида. Смешно вспоминать, в какую панику я впал! Я в спешном порядке в очередной раз повысил закупочную цену, заметался туда-сюда по главной улице Эдвенчер, обивая пороги людей, которые имели хоть какое-то отношение к охоте, умоляя раздобыть мне лунного увари. Но три дня пролетели как один миг, а никто так и не принес мне лунного увари. Я погрузился в глубокое уныние. Чтобы доставить нашу коллекцию к пристани, мы наняли неуклюжую длинную повозку, запряженную замороженной клячей. Повозка подкатила к нашей хижине, и мы с Бобом принялись нагружать ее клетками со всяческим зверьем. Кого у нас тут только не было — тут и ящики с тейю и игуанами; мешки с анакондами и мешочки со змеями поменьше; клетки с крысами, обезьянами и ленивцами; Катберт, отчаянно пищавший из-за решетки; клетки с маленькими птичками и большие бидоны с рыбами. Последней была торжественно погружена самая зловонная из всего багажа клетка — а именно с нашими старыми знакомыми, опоссумами, — и тяжело нагруженная повозка со скрипом и грохотом потащила по дороге. Айвен был выслан вперед, чтобы обеспечить место для всей нашей коллекции на верхней палубе парохода.

Мы с Бобом медленно плелись рядом с повозкой, которая грохотала по белой от пыли дороге. Растущие на обочине деревья отбрасывали резкие тени. Мы махали на прощание местным жителям, которые вышли на улицу пожевать нам счастливого пути. Вот наконец остались позади последние дома Эдвенчер, и повозка выкатила на финишную прямую. Когда до причала оставалось ровно полпути, мы услышали сзади чей-то отчаянный крик. Я обернулся и увидел крохотную фигурку, бежавшую за нами следом и отчаянно махавшую рукой.

— Это кто еще такой? — спросил Боб.

— Почем я знаю! Уж не нам ли он машет?

— Похоже, что так. На дороге больше никого нет.

Повозка покатила дальше, а мы остановились и стали ждать.

— Похоже, он что-то тащит! — сказал Боб.

— Может, мы что-то забыли?

— Или что-то упало с повозки?

— Не думаю.

Но вот стало возможным рассмотреть бегущего. Это был маленький индейский мальчик — он бежал что есть сил по дороге, разметав по плечам длинные черные волосы; по лицу у него расплывалась широкая улыбка. В одной руке он держал веревочку, на которой болталось что-то крохотное и черное.

— Похоже, он несет какое-то животное, — сказал я и двинулся ему навстречу.

— Только не это, никаких больше животных! — проворчал Боб.

Тяжело дыша, мальчуган остановился и протянул мне веревочку. С конца ее свисало крохотное черное существо с розовыми лапками, розовым хвостом и красивыми темными глазками, обрамленными вскинутыми как бы в постоянном удивлении бровями. Они особенно эффектно смотрелись на фоне кремового меха. Это и был долгожданный лунный увари, он же мышинный опоссум.

Когда мой энтузиазм несколько поутих, мы с Бобом принялись шарить по карманам, чтобы расплатиться за опоссума, и вдруг поняли, что всю мелочь отдали Айвену. Но мальчик изъявил готовность прошагать с нами до причала оставшиеся полмили, и мы продолжили свой путь. Но не успели пройти и нескольких шагов, как меня ошарашила ужасная догадка.

— Боб, мне не во что посадить его, — сказал я, показывая на болтающегося на веревочке лунного увари.

— А что, нельзя его довести так до Джорджтауна?

— Нет, мне нужна хотя бы коробка. А уж на пароходе я сварганю для него клетку.

— А где возьмешь коробку?

— Придется сбегать в магазин.

— Как, обратно? Пароход должен быть с минуты на минуту! Опоздаешь!

Как бы в подтверждение его слов с реки донеслись гудки парохода. Но я уже несся назад в Эдвенчер.

— Задержи отправление, пока я не вернусь! — завопил я.

Боб отчаянно взмахнул руками и ринулся к причалу.

Домчавшись до Эдвенчер и вихрем ворвавшись в магазин, я бросился к изумленному торговцу с просьбой дать мне коробку. Сохраняя достойное похвалы присутствие духа, он без лишних вопросов вывалил на пол груды консервов и протянул мне пустую коробку. Я пулей вылетел наружу, но, лишь пробежав значительную часть пути, услышал рядом с собою топот чьих-то ножек. Оказывается, это был все тот же мальчуган-индеец, который, как выяснилось, неотступно сопровождал меня. На лице у него была та же широкая улыбка.

— Дайте я понесу коробку, хозяин, — сказал он.

Я был только рад передать ему ношу, так как опоссум, непривычный к таким забегам, начал бунтовать и все время норовил забраться по веревочке и цапнуть меня за руку. Так мы и летели по пыльной и раскаленной солнцем дороге, каждый дорожа своей ношей — он коробкой, которая была водружена у него на голову, я — зверьком, болтавшимся на веревочке. Я взмок как мышь, легкие горели, мне несколько раз хотелось остановиться и отдышаться, но всякий раз меня, точно удар хлыста, подгонял гудок парохода.

Когда я, пробежав последний поворот, увидел все еще стоящий у причала пароход, я был уже ни жив ни мертв. За кормой бушевала взбитая винтом пена, на сходнях стояла отчаянно жестикулировавшая группа людей, включающая Боба, Айвена и капитана судна. Прижимая к груди опоссума и коробку, я стремглав взбежал по сходням и сразу же припал к перилам, хватая ртом воздух. Сходни взяли на борт, пароход дал гудок и с шумом отвалил от пристани. Через открывшуюся полосу воды Айвен швырнул мальчику-индейцу плату. Когда я окончательно пришел в себя, пароход уже шел полным ходом вверх по реке.

— Муза, воспой нам поход Одиссея за увари лунным, — сказал Боб, протягивая мне бутылку пива. — Я-то думал, что нам без тебя так и придется уехать. Капитан уже начал выходить из себя. Особенно когда я сказал, что ты побежал за опоссумом. Он, похоже, расценил это как оскорбление своего капитанского мундира.

Я развязал сумку с инструментом и, пока мы плыли, превратил коробку в отличную клетку для опоссума. Теперь осталось только развязать веревочку, которой он был перевязан поперек живота. Он разинул пасть и зашипел в обычной для опоссумов «дружелюбной» манере, но все же я цепко схватил его за загривок и принялся распутывать узел.

Но вот что бросилось мне в глаза. Я заметил, что у него на брюхе, между задними лапами, имелась продолговатая выпуклость, похожая на колбасу. Я испугался: вдруг это какое-нибудь внутреннее кровоизлияние, вызванное веревкой? Забегая вперед, скажу, что моя тревога оказалась напрасной. Более того, поняв подлинную причину вздутия, я чрезвычайно обрадовался. Когда я стал исследовать животное, то обнаружил в выпуклости продолговатое отверстие. Разведя складки кожи, я увидел карман, а в нем — дрожащих розовых детенышей. Вполне естественно, мамаша была вне себя от ярости, что я своим вторжением столь бесцеремонно нарушил покой ее крошек, и издала громкий, дребезжащий, как жестянка, крик

ярости. Продемонстрировав детеньшей Бобу и сосчитав их (их было трое, каждый — в половину моего мизинца), я водворил возмущенную мамашу в клетку. Она тут же села на задние лапы, скрупулезно обследовала свой кармашек, разглаживая шерстку и ворча про себя. Затем она скушала банан, свернулась клубочком и уснула.

Я был наверху блаженства, оттого что у меня не один мышинный опоссум, а целая семья, и всю дорогу до Джорджтауна только о них и говорил. По прибытии мы показали нашу коллекцию взволнованному Смиту. Лунных увари я приберег в качестве гвоздя программы, рассчитывая, что они вызовут у Смита не меньший восторг, чем у меня. И вот я с величайшей гордостью и предвкушая похвалы показываю дражайшее семейство... Но каково же было мое удивление, когда лицо Смита выразило крайнее разочарование.

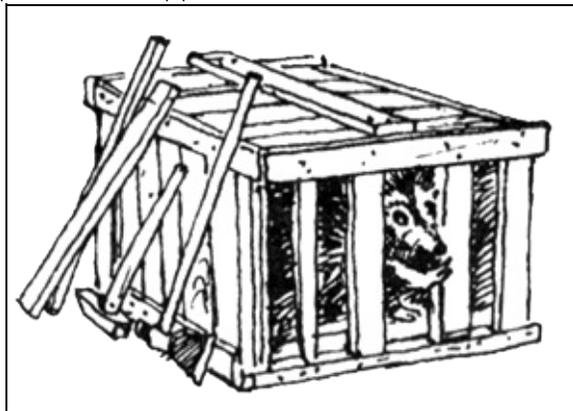
— Что случилось? — ошеломленно спросил я. — Они вед такие лапочки! И какого труда мне стоило раздобыть их!

Смит провел меня к пирамиде из пяти клеток.

— Да у меня тут в каждой по паре таких, — хмыкнул он. — Я уже устал всем повторять: не приносите больше! Их тут пропасть.

И тут я подумал о деньгах, которые отдал за, как оказалось, не больно-то редкую зверюшку, о беготне и нервотрепке, на которые пошел ради нее, и тяжело вздохнул.

— Ну что ж, — философски заметил я. — Ведь если бы они оказались редкими животными, я кусал бы себе локти, что не добыл ни одного.

Глава четвертая

Про здоровенную рыбину и черепаший яйца

Южная часть Британской Гвианы представляет собою клиновидную удлиненную территорию, ограниченную с двух сторон великими лесами Бразилии, а с третьей стороны — столь же величественными и густыми лесами Суринама. Значительную часть из сорока тысяч квадратных миль этой удивительной земли составляют гвианские саванны — лес уступает здесь место холмистой травяной равнине, по которой кое-где рассыпались кустарники. Одна из наиболее значительных среди этих зеленых равнин — саванна Рупунуни площадью около пяти тысяч квадратных миль. Туда-то мы с Бобом и решили направить свои стопы по возвращении из Эдвенчер — ведь в заросших травами саваннах водится немало таких видов животных, которые не встречаются в лесистых местностях.

Наш отъезд в Рупунуни происходил в величайшей суматохе. Я решил остановиться, если будет такая возможность, у некоего Тайни Мак-Турка, владельца ранчо в Каранамбо, в самом сердце саванны. Мы отправились в кон-нору авиакомпании «Гвиана Эйрлайнз» справиться насчет рейсов на Каранамбо, так как легче всего попасть в глубинные территории Гвианы воздушным путем. Можно, конечно, путешествовать посуху или в каноэ, но тогда дорога до места назначения растянется на несколько недель. Как ни заманчиво подобное путешествие, на него у нас попросту не было столько времени. К своему ужасу, мы обнаружили, что рейс на Каранамбо бывает лишь раз в две недели, а ближайший вылет как раз завтра. Таким образом, у нас оставалось на все про все — упаковку багажа, переговоры с Мак-Турком и еще кучу самых разных дел — двадцать четыре часа. Но делать нечего — мы купили билеты, и целые сутки крутились словно белки в колесе. Я пробовал дозвониться до Мак-Турка, чтобы сообщить ему о нашем прибытии, но там никто не брал трубку. Остаток дня мы тщательно комплектовали багаж самым необходимым, стараясь, чтобы он не превысил вес, разрешенный авиакомпанией. Как и всегда в подобных случаях, не было отбою от доброжелателей — уж что-что, а надавать тысячу полезных советов рад каждый, считая себя лучшим знатоком положения вещей. Ну зачем, уверяли меня, брать на Рупунуни лишнее? Мол, там, среди саванны, у кого угодно без труда достанешь все, что надо: и гвозди, и проволочную сетку, и даже ящики, чтобы смастерить

из них клетки! Ну я, простофиля, развесил уши да так и отправился налегке.

Попутчики наши составили весьма разношерстную компанию. Тут был молодой английский священник с супругой; у него была огромная собака сомнительной породы и подозрительного нрава. С нами летели также молодой индеец, не перестававший одаривать застенчивыми улыбками всех и каждого, и, наконец, тучный индус со своею дражайшей половиной. Все мы вытащили багаж на летное поле и терпеливо ждали команды к посадке. Особенно унылый вид был у Боба, которого успело укачать еще на земле — я наблюдал, как его лицо, пока мы тряслись от Джорджтауна к аэродрому, становилось все блее и блее. Теперь он сидел, уткнув голову в колени, и тихонько постанывал — едва ли он предвкушал удовольствие от воздушного путешествия.

Но вот разрешили посадку. Мы кое-как вскарабкались в самолет и втиснулись в похожие на черпаки кресла, стоявшие по сторонам, а любимая собака священника заняла собою чуть ли не весь проход. Закрылись двери — и вся машина затряслась, а слова потонули в реве моторов. Боб бросил мне безмолвный взгляд, откинулся на спинку кресла и сомкнул глаза. Да разве тут уснешь! Пилот был преисполнен решимости как следует прогреть моторы. Рев двигателей напоминал вой мертвецов, пробудившихся от последнего покоя! Самолет ходил ходуном, хоть и не двигался с места, так что в нем, наверное, не осталось ни одного неразболтанного винтика или гайки. Но вот мы портились по растянувшейся чуть ли не на целые мили взлетной полосе, и снова остановились. Моторы, набрав белены обороты, опять завывали, ровно ведьмы; мы дрожали и тряслись, будто сидели не в самолетных креслах, а в зубоврачебных — в ожидании, когда начнут сверлить этим жутким сверлом зубы! Лицо Боба приняло теперь нежный желтоватый оттенок слоновой кости. Самолет еще раз рванулся вперед — и взлетел. Мы дали круг над взлетной полосой и взяли курс на восток.

Внизу под нами расстилался лес, являя глазу тысячи различных оттенков зеленого цвета; с высоты он казался плотным и кудрявым, словно ковер из зеленого каракуля. То здесь, то там в зеленую кипень вплеталась затейливым узором серебристая нить реки, а иной раз посреди гущи зелени в лучах солнца вспыхивал ярким белым пятном песчаный островок. Потом наша воздушная колымага нырнула в летучую гряду облаков, скрывающую от нашего глаза красоты пейзажа; только мы из нее вышли, как тут же попали в другую. Как раз в это время началась череда воздушных ям. Порою самолет столь неожиданно бросался камнем на сотни футов вниз, что душа уходила в пятки. Неудивительно, что от подобных передряг физиономия Боба сделалась цвета зеленой яшмы, а тут еще батюшкина псина, сев на задние лапы, положила Бобу на колени огромную слюнявую морду, ожидая, что ее приласкают и утешат. Какое там! Боб молча отпихнул ее, не открывая глаз. Юный индеец уже перестал одаривать улыбками всех и каждого — он, тише воды, ниже травы, забился в кресло, прикрыв лицо большим носовым платком. Вид у него был потерянный.

Зато другой индеец — привыкший ко всему стюарт, в обязанности коего, помимо раздачи гигиенических пакетов пассажирам, входили также погрузка и разгрузка воздушного судна — блаженно растянулся на мешках с почтой, читая газету. Мало того, он еще закурил сигарету и стал овеать нас клубами ядовитого, зловонного дыма. Жена священника попыталась завести разговор с Бобом — как мне казалось, скорее из желания отвлечься от воздушных ям, нежели из стремления помочь ближнему.

— Вы в Каранамбо или Боа-Виста?

— В Каранамбо.

— Правда? И надолго вы задержитесь в Рупунуни?

— Всего на две недели. Мы занимаемся ловлей животных.

— Вот это да! Теперь я знаю, кто вы! Ваши фотографии были помещены в «Кроникл» на

прошлой неделе. Отлично помню — вы там были сняты с какой-то змеей в руках.

При слове «змея» Боб скорчил жалкое подобие улыбки — он был явно задет за живое. Тут самолет опять бросило к земле, и Боб резко выпрямился и устремил умоляющий взгляд на стюарта. По-видимому, благодаря долгой практике у этого человека выработалась способность читать мысли пассажиров. Не говоря ни слова, он быстро слез с груди почтовых мешков, откуда-то извлек большую заржавленную жестянку — она заменяла гигиенический пакет — и изысканным жестом вручил ее Бобу. Тот уткнулся в нее лицом и так застыл. Тут, очевидно, сработал могучий фактор самовнушения — вскоре дурному примеру Боба последовала жена священника, а за нею и все остальные пассажиры, за исключением самого отца церкви и меня.

Выглянув в иллюминатор, я заметил, что густой зеленый ковер леса начинает расплзаться на отдельные рощицы, разделенные травянистыми лужайками. Вскоре мы уже летели над настоящей саванной. Лес уступил место растянувшейся на многие мили холмистой, заросшей травой равнине с редкими, растущими вразброс кустарниками да немногочисленными озерцами, спрятавшимися во впадинах. Делая круг за кругом, самолет снижался над площадкой, которая казалась чуть ровнее простирившейся вокруг саванны — очевидно, мы шли на посадку.

— Похоже, прилетели, — сказал я Бобу.

Он неохотно оторвал лицо от жестянки и бросил взгляд в иллюминатор.

— Не болтай глупости, — буркнул он. — Где тут можно приземлиться?

Как раз в этот момент самолет мягко сел в траву, покатился, плавно сбрасывая скорость, и застыл на месте. Еще мгновение покачались лопасти винтов, пару раз тихонько чихнули моторы... Все! Стюард, он же по совместительству грузчик, распахнул двери, и в салон ворвался теплый благоуханный ветерок. Все вокруг, казалось, почив благодатной безмолвной тишине. Самолет окружила кучка индейцев — на фоне пустынной саванны они казались неким монгольским племенем, неведомо каким ветром занесенным сюда из степей Центральной Азии. Вероятно, *это* были единственные люди на двести миль окрест. Все остальное — бескрайние просторы колышущейся травы, то там, то здесь вспыхивающей серебром от ласкового прикосновения ветерка. Единственным признаком человеческого жилья являлась стоявшая в сотне ярдов поодаль хижина на сваях — просто крыша из пальмовых листьев на четырех столбах без стен. Но под навесом была манящая тень, так что мы отправились туда и устроились отдохнуть.

— Так ты уверен, что это Каранамбо? — спросил Боб.

— Так объяснял хозяин нашей крылатой колымаги.

— Н-да, не слишком перенаселенное местечко, — сказал Боб, окидывая взглядом группу индейцев.

Примерно в полумиле справа от нас посреди саванны тянулась бровка запыленного зеленого леса. Из этой полоски неожиданно возникло некое странное авто. Прыгая и временами скрываясь в высокой траве, оно мчалось навстречу нам, а за ним тянулось огромное облако рыжей пыли. Авто подкатило к хижине, где мы сидели. Из него вышел стройный, опаленный солнцем человек и двинулся к нам.

— Мое почтение! Мак-Турк, — лаконично сказал он, протягивая нам руку.

Я было начал извиняться за непрошеное вторжение, но Мак-Турк успокоил меня, сказав, что до него уже дошли слухи о нашем прибытии, и оно не явилось для него неожиданностью.

— Так это что, весь ваш багаж? — удивился он, бросив взгляд на весьма скромную кучку нашего скарба.

Я объяснил, что нам поневоле пришлось путешествовать налегке.

— А я-то думал, вы навезете кучу сетей, веревок и прочего снаряжения, — только и прокомментировал Мак-Турк.

Забрав с самолета пришедшую на его имя почту и товары, Мак-Турк погрузил все это в прицеп, покидал туда же наше нехитрое барахлишко — и вот уже джип несется по саванне с головокружительной скоростью. Мак-Турк, словно заправский гонщик, мчался по красной дороге, лавируя между травянистыми кочками, объезжая рытвины и ямы. Машина бросалась то туда, то сюда, подобно ласточке в небесах, а мотавшийся позади прицеп подпрыгивал. Я громыхал, словно консервная банка, привязанная к хвост дворовой шавки. Индейские мальчишки, которых наш любезный хозяин взял покататься, весело смеялись и переговаривались, крепко держась за борта прицепа.

Еще миля — и машина, с ревом вылетев из травы, нырнула в лес и пошла лавировать между деревьями по извилистой колее. Стремглав пересекли следующий участок саванны, зигзагами пронеслись через островок леса — и выехали на прогалину, где стоял дом Мак-Турков. Куры так и прыснули врассыпную из-под колес, а когда мы подкатили к дому, на нас с яростным лаем напустилась свора собак. А вот и сама миссис Мак-Турк выходит нас встречать — стройная, смуглая, а как идут ей голубые джинсы!

Дом четы Мак-Турк показался мне одним из самых оригинальных и удивительных жилищ, которые мне когда-либо доводилось встречать. Он был квадратным в плане, сложен из кирпича, сырьем для которого послужила местная красная глина, а венчала все сооружение огромная коническая крыша из пальмовых листьев — одна на всю постройку, так что вся конструкция в целом напоминала гигантский тропический улей. Поскольку потолков в комнатах не имелось, то, запрокинув голову, вы видели вершину кровли где-то на высоте пятидесяти футов, а забравшись на стул, можно было заглянуть поверх стены в соседнюю комнату. Но и это не все — в гостиной возвели только две внутренние стены, а внешние возвышались лишь фута на два от земли, так что, когда вы сидели за обеденным столом, то вам ничто не мешало любоваться фруктовым садом в и спускающейся к воде рощей. Обстановка гостиной состояла из радиотелефона, огромного стола, нескольких обширных гамаков, подвешенных в стратегически важных точках, и одного-двух стульев. Разнообразное диковинное оружие украшало стены: тут были и луки со стрелами, и духовые трубки, ружья и винтовки, копья и удивительные головные уборы из перьев; вперемежку со всем этим богатством были развешаны для просушки пучки кукурузных початков.

Все это великолепие, равно как и наслаждение от превосходного обеда, мигом померкло в моих глазах, когда я узнал, что, оказывается, универсального магазина в Каранамбо не было и в помине. Хуже того, у Мак-Турка не было ни ящиков, ни дерева, годного для изготовления клеток. Похоже, Мак-Турк еще и посмеялся про себя над моей наивностью — как можно было верить идиотским бзикам, будто в такой глуши, как Каранамбо, есть супермаркет! Чем больше я впадал в отчаяние, тем веселее становился он.

— То-то я удивлялся, почему вы не привезли с собой веревок и прочих снастей, — сказал он. — Я как услышал, что едут отважные ловцы, так сразу подумал: вот уж наверняка везут кучу разных капканов, приспособлений и всего такого.

Когда мы встали из-за стола, Мак-Турк предложил, чтобы хоть немного отвлечься от грустных мыслей, составить ему компанию и поехать на рыбалку вниз по реке. Это, помимо всего другого, дало бы нам шанс приглядеться к местности и наметить планы на будущее. Мы спустились через рощу к реке — здесь, в крохотном заливишке, стояла странная, разнокалиберная флотилия. Тут были и аборигенные каноэ, и лодки, похожие на спасательные шлюпки, и даже небольшой ялик с подвесным мотором. Мак-Турк забрался в этот ялик устранить кое-какие мелкие неполадки в моторе, а мы с Бобом прилегли на берегу покурить. Но только мы улеглись, как тут же подверглись яростной атаке туч крохотных черных мушек — чуть поболее булавочной головки, но жаливших так, что, пожалуй, и слона могли бы вывести из

себя! Чувствуешь, будто о твое тело гасят тысячи сигаретных окурков, — и вот мы с Бобом катаемся по берегу, рыча и ругаясь, хлопая себя то тут, то там и быстро опуская закатанные рукава рубах. Мак-Турк только посмеивался, глядя на наши ужимки и прыжки!

— Эти мухи называются «кабура», — объяснил он. — Это еще что, а вот в сезон дождей их действительно миллионы!

Мухи не прекратили своих атак, пока мы не выгребли на середину реки и не запустили мотор. Правда, несколько мушек увязались-таки за нами, но вскоре оставили нас в покое. Мак-Турк объяснил, что эти мухи живут исключительно во влажных местах, так что в сухой сезон они встречаются лишь по берегам рек. В дождливый же сезон, когда обширные пространства саванны заливаются водой, мухи получают, так сказать, больший радиус действия и всячески пользуются этим, только и поджидая новичков, которые отправляются в саванну без всякой защиты.

Река была не особенно широкая, но довольно быстрая, ее подернутые рябью бурые воды были глубоки. Там, где река делала повороты, течение нанесло обширные отмели золотого песка; на них громоздились гниющие ствол упавших деревьев и гладкие плиты серого камня. Растущий по ее берегам лес был не слишком высоким, зато исключительно густым и запутанным. Он не радовал роскошным зеленым цветом, который следовало бы ожидать от леса, растущего возле столь многоводной реки, — его запыленные заскорузлые деревья были окрашены в какие-то серые и оливковые оттенки. Мак-Турк в непринужденной позе растянулся на корме, на глаза ему наехала шляпа — ничего, он и с закрытыми глазами что хочешь покажет! Лучшего гида мы бы не нашли. Еще бы, ведь он здесь прожил всю жизнь, так что знал этот край не хуже любого аборигена, если не лучше.

Один из первых вопросов, которые я задал нашему ангелу-хранителю, заключался в том, водятся ли в этой реке электрические угри — мне страсть как хотелось раздобыть несколько экземпляров. Мак-Турк ответил, что их тут полно. Чтобы не быть голословным, он направил свой дредноут к берегу и высадил нас близ прогалины, к которой вели отполированные водой каменные плиты, образующие как бы ступени. По этой серой нерукотворной лестнице он и повел нас наверх. Поднявшись футов на шесть над уровнем реки, мы подошли к череде глубоких скважин, уходивших в толщу скалы. Шириной фута два каждая, они были наполнены прозрачной медно-красной водой. Мак-Турк велел нам обратиться в слух, а сам принялся с громким топотом ходить по краю скважин. После короткой паузы из-под камней у нас под ногами донеслась череда фыркающих звуков.

— Ну вот, это они нам отвечают, — объяснил Мак-Турк. — Они живут в этих скважинах. Конечно, у них есть и подводные выходы прямо к реке. Если как следует потопать да попугать их, они уплывут в реку, а там лови и не зевай!

Он принялся топтать с новой силой, и в ответ из-под Я камней раздался целый хор хрюкающих, перемежающихся с бульканьем звуков — если не знать, что исходят они от электрических угрей, укрывшихся в подводных жилищах, можно было бы подумать, что это звуки заливаемого потоком свинарника. Когда же, вдоволь наслушавшись, мы отправились далее вниз по реке, Мак-Турк принялся сетовать — мол, сколько напраслины возвели на электрических угрей! И нападают, мол, и убивают! Конечно, они не идеальные компаньоны для купающихся, но тем не менее зачем же так резко! Что касается меня, то я решил воздержаться от высказывания собственных суждений на этот счет, пока не познакомлюсь с ними поближе.

Естественно, за электрическими угрями последовали вдовы сюрпризы. Чуть ниже обиталища этих удивительных рыб река пускалась в плавные изгибы. Миновав один из них, мы увидели большую песчаную отмель, а на ней — трех самых фантастических птиц, которых мне когда-либо приходилось видеть. Оперение у них было черное с белым, ножки коротенькие, зато

клювы удлинённые, ярко раскрашенные желтым, алым и черным, что делало их похожими на шутовские носы. Вразвалочку прохаживаясь по песку, эти пернатые нацеливали на нас свои странные клювы, издавая недовольные тревожные возгласы. Причудливость этих клювов бросалась в глаза; приглядевшись к птицам в полевой бинокль, я понял, в чем тут дело: нижняя часть клюва у них была гораздо длиннее верхней, будто кто-то нарочно оттяпал у них два-три дюйма верхней части клюва. Необычный клюв, да еще столь блестяще раскрашенный, и в самом деле придает этим птицам в высшей степени оригинальный вид. Однако не стоит спешить записывать водореза (так называется эта птица) в уродцы, и уж тем более приклеивать к нему ярлык «ошибки природы», каковыми когда-то наградил ленивца Бюффон. Этот клюв — не уродство, а хитроумное приспособление, помогающее его обладателю добывать пищу. Время от времени с печатного станка сходят всяческие книжицы вроде «Удивительные факты из жизни животного мира, авторы которых меж прочих дел не преминут выразить свой восторг по поводу разнообразия птичьих клювов. В первую очередь перечисляют конечно же фламинго и пеликанов, а вот о водорезах не упоминает никто или почти никто, хотя они уж точно обладают самым удивительным клювом в мире пернатых. Водорез пронесется с раскрытым клювом на бреющем полете над самой поверхностью воды — отсюда его название. Длинная нижняя челюсть взрезает поверхность воды, как ножницы вспарывают ткань, и зачерпывает ею мальков и прочую лакомую водяную живность. Будь обе половины клюва одинаковой длины, этот фокус так бы просто не удался, но природа убрала лишнюю часть ровно настолько, насколько нужно. Беспечно переступая на коротеньких ножках, водорезы с тревогой наблюдали за нашим приближением к песчаной отмели. Но вот моторчик в последний раз чихнул и затих, нос нашего суденышка с тихим шуршанием воткнулся в песок — и все три птицы, вспорхнув, повернули свои пестрые клювы по направлению» вниз по течению и полетели, перекликаясь между собою протяжными щебечущими голосами.

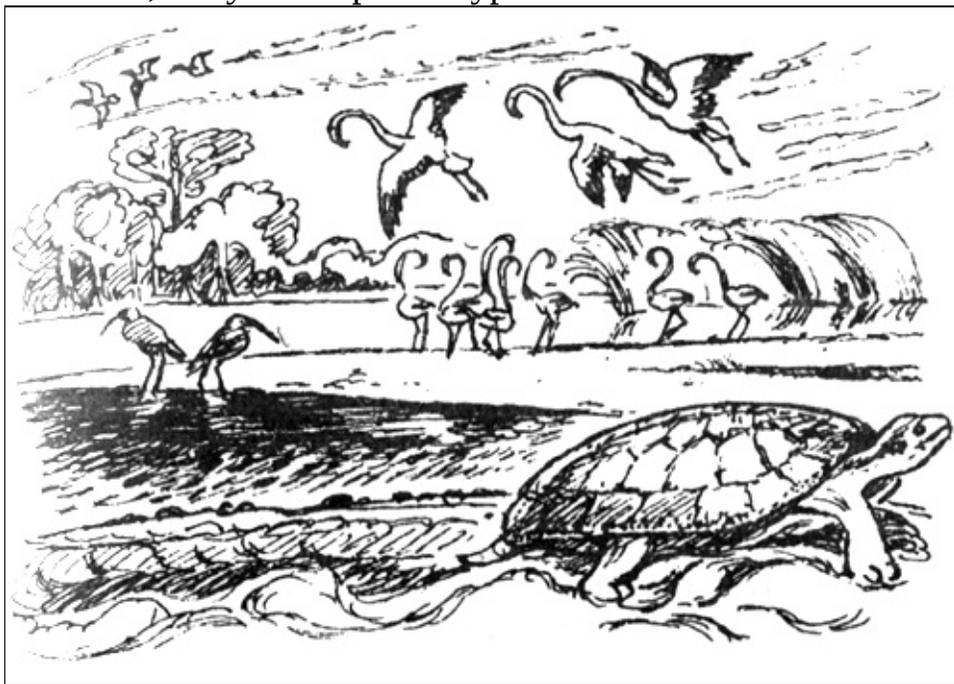
Вся отмель была покрыта затейливым узором из множества цепочек самых диковинных следов. Среди них мы без труда отыскивали следы наших знакомых водорезов — вот они, переплетаются с другими цепочками, извиваясь, словно стебельки плюща! Тут наш взгляд остановился на некоей странной борозде, протянувшейся от самой кромки воды к высшей точке отмели — как будто кто-то нарочно прокатил по хрупкому узору тяжелым шаром, чтобы загубить рисунок. По бокам борозды шли глубокие короткие насечки. След заканчивался круглой площадкой, и казалось, будто песок специально утрамбовали лопатой. Я с удивлением рассматривал странный след, но тут загадку разрешил Мак-Турк.

— Это черепаха, — объяснил он. — Она приползла сюда откладывать яйца.

Он подошел к площадке, где заканчивался след, и принялся разгребать песок. На глубине около шести дюймов он обнаружил кладку из десяти яиц, каждое размером с некрупное куриное, только вместо скорлупы покрытое тонкой кожицей. Мак-Турк надорвал на одном яйце кожицу, открыв довольно клейкий белок и яркий желток, и отправил содержимое прямо в рот! Я последовал его примеру — ну, доложу я вам, ничего в жизни вкуснее не едал! Слегка прогретые солнцем, сырые черепахи яйца так и тают во рту, оставляя на языке сладкий вкус ореха.

Усевшись на песке, мы мигом выпили оставшиеся яйца, а чуть позже я отыскал на берегу еще одну кладку — и вот вам превосходный ужин! Забегая вперед, я скажу, что сваренные вкрутую, они имеют вкус сладкого каштана. Но до ужина еще было далеко, а впереди ждали новые открытия! Вытерев с губ остатки желтка, мы пересекли отмель и нырнули, как мы думали, в густой лес, который в действительности оказался узкой полосой деревьев, росших по берегу реки. Вскоре мы снова очутились в саванне, по пояс в шуршащей, подсушенной солнцем траве. Каждый шаг давался с трудом, потому что вперемежку с обычной для саванны жесткой

травой тут росла еще какая-то совершенно чудовищная. Я решил, что это растение было специально создано, чтобы вывести меня из равновесия! Его листья по семи футов каждый, на взгляд сочные, изящные и прохладные, путались у нас под ногами и устилали дорогу с таким коварством, какому позавидовал бы сам Макиавелли. Дело в том, что края этих листьев мало того что острее всякой бритвы, так еще покрыты микроскопическими зубчиками и, подобно полотну ножовки; чуть тронь — и на коже останется множество глубоких порезов, как от скальпеля. Раз я неосторожно раздвинул пучок этих листьев голыми руками — и вид у меня стал такой, как будто я сцепился с парой ягуаров. А Боб, которому до того момента было наплевать, что трава-бритва, что трава-мурава, запросто уселся отдохнуть на пучок — так его не спасли даже джинсы! Что ж, получил хороший урок...

Но вот опасный участок позади, и мы вышли к безмолвному, окаймленному полоской леса почти круглому озеру, в которое впадала небольшая, медленная речная протока. В самом центре озерка, уходя стволем футов на шесть в воду, стояло высокое стройное дерево, увешанное, будто диковинными плодами, странными гнездами, сотканными из пальмовых волокон и травы, — они были похожи на оплетенные сеткой бутылки. А вот и владельцы столь необычных жилищ — колония желтоспинных кассиков; беззаботно перепархивая с ветки на ветку, они то ныряют в свои странные жилища, то высовываются наружу. У этих птиц величиной с дрозда лимонно-желтое с черным оперение и длинные острые клювы цвета слоновой кости. А взглянешь вниз — и не оторвать глаз от безмолвной, медового цвета воды, отражающей каждую ветку дерева, каждое свитое на нем гнездо, любую из порхающих и гомонящих ярких птичек. Но вот на зеркало падает с дерева лист или веточка; на мгновение картина покрывается дрожащей черной рябью — и снова успокаивается как ни в чем не бывало.

Залюбовавшись празднеством пернатых, мы не сразу обратили внимание, что вода у кромки слегка всколыхнулась и пошла морщинами. Причиной тому была отнюдь не упавшая с дерева веточка. Из воды показалась длинная шишковатая морда, увенчанная единственным выпученным глазом.

— Ба, да это же старый знакомый, Одноглазый! — сказал Мак-Турк, глядя, как крокодиля морда, бесшумно скользя по поверхности воды, приближается к нам. Когда она оказалась совсем близко, стало видно, что другая глазница пуста и сморщена. Мы пристально следили за его маневрами, он же старался не спускать с нас своего единственного глаза; но тут наше преимущество было бесспорным — как-никак шесть глаз против одного! Сколько себя помнит

Мак-Турк, Одноглазый всегда был владыкой этого озера. Как он потерял глаз, навсегда осталось тайной. Может быть, какой-нибудь индеец поразил его стрелой, а может, сцепился с ягуаром, и тот выцарапал ему глаз своими могучими когтями. Но, как бы там ни было в действительности — похоже, потеря глаза не слишком повлияла на его судьбу. Он благополучно жил себе в озере, снискав славу адмирала Нельсона среди рептилий и властвуя над своими меньшими сородичами.

Кайман подплыл к нам на расстояние тридцати футов, а затем развернулся слепым глазом к нам. Мак-Турк подобрал палку и что есть мочи ударил ею по стволу дерева. Раздался треск, гулко прокатившийся над водою, так что даже кассики прервали неумолчное щебетание. Одноглазый быстро и плавно погрузился под воду, а когда снова всплыл на поверхность, то устремил на нас свой целый глаз. Мы отправились бродить вокруг озера, а он выплыл на середину и медленно кружился, напряженно следя за нами.

Мы подошли туда, где над водой почти горизонтально наклонилось огромное дерево, увешанное длинными прядями испанского мха и гроздьями орхидей, состоявшими каждая из дюжин красных, как бы восковых, цветков. Мы забрались в его крону и очутились как бы на заколдованном, убранном орхидеями балконе, нависшем невысоко над подои. Наклонив головы, мы видели наши отражения, которые слегка подергивались рябью, когда на них, тихо вальсируя и воздухе, падали лепестки невзначай задетых нами орхидей. Вслась насмотревшись на отражение собственных физиономий, мы перевели взгляд на озеро, как вдруг Мак-Турк указал нам точку под нами футах в пятидесяти от берега.

— Смотрите сюда! — скомандовал он.

Мы напрягли зрение, но ничего не заметили: поверхность воды оставалась ненарушенной. Я как раз собирался спросить, что же нам следует высматривать, как вдруг раздался громкий всплеск, что-то возникло над поверхностью воды — и тут же исчезло, оставив лишь легкие круги да струйку поднимающихся из глубины золотых пузырьков.

— Арапаима, — сказал довольный Мак-Турк. — Вон поплыла! Смотрите вниз!

Я глядел во все глаза в воду — не дай Бог проворонить такое зрелище! Вот раздался новый плеск, затем еще, с каждым разом все ближе и ближе — и неожиданно на наших глазах появилась громаднейшая рыбина. Ее могучее тело медленно двигалось под нами в прозрачной янтарной воде. На какое-то мгновение это массивное торпедообразное тело показалось во всей красе — мы разглядели и высокий веерообразный плавник, протянувшийся вдоль ее спины, и хвост, показавшийся нам слишком тупым и маленьким для рыбины таких размеров — и вдруг она пропала среди пестрых отражений нашего дерева, и больше не показывалась нам на глаза.

Я с сожалением должен сказать, что это первый и последний раз, когда нам удалось взглянуть на арапаиму — одну из крупнейших в мире пресноводных рыб, хотя они довольно обычны в озерах и реках Рупунуни. Эти гигантские рыбы могут достигать шести-семи футов в длину и весить от двухсот до трехсот фунтов. Мак-Турк похвастался нам, что самая большая когда-либо пойманная им рыбина достигала девяти футов в длину. Это столь могучие и быстрые рыбы, что, пожалуй, единственные враги их — человек да вездесущий ягуар. Человек охотится на них с копьем и луком, ну, а у ягуара свой, более любопытный метод. Он ждет, когда рыба подплывет поближе к берегу, а затем кидается ей на хребет и, работая своими могучими лапами, начинает выбрасывать рыбу на берег.

Мак-Турк сказал, что ему ничего не стоит загарпунить арапаиму, если мне захочется рассмотреть ее поближе; но я считал позором губить столь прекрасное создание ради интереса. А о том, чтобы поймать такую рыбину живьем не могло быть и речи — даже если бы нам удалось это сделать, как бы мы доставили ее к побережью? Для этого потребовался бы резервуар в несколько сот галлонов воды! Даже я, при всем своем энтузиазме, вынужден был отказаться от

мысли взять с собой в Джорджтаун живую арапаиму.

Мак-Турк сообщил нам любопытный факт об этой рыбе, — факт, насколько я знаю, прежде никем не зафиксированный. Во время брачного периода на затылке у самки арапаимы образуется особая железа, выделяющая белую субстанцию, похожую на молоко. Мак-Турк утверждал, что не раз наблюдал, как мальки собираются вокруг материнской головы и, по-видимому, питаются этим «молоком». Это известие удивило меня, и я лелеял надежду, что, пока мы будем на Рупунуни, нам тоже посчастливится стать свидетелями столь диковинного зрелища, но, увы, надежды оказались напрасными. А жаль! Открытие рыбы, которая «вскармливает» своих мальков, произвело бы немалую сенсацию среди зоологов и ихтиологов.

Завороженные зрелищем, мы продолжали сидеть на дереве — вдруг увидим еще одну арапаиму! — но нет, в воде больше не было никаких признаков жизни. Делать нечего, мы с неохотой слезли с дерева, и Мак-Турк повел нас кругом озера на противоположный берег — ему хотелось продемонстрировать нам индейский метод рыбалки, а там, на мелководье, располагалось самое удобное место.

Оказавшись там, он снял с плеча небольшой лук, скорее похожий на детскую игрушку, и, зарядив его тонкой стрелой, осторожно вошел по колено в темную воду и несколько минут простоял неподвижно. Потом до нас долетел звук звенящей тетивы. Стрела, войдя в воду футах в пятнадцати от Мак-Турка, на мгновение замерла в неподвижности, торча дюймов на пять над поверхностью воды. Вдруг она задергалась, задрожала и пошла выписывать круги по воде, так и оставаясь в вертикальном положении. Прошла еще минута, и вот стрела стала все больше и больше подниматься над водой, потом наклонилась и почти легла плашмя. Оказывается, ее наконечник пронзил крупную серебристую рыбину, которая теперь, перед смертью, судорожно шевелила губами, а вокруг нее все шире расплывалось кровавое пятно. Удивительно, но, пока рыбина не всплыла на поверхность, я не видел в воде ничего, кроме стрелы, выписывающей круги. Может, это оттого, что я наблюдал с берега, решил я. Чтобы в следующий раз не пропустить всех деталей ловли от начала до конца, я вошел в воду и присоединился к Мак-

Турку. Мы немного постояли молча в ожидании, и вдруг Мак-Турк сказал мне:

— Вон там... Вон, у той коряги, видишь?

Я взглянул туда — нет, ничего не вижу! Поверхность воды, похожая на старое зеркало, оставалась недвижимой. Но Мак-Турку дано было разглядеть, что под нею скрывается! Он снова поднял лук, снова раздался голос тетивы — и вот уже вторая рыбина, пораженная метким выстрелом, всплывает на поверхность. Мак-Турк еще трижды на моих глазах поднимал лук — и ни разу мне не удавалось увидеть рыбу, пока она, пронзенная стрелой, не всплывала наверх. Многолетняя практика обострила его зрение до чрезвычайности — он мог разглядеть под водою едва заметную тень, указывающую местоположение рыбы, определить направление ее движения, сделать поправку на оптический обман — и пустить стрелу точно в цель, прежде чем я вообще успевал заметить какое-либо шевеление.

Когда мы вернулись к отмели, где стояло наше суденышко, Мак-Турк ненадолго предоставил нас самим себе. Мы с Бобом сочли, что наилучшим развлечением будет поискать еще черепаших яиц, но напрасно. Я решил хоть наплаваться всласть. Песчаная отмель здесь плавно понижалась, так что глубина едва ли превышала шесть футов. Место выглядело вполне безопасным для купания, и Боб решил последовать моему примеру. Вскоре он подозвал меня на мелководье и гордым жестом указал на какие-то большие круглые углубления в песке. словно сама природа приготовила для тебя ванну — сядешь в такую, по подбородок в воде — и наслаждайся жизнью. Так мы и сделали: выбрали себе ямы поудобнее, разлеглись и даже радостно запели. Наплескавшись всласть, мы выбрались на солнце и принялись скакать по песку, чтобы обсохнуть — если бы кто-нибудь видел нас, то решил бы, что это двое полоумных дикарей. Когда мы уже стали одеваться, возвратился Мак-Турк, и я поведал ему, какое мы открыли на отмели чудесное место для купания.

— А те ямы, которые нашел Боб, как нарочно для нас сделаны, — сказал я. — Сидишь себе по подбородок в воде... Блаженство!

— Какие еще ямы? — переспросил Мак-Турк.

— Да вон, в песке, — объяснил Боб. — Похожи на лунные кратеры.

— Как?! — спросил Мак-Турк. — И вы в них сидели?!

— Ну да, — радостно подтвердил Боб.

— А что тут такого? — спросил я.

— Такого ничего. Просто если вы думаете, что электрические скаты нарочно приготовили их вам на потеху, то жестоко ошибаетесь. Они это для себя устроили. Хорошо хоть не застали их дома. Уселись бы одним местом на ската, мигом узнали бы, кто там хозяин.

Я глянул на Боба.

— А... они крупные? — заерзав, спросил он.

— Да, обычно яму под себя подгоняют, — ответил Мак-Турк.

— Ничего себе! Я сидел в яме чуть не с ванну величиной, — сказал я.

— Ну да, — сказал Мак-Турк. — Встречаются и такие...

Мы пошли к нашему суденышку, потеряв дар речи.

Когда мы возвращались обратно вверх по течению, взяв курс на Каранамбо, заходящее солнце превратило реку в сияющую дорожку из расплавленной меди. Над нею, словно облако, летели стаи белоснежных цапель. В безмолвных плесах играли рыбы; прыжок — и только волны ряби расходятся золотыми кругами по воде. Наконец ялик завернул за последний поворот и подошел к своей стоянке среди всей этой разномастной флотилии. Мотор еще пару раз чихнул и замер, над рекой вновь воцарилась тишина, которую нарушали лишь хриплые лающие голоса крупных жаб на противоположном берегу.

— Ну что, хотите еще поплавать? — спросил Мак-Турк, когда мы выбрались на берег.

Я взглянул на освещенную сумеречным светом реку.

— Как, прямо здесь? — спросил я.

— Ну да, я всегда купаюсь здесь.

— Ну, а пираньи?

— Да нет, здесь можно не опасаться.

Успокоенные этим заверением, мы разделись, скользнули в теплую воду, и тут же почувствовали напор вибрирующих струй — течение в этом месте было быстрое. Отплыв Футов на тридцать от берега, я нырнул, но дна не достал — к тому же на глубине шести футов вода уже была почти ледяная. Мы беззаботно плавали, как вдруг я услышал угрюмое фырканье и громкий плеск со стороны небольшого островка в середине реки, футах в полутора от нас.

— Кто это?! — спросил я Мак-Турка.

— Как кто? Кайман, — лаконично ответил он. — Окрестные воды ими кишмя кишат.

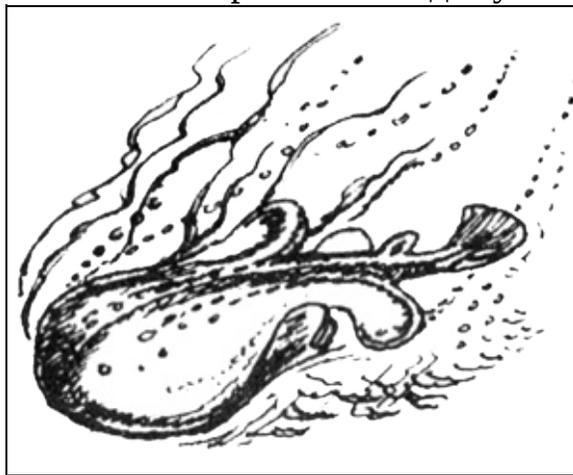
— Они что, не нападают? — в довольно бесцеремонной манере спросил Боб, вовсю работая руками и оглядываясь через плечо, далеко ли до берега.

Я тоже обернулся в сторону берега — и что же вижу всего несколько минут назад я твердо полагал, что каких-нибудь два-три мощных гребка руками — и ты на берегу.; А теперь мне казалось, что до спасительной суши целы мили!

Мак-Турк пустился в разъяснения, что кайманы никогда не нападают на людей, но, сказать по совести, сидеть в воде нам больше не хотелось. Только ступив на сушу, мы почувствовали себя в безопасности. Право же, какие нервы выдержат, когда на глубине под тобою могут быть и электрические угри, и стаи голодных пираний, ищущих сытного ужина, и обходящий свои подводные владения кайман! Когда мы оделись, Мак-Турк направил луч фонаря в сторону островка. В луче света мы насчитали над поверхностью воды шесть пар красных глаз, горящих, словно раскаленные угли.

— Кайманы, — повторил Мак-Турк. — Их тут сколько душе угодно. Ну что ж, пойдете ужинать.

И он повел нас между деревьями по направлению к дому.

Глава пятая

Охота за муравьедом

Поимка большого муравьеда была одной из главных причин, почему мы отправились на Рупунуни: мы слышали, что в заросших травой саваннах ловить этих животных гораздо проще, чем в гвианских лесах.

Первые три дня после прилета в Каранамбо мы только и говорили, что о муравьедах, пока Мак-Турк наконец не обещал подумать, как бы это устроить. И вот в одно прекрасное утро, когда мы только окончили завтракать, на пороге нашего дома возник — внезапно и безмолвно, как и свойственно людям его племени, — малорослый индеец. У него было бронзовое скуластое лицо и темные глаза-щелочки — можно было бы заподозрить, что они таят коварство, не будь мерцавшего в них огонька робости. Одежда его состояла из ветхих брюк и рубашки, а гладкие черные волосы прикрывала облезлая шляпа, некогда бархатная — такую шляпу носили разве что феи из волшебных сказок. Всякий, кто ожидал увидеть перед собою сурового отважного воина в пестром головном уборе из перьев и с легендарными тотемными знаками, выведенными цветной глиной на коже, испытал бы горчайшее разочарование. Впрочем, в нем ощущалась уверенность, и это меня утешало.

— Позвольте представить вам Фрэнсиса, — сказал Мак-Турк, указуя рукой на сие чудо природы. — Думаю, он-то знает, где можно найти муравьеда!

Сообщи он нам, где отыскать крупную золотоносную жилу, то и тогда бы мы не приветствовали его с большой восторгом. После непродолжительных расспросов мы выяснили, что Фрэнсис действительно знает, где муравьед имел место быть. Он видел его три дня назад. Другой вопрос, по-прежнему ли он на старом месте или куда-нибудь откочевал. Мак-Турк предложил: пусть Фрэнсис сходит и проверит и, если зверюга еще там обретается, пусть вернется за нами, а мы попытаем счастья. Застенчиво улыбнувшись, Фрэнсис согласился и в ту же минуту отправился выполнять наше задание. Вернувшись на следующее утро, он доложил, что поиски возымели успех: он обнаружил, где находится муравьед, и готов проводить нас туда на следующий день.

— Как же туда добраться? — спросил я Мак-Турка.

— Только на лошадях, — ответил он. — Машину брать бессмысленно: придется мотаться по саванне. Джип там не пройдет.

Я повернулся к Бобу.

— Ты умеешь ездить верхом? — с надеждой спросил я.

— Да вообще-то однажды было дело, если ты это имеешь в виду, — осторожно сказал Боб и поспешно добавил: — Только лошадь должна быть очень смиренная, конечно.

— Ну как, сможете раздобыть нам пару добрых, смиренных лошадей? Пожалуй, справимся! — сказал я Мак-Турку.

— Будьте покойны, я подберу вам самых спокойных! — заверил нас Мак-Турк и отправился вместе с Фрэнсисом улаживать детали.

Немного погодя он сказал нам, что Фрэнсис и лошади будут дожидаться нас завтра утром в условленном месте милях в двух от дома. Оттуда и начнется наш маршрут в неизвестность.

...Когда назавтра мы спозаранку тронулись в путь, утренние лучи окрасили заросшую травую саванну в приятный золотисто-зеленый цвет. Прыгая по кочкам, машина неслась к далекой линии деревьев, где у нас было назначено свидание с Фрэнсисом. В нежно-голубом, словно крыло сойки, небе чертили круг за кругом два казавшихся точками ястреба, обшаривая глазом просторы саванны в поисках завтрака. Яркие, будто искры, стрекозы вылетали из-под колес машины. Теплый ветер захватывал ввысь кружащее водоворотом облачко рыжеватой пыли.

Мак-Турк, картинно держа одной рукой баранку, а другой надвигая шляпу на лоб, заговорил со мной, пытаясь перекричать гул мотора и шум ветра:

— Ты понимаешь, этот индеец... ну да, Фрэнсис... Как бы тебе все это объяснить... Он такой, немножко странный. Не то чтобы у него не все дома, но он сам говорит, что иногда у него едет крыша. Это я просто так, чтобы ты знал. А так он мухи не обидит.

— Так вы уверены, что он нормальный? — крикнул я в ответ, чувствуя, что у меня душа уходит в пятки.

— Ей-богу, совершенно безобиден.

— О чем это вы? — спросил Боб с заднего сиденья.

— Мак-Турк говорит, что у Фрэнсиса бывают... это, как их... *заскоки*, — успокоил я его.

— Чего-чего?! — крикнул Боб.

— Заскоки.

— Какие заскоки?!

— Ну... Мак-Турк говорит, что у Фрэнсиса иногда едет крыша. Но тем не менее уверяет, что он совершенно безобиден.

— Час от часу не легче! — убитым голосом произнес Боб, откинувшись на спинку кресла и закатил глаза. На лице его читалось выражение сдерживаемой муки.

Мы доехали до деревьев и увидели сидевшего на корточках Фрэнсиса. Его знаменитая волшебная шляпа была лихо сдвинута набекрень. Позади него стоял табунок понуро свесивших головы и позвякивающих уздечками жалких кляч. На них были чрезвычайно неудобные на вид седла с высоко расположенными передними луками. Мы выбрались из джипа и, стараясь напустить на себя веселую мину, поздоровались с Фрэнсисом. Мак-Турк пожелал нам всем удачной охоты, развернул машину и с таким ревом рванул вперед, что лошаденки шарахнулись, звеня всеми Уздечками и стремянами. Фрэнсис кое-как успокоил их и подвел к нам, чтобы мы высказали свое суждение. Мы недоверчиво поглядывали на наших росинантов, а они с наименьшей подозрительностью глазели на нас.

— Ну, какую берешь? — спросил я у Боба.

— По-моему, один черт, — сказал он. — А впрочем... опробую-ка вот эту, каурую. Видишь, косит чуть-чуть?

Мне досталась большая серая лошадь, на первый взгляд схожая с мулом; тут выяснилось, что она и норовом уступает сему упрямому животному. Желая подбодрить я сказал пару

ласковых слов; но, как ни пытался подобраться к ней, она отступала в сторону, сверкая белками глаз.

— Ну что же ты, дружище, — фальшиво уговаривал ее, безуспешно пытаясь сунуть ногу в стремя.

— Это не дружище, это подруга, — уточнил Боб.

Наконец мне удалось взгромоздиться на тощую костлявую спину клячи, и я мгновенно схватился за уздечку. Лошадь, выбранная Бобом, показалась мне более покладистой. Во всяком случае, она безропотно позволила ему сесть на себя. Но только он устроился в седле, как она начала медленно, но неуклонно пятиться назад. Так они пожалуй, доплелась бы до самой бразильской границы, если бы на ее пути не оказался огромный колючий куст. Въехав в него всем крупом, она стала как вкопанная — ни с места.

К этому времени Фрэнсис уже оседлал свою хмурую вороную лошадь и поскакал вперед. Насилу держась на своей кобыле, я пустился вдогонку. Боб по-прежнему пытался ублажить свою лошадь ласковыми речами, каковые постепенно затихли вдаль. Мы миновали поворот, и Боб вовсе пропал из виду. Его лошадь двигалась каким-то хитроумным аллюром — помесью шага с рысью, а Боб красный в лице, что твой индеец, — крепко сжимал в руке длинную ветку, которой столь усердно нахлестывал по спине животину, что я забеспокоился, как бы он не вывихнул себе руку. Подъехав поближе, я с интересом стал наблюдать за его прогрессом в деле обучения верховой езде.

— Ну как дела? — спросил я Боба, когда он поравнялся со мной.

Боб бросил на меня убийственный взгляд.

— Все-бы-ни-че-го-е-сли-бы-о-на-шла-как-сле-ду-ет, — проговорил он, вставляя по слогу между толчками.

— Погоди-ка секундочку, — сказал я, желая помочь, — дай-ка я подъеду сзади и дам ей шлепка!

Сзади Боб и его кобыла выглядели так, будто исполняли некую темпераментную румбу, какой славится Латинская Америка. Я пришпорил свою лошадку, пустив ее рысью, и, поравнявшись с ходящим ходуном крупом кобылки Боба, нагнулся, чтобы хорошенько шлепнуть ее. И что же? Моей лошади, которая до сей минуты вела себя образцово, отчего-то взбрело в голову, что я ни с того ни сего, самым подлым и коварным образом посягаю на ее жизнь. Она собрала все мускулы, да как скакнет — тут бы позавидовал любой кузнечик! На мгновение мне бросить в глаза удивленная физиономия Боба — и вот мы уже мчимся по траве вдогонку за Фрэнсисом. Когда мы поравнялись с ним, он повернулся в седле, изобразив на лице широченную улыбку. Затем он подбодрил свою лошадь, хлестнув ее поводьями по шее, — и, прежде чем я сообразил, что происходит, мы уже бешеным галопом помчались по тропе, грудь в грудь, а Фрэнсис еще поддавал ходу, погоняя свою лошадь странными гортанными выкриками.

— Фрэнсис, опомнись!!! — завопил я. — Тут тебе не скачки! Я больше так не могу... Стой! Стой, кому говорят!

Эти слова с трудом пробили себе путь к сознанию нашего провожатого. Когда же он понял, чего от него хотят, на лице его обозначилось выражение горького разочарования. Он нехотя осадил свою лошадь — и, к моему величайшему облегчению, моя тоже замедлила шаг. Мы остановились и подождали, пока Боб доскачет на своей танцующей кобыле. Когда же вся наша команда была в сборе, я предложил следующий порядок следования: Фрэнсис впереди, Боб за ним, а я — замыкающим. Так мне легче будет следить за тем, чтобы лошадь Боба скакала как полагается, а не маялась дурью. Дальше мы продолжали путь размеренным шагом, без всякой гонки.

Солнце уже нещадно палило, и пейзаж, простиравшийся перед нами, казалось, плавился в

его лучах. Мы покрывали мило за милей по траве — зеленой, золотой и бурой, а вдали, словно на самом краю света, маячила волнистая линия бледных зеленовато-голубых гор. И странно, во всем этом океане травы — никаких признаков жизни... Единственное, что двигалось, — мы и наши тени. В течение двух с лишним часов мы скакали по колено в траве под предводительством Фрэнсиса, который бесстрастно развалился в седле, так что шляпа сползла ему на глаза — очевидно, он спал. Впрочем, монотонный пейзаж и жара заставляли и нас клевать носом. Следуя примеру нашего вожака, мы тоже задремали.

Внезапно я открыл глаза — и что же вижу: посреди плоской саванны — нечто вроде большого овального кратера с плавно спускающимися склонами. В центре его располагалось окаймленное тростниковыми зарослями озеро, по берегам которого были разбросаны низенькие кустарники.

По мере нашего движения вокруг озера все вокруг, казалось, оживало все более и более — вот небольшой кайман скользнул в неподвижную воду, почти не всколыхнув ее, вот десять аистов-ярибу торжественно прошествовали к противоположному берегу, задумчиво опустив свои длинные клювы, как бы размышляя о чем-то; кустарники были полны крохотных щебечущих и порхающих птичек.

— Боб, проснись, полюбуйся местной фауной! — предложил я.

Сонно выглянув из-под шляпы, Боб изрек «Да Ну-у...» самым безразличным тоном, на какой только был способен, и снова заснул.

Внезапно дорогу мне перебежали две изумрудные ящерицы — они были столь поглощены бегом наперегонки, что не приняли во внимание появление нашего кортежа, а моя лошадь так медленно переступала копытами, что не зашибла ни одной из них. А вот крохотный зимородок упал камнем с ветки на гладкую поверхность озера — и, снова взмыв вверх, вернулся на свою ветку с добычей в клюве. Золотые и черные стрекозы звенели над тростниками и неподвижно зависали над укутавшей болотистую землю розовой дымкой крохотных орхидей. На трухлявом пне, явно в предвкушении зловещего пиршества, восседала пара черных грифов. Они устремили на нас взгляд, не предвещавший ничего доброго — особенно если принять во внимание состояние психики нашего предводителя. Миновав озеро, мы вновь поскакали по саванне; чем дальше мы ехали, тем более неслышным делался щебет птиц за нашей спиной и под конец умолк совсем — только и слышно было, как молотят по траве копыта наших лошадей. Я не нашел ничего лучше, как заснуть снова.

Проснулся я от толчка — лошадь остановилась. Я поднял глаза и увидел, что Фрэнсис тоже проснулся и, сидя в седле, обозревает окрестности — своим видом он походил на Бонапарта, обозревавшего поле боя, только в роли треуголки выступала знаменитая шляпа. Перед нами простиралась плоская, словно шахматная доска, равнина. Слева от нас она слегка повышалась. Склон покрывали огромные я пучки травы и низкорослые кустарники. Подскакав к нашему вожаку, я вопросительно посмотрел на него; он же в ответ махнул мне смуглой рукой и указал на местность. Как я понял, это и были владения муравьеда.

— О чем это вы? — спросил Боб.

— Судя по всему, это то самое место, где он видел зверя.

Фрэнсис, как нас уверял Мак-Турк, мог объясняться о-английски. Что ж, вот и настал судьбоносный миг! Пусть мобилизует все свои познания и во всех подробно распишет нам тактику наших действий. Вместо этого Фрэнсис, глядя мне прямо в глаза, издал череду нечленораздельных звуков — более невразумительных мне редко приходилось слышать. Он еще дважды повторил эту же череду сигналов; как я ни прислушивался, но не мог различить ни одного знакомого слова. Тогда я обратился к Бобу, который ерзал в седле, как от рези в желудке, не принимая участия в этом обмене мнениями.

— Слушай, дружище, не ты ли хвастался, что умеешь объясняться на каком-то индейском диалекте?

— Так-то так, но то были парагвайские индейцы. Не думаю, что у них есть что-то общее с индейцами мунчи.

— Но хоть что-нибудь вспомнить можешь?

— Пожалуй, смогу. Так, кое-какие обрывки.

— Ну так попробуй разобрать, что говорит Фрэнсис.

— Так разве он не по-английски говорит? — изумленно спросил Боб.

— Да черт его знает, может, и по-патагонски! А ну-ка, Фрэнсис, повтори все с самого начала!

Фрэнсис с многострадальным видом повторил свой краткий монолог. Боб внимательно слушал, и чем дольше слушал, тем больше хмурился.

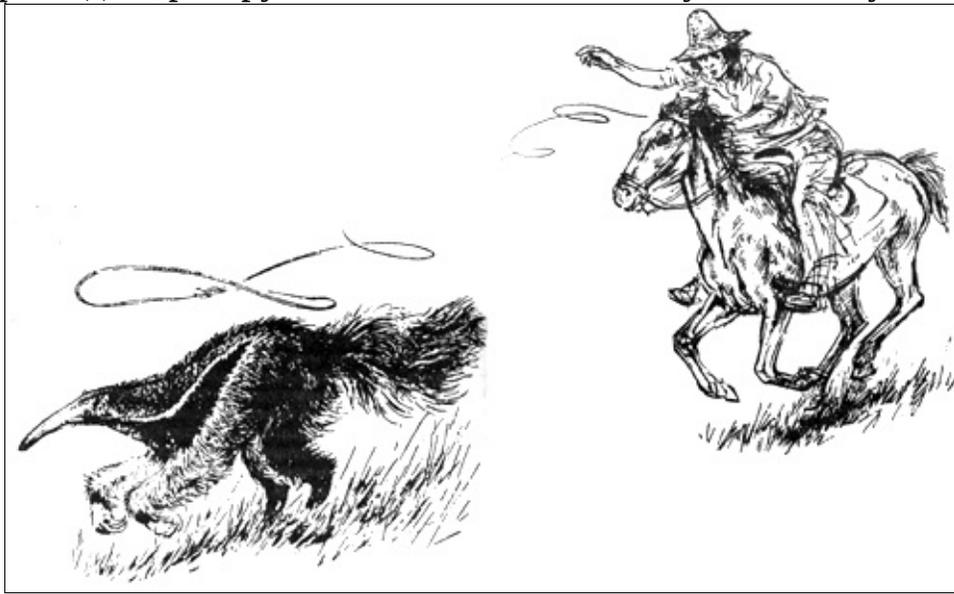
— Ничего не понимаю, — наконец сказал он. — Это черт знает что, но только не английский!

Мы глядели на Фрэнсиса, а он с сожалением смотрел на; нас. Вдруг его словно осенило — зачем пытаться что-либо объяснить этим тупицам словами, когда есть понятный всем язык жестов и звукоподражаний! Сперва он ткнул пальцем — мол, это то самое место, где он видел муравьеда. Затем он сложил ладони вместе, положил их под щеку, закрыл глаза и принялся громко храпеть — это значит, что зверь, должно быть, спит где-нибудь тут неподалеку. И наконец, поочередно показав на каждого из нас пальцем, он принялся пронзительно и громко кричать — стало быть, нам надо выстроиться в линию и прочесывать кустарник, производя как можно больше шума.

Итак, мы развернулись в боевой порядок с интервалами в тридцать ярдов и погнали коней сквозь высокую траву с такими невообразимыми воплями и криками, что стороннему наблюдателю оставалось бы только гадать, какая это палата для буйнопомешанных проводит состязания по выезде. Фрэнсис, шедший справа от меня, блестяще имитировал заливающуюся лаем свору собак, слева раздавались арии из «Лох-Ломонд» в исполнении Боба, перемежаемые пронзительными возгласами: «Шш-ууу! Шш-ууу!» Такая комбинация вспугнула бы не то что муравьеда, а самого дьявола. Так мы проскакали уже с полмили, пока я не сорвал себе всю глотку до хрипоты; мне стали уже закрадываться в душу сомнения пребывания здесь муравьеда, и водятся ли таковые в Гвиане. Мои крики утратили прежнее разнообразие звучания и стали скорее напоминать унылое карканье одинокой вороны.

Вдруг Фрэнсис издал резкий торжествующий вопль, и я увидел, как из-под копыт его лошади метнулось что-то черное и поскакало сквозь густую траву. Я повернул лошадь и во весь опор понесся на зверя, в то же время пытаюсь оповестить Боба. А лошадь, как назло, беспрестанно спотыкалась о поросшие травой кочки и проваливалась в глубокие трещины в иссушенной зноем земле. Темная фигура животного выскочила из-под завесы длинной травы и бешеным галопом рванулась по скудно поросшей травой равнине. Да, это и в самом деле был муравьед, причем гораздо крупнее всех тех, которых мне доводилось видеть в неволе. Он несся по равнине с головокружительной скоростью, мотая из стороны в сторону большой, похожей на сосульку головой, а его лохматый хвост, словно вымпел, плескался за ним. Фрэнсис висел у него на хвосте, на скаку разматывая лассо и погоняя лошадь дикими криками. К тому времени я уже выскочил из густой травы и погнал лошадь прямо на муравьеда, но едва увидев зверя, моя кобыла решила, что с таким страшлищем лучше не связываться, и во всю прыть поскакала в противоположном направлении. Я чуть не заплакал с досады — сколько времени зря упущено! — но все же мне кое-как удалось совладать с ней. Но все равно сближение с целью шло кругами — примерно так же, как движется краб. Как раз в это время Фрэнсис,

поравнявшись с муравьедом, раскрутил лассо и метко накинул на голову животного.

Но метко-то метко, а все равно неудачно — что-то помешало петле затянуться. Муравьед, запросто проскочив сквозь нее, резко развернулся и вновь устремился под защиту густой травы. Фрэнсису пришлось остановиться, чтобы собрать и смотать лассо, а тем временем зверюга что есть мочи несся к густому кустарнику, где его не достало бы никакое лассо. Понукая свою упирающуюся клячу, я все же перерезал зверю путь и погнал назад на открыт равнину. Пустив лошадь резвым галопом, я обнаружил, что могу скакать с муравьедом грудь в грудь.

Между тем муравьед с шипением и фырканием прод жал скакать по равнине, топоча своими короткими лапам по испекшейся на солнце земле. Фрэнсис вновь настиг и крутанул два-три раза веревкой, набросил ее точно на передние лапы животному и затянул как раз в тот момент когда она соскользнула к его пояснице. Мгновение спустя Фрэнсис соскочил с лошади — и вот уже муравьед на бешеной скорости волочит его за собой по густой траве. Попросив Боба придержать наших лошадок, я присоединился к Фрэнсису, и теперь мы оба болтались на конце веревки. В толстых кривых ногах муравьеда и его косматом теле заключалась невероятная сила, и, как мы ни старались дружными усилиями удержать его, ничего у нас не выходило. Фрэнсис, с которого градом катился пот, оглянулся назад и возгласом указал на что-то позади меня. Я не верил глазам своим — примерно в сотне ярдов стояло небольшое дерево, единственное на многие мили вокруг. Судорожно хватая воздух, мы каким-то образом умудрились приволочь к нему муравьеда. Добравшись до дерева, мы, напрягая последние силы, затянули-таки еще одну петлю вокруг туловища разъяренного животного, а потом стали привязывать свободный конец веревки к стволу.

Не успели мы закрепить последний узел, как раздался предупреждающий вопль Фрэнсиса — ему явно бросилось в глаза что-то нехорошее в ветвях дерева. Я поднял глаза, Я и... о ужас! В каких-нибудь двух футах над моей головой Я висело осиное гнездо размером с футбольный мяч. Вся населявшая его колония вылезла наружу, и сказать, что настроены осы были крайне агрессивно — значит ничего не сказать. От рывков пытавшегося удрать муравьеда деревце раскачивалось, как от ураганного ветра, и не следует думать, что осам это нравилось. Мы с Фрэнсисом тут же молча ретировались. Увидев, что мы отступили, муравьед решил немного передохнуть и уж потом заняться кропотливым трудом по освобождению от веревок. Деревце перестало качаться, и осы успокоились.

Мы вернулись туда, где стоял Боб с нашими клячами, и распаковали снасти, предназначенные для ловли муравьедов: два больших мешка, моток толстой бечевки и несколько кусков каната. Вооружившись всем этим, а также складным ножом Фрэнсиса

(каковой отлично сошел бы за орудие убийства), мы снова направились к дереву. И как раз вовремя! Буквально на наших глазах муравьед скинул себя последнюю петлю и спокойненько вразвалочку подпал по саванне. Я оставил Фрэнсиса отвязывать лассо от осинового дерева, а сам, не жалея ног, бросился догонять нашу бесстрастно уходящую добычу, лихорадочно завязывая на бегу скользкую петлю. Подскочив к зверю сбоку, я попробовал накинуть ему петлю на голову — промах! Вторая попытка — результат тот же! Так повторялось несколько раз, пока муравьед не решил дать понять, что ему хоть и дорого мое внимание, но он от него малость подустал. Он неожиданно замер на месте, повернулся и встал на задние лапы, глядя мне прямо в глаза. Я тоже остановился, напряженно следя за ним, в особенности за могучими шестидюймовыми когтями, которыми вооружены его передние лапы. Он завертел длинным носом, фырча и уставя на меня свои миниатюрные глазки-пуговицы, — мол, ну-ка подойди поближе! Я же, отнюдь не собираясь сталкиваться с ним лоб в лоб, обошел его кругом. Он тоже поворачивался вокруг своей оси, готовясь пустить в ход когти. Я еще раз нерешительно попытался накинуть ему на голову петлю, но в ответ он так яростно замахал своими когтистыми лапами, неистово шипя и фырча, что я посчитал за наилучшее дожидаться Фрэнсиса, у которого как-никак было настоящее лассо.

«Дьявольская разница, — подумал я, — любоваться животным через прутья решетки в ухоженном зоопарке или пытаться поймать его с помощью жалкого обрывка веревки!» Со своей позиции я мог наблюдать, как Фрэнсис все еще возится, отвязывая лассо, и при этом умудряется не спровоцировать оск к нападению.

Между тем муравьед уселся на хвост и принялся важно счищать могучими когтями травинки со своего длинного носа. Я заметил, что всякий раз, когда он шипел или фыркал, его пасть извергала струю слюны, которая повисала длинными клейкими нитями, похожими на нити паутины, только гораздо толще. Когда он скакал галопом по равнине, эти клейкие нити волочились за ним по земле, и по пути к ним прилипали всяческие травинки и веточки. Когда же он, разгневавшись, энергично тряс головой, нити с налипшим на них мусором обвивались вокруг его носа и плечей, да так и застывали, словно смола. Теперь же он, по-видимому, пришел к заключению, что идеальный способ использовать возникшую передышку — это умыться и привести себя в порядок. Почистив свой длинный серый нос так, что любо-дорого посмотреть, он потерся плечами о траву, чтобы удалить с них клейкую слюну. Затем он встал, по-собачьи забавно встряхнулся и побрел к зарослям высокой травы столь невозмутимо и спокойно, как будто столкновение с вооруженными лассо людьми — так ничего не значащий эпизод в его жизни. В этот самый момент ко мне с веревкой наготове подскочил Фрэнсис, изрядно запыхавшийся, но пощаженный осами. Мы помчались вдогонку за муравьедом, который по-прежнему вразвалочку, невозмутимо шествовал по саванне. Заслышав наше приближение, он снова сел и обреченно посмотрел на нас. Теперь, когда нас стало двое, преимущество было не на его стороне. Пока я отвлекал его внимание, Фрэнсис подкрался с тыла, набросил петлю ему на плечи, туго затянул поперек живота — и вот он снова срывается с места в карьер, волоча нас за собою на веревке по густой траве! Так он и таскал нас с полчаса по саванне то туда, то сюда, но в конце концов мы исхитрились обвязать его веревками, словно рождественского индюка, так что он не в силах был пошевелиться. Запихав добычу в большущий мешок, мы, довольные собой, достали по сигаретке — после такой бешеной гонки курить хотелось, и еще как!

Но тут вышла новая неувязка — все лошади как одна решительно взбунтовались против нашего желания погрузить на них мешок с муравьедом. Ситуация усугублялась тем, что при каждой нашей попытке взвалить им на спину мешок оттуда раздавалось такое яростное и громкое шипение, которое вывело бы из себя и самую смирную лошадку. В конце концов мы вынуждены были оставить наши попытки, так как лошади явно подавали симптомы коллективного психоза. После длительных раздумий Фрэнсис объявил, что единственный выход

из создавшегося положения — это если я поведу его лошадь, а он потащит муравьеда на спине. Признаться, меня взяло сомнение, сдюжит ли он — мешок был чудовищно тяжел, а до Каранамбо было как минимум восемь, а то и девять миль пути. Но все же я помог взвалить мешок ему на спину, и мы тронулись в путь. Фрэнсис доблестно шагал вперед, но пот с него катился градом, а ноша, отчаянно ворочаясь в мешке, всячески отравляла ему жизнь. Послеполуденное солнце жарило, словно печь; не было ни малейшего ветерка, который подул бы на лоб нашего геркулеса-муравьедоборца. Внезапно он начал что-то бурчать про себя... Потом отстал от нас на полсотни ярдов... Мы преодолели еще с полмили по извилистой тропе, когда Боб оглянулся назад.

— Что с Фрэнсисом?! — удивленно спросил он.

Я обернулся и увидел, что наш вожак положил муравьеда на землю и все ходит и ходит вокруг него кругами, размахивая руками и что-то возбужденно вещая.

— Ну, началось... У меня такое впечатление, что у него поехала крыша... — сказал я.

— Да в том-то и дело, что нет! Ну-ка, поддержи секундочку лошадь, я сбегая погляжу, что с ним такое.

Я помчался туда, где Фрэнсис продолжал свой разговор с муравьедом. При моем появлении он не только не прервал его, но даже не соизволил поднять глаза. По выражению его лица и дикой жестикуляции я догадался, что он поминает муравьеву бабушку, дедушку и в бога душу мать во всех выражениях, какие только встречаются в диалекте мунчи. Предмет его поношений только бесстрастно смотрел на него, чуть-чуть пуская пузыри из носа. Но вот, истощив весь свой лексикон, Фрэнсис замолк и скорбно воззрился на меня.

— Что случилось, Фрэнсис? — спросил я, пытаюсь успокоить его и в то же время понимая, что этот мой вопрос чисто риторический: что с ним творилось, мне было предельно ясно. Переводя дух, Фрэнсис обрушил на меня бурный словесный поток. Как я ни прислушивался, мое ухо могло различить только одно слово, казалось не имеющее никакого отношения к делу: не то «футбол», не то «волейбол», и наконец я расслышал четко: бубол. Лишь через довольно продолжительное время до меня дошло, что от нас хочет Фрэнсис: один из нас пусть покараулит муравьеда, а двое других поедут на ферму — тут он указал на крохотное пятнышко на горизонте — добывать совершенно необходимый нам предмет бубол. В надежде найти на ферме человека, хоть сколько-нибудь владеющего английским, я согласился с этим предложением и помог ему отнести муравьеда в тень под ближайшие кусты. Затем я поскакал к Бобу объяснить ситуацию.

— Слушай, покарауль-ка муравьеда, а мы с Фрэнсисом поскачем на ферму и добудем бубол, — сказал я.

— Добудете буб... что?! — с изумлением спросил Боб. — у тебя заодно с Фрэнсисом сдвиг?

— Да что ты, дружище! Нам нужен бубол, — поправил я.

— А это еще что за хреновина?

— Не имею представления. Наверное, какой-нибудь транспорт.

— Твоя идея или Фрэнсис надумал?

— Фрэнсис. Он говорит, что это единственный выход.

— Ладно. Но что такое бубол, в конце концов?

— Да почему я знаю, дружище! Будь я лингвистом, я бы решил, что это какой-нибудь футбол. А по логике вещей... Наверное, какая-нибудь тележка. Во всяком случае, на ферме должны быть люди — может, помогут.

— Ну да, а я тем временем подохну от жажды или буду растерзан муравьедом, — горестно сказал Боб.

— Что за чушь! Муравьед так надежно запакован в мешок, что никуда не вырвется. А насчет попить не беспокойся — на ферме что-нибудь раздобуду.

— Если ты вообще доберешься до фермы. Ты что, не понимаешь — Фрэнсис сейчас в таком состоянии, что, пожалуй, еще потащит тебя на четырехдневную прогулку до самой бразильской границы! А впрочем... Черт с ним, я уж пожертвую собою ради твоей высокой миссии!

Но все же, когда мы с Фрэнсисом тронулись в путь, он крикнул вдогонку:

— Смотри, не забывай — я приехал в Гвиану заниматься жи-во-пи-сью, а не работать сторожем при этих чертовых муравьедах! Да постарайся раздобыть попить — если окочурюсь тут от жажды, то это останется на твоей совести!

...Как мы добирались до фермы, лучше не вспоминать. Фрэнсис погнал свою лошадь, словно ветер; моя же, очевидно сочтя, что мы возвращаемся домой насовсем, старалась не отставать. Казалось, не будет конца этой бешеной гонке, но вот я услышал лай собак, и мы,

галопом влетев в ворота, остановились перед длинным низким домом — я на мгновение почувствовал себя героем ковбойского фильма-вестерна, и почти ожидал, что вот сейчас увижу вывеску салун «Золотой песок». Тут на пороге появился премильный старик-индеец и поздоровался со мною по-испански. Я не нашел ничего лучшего, как ответить ему глупой Улыбкой, и последовал за ним под благословенную тень и прохладу дома. На невысокой каменной кладке, выполнявшей роль стены, сидели двое диковатого вида юношей и изящная девушка; один из юношей занимался тем, расщеплял палку сахарного тростника и бросал куски трем голеньким детишкам, ползавшим по полу. Я уселся на низкую деревянную скамейку, и вскоре девушка принесла мне чашку кофе — я, донельзя измученный жарой и жаждой, ни о чем лучшем и мечтать не мог. Пока я потягивал кофе, старец вел со мною продолжительную беседу на смеси английского и весьма скверного испанского. Наконец появился Фрэнсис и повел меня в поле, на котором пасся самый натуральный, здоровенный бык.

— Бубол, — сказал Фрэнсис, показывая на скотину.

Так вот что скрывалось за таинственным словом! Он просто хотел сказать «буйвол».

Пока быка седлали, я вошел в дом и выпил еще кофе и, прежде чем сесть на лошадь, попросил у старца бутылку воды для Боба. Мы раскланялись, сели на лошадей и выехали за ворота.

— Ну, а где твой хваленый буйвол? — спросил я Фрэнсиса.

Он указал рукой, и я увидел такую картину: по саванне тяжелыми скачками мчится бык, а на его спине восседает дражайшая половина Фрэнсиса. Ее длинные черные волосы так и плескались по ветру — ну ни дать ни взять чернокудрая леди Годива!

Мы с Фрэнсисом что есть духу помчались напрямик к тому месту, где оставили Боба, так что оказались там намного раньше, чем черноволосая амазонка на быке. Сцена, которую мы там застали, не поддается описанию: каким-то титаническим усилием муравьед освободил от пут передние лапы, порвал мешок и наполовину вылез из него. К моменту нашего прибытия он скакал по кругу с мешком на задних лапах, словно тренировался для состязаний по бегу в мешках, а несчастный Боб гонялся за ним по пятам. Поймав беглеца и запихав его в новый мешок, я как мог утешил Боба и вручил ему в награду бутылку воды. С наслаждением высосав ее и переведя дух, Боб поведал нам без утайки все происшедшее за время нашего отсутствия. Оказывается, как только мы скрылись из виду, его лошадь (которую он считал надежно привязанной к кусту) отвязалась и долго не давала себя поймать. Боб гонялся за нею я по всей саванне, приманивая ласковыми словами, и в конце концов изловил. Вернувшись назад, Боб обнаружил, что муравьед прорвал мешок и вот-вот сбросит с себя веревки. Разъяренный Боб запихал его обратно в мешок и тут увидел, что лошадь ускакала вновь. Так повторялось раз за разом, и только один раз эти монотонные повторы несколько оживились ввиду появления стада крупного рогатого скота, которое обступило место представления и стало наблюдать за действиями Боба с плохо скрываемыми раздражением и агрессивностью, каковые свойственны парнокопытным. Боб сказал, что присутствие бесплатных зрителей еще можно было бы перетерпеть, если бы среди них — или это ему померещилось? — не преобладали рогоносцы мужского пола, короче говоря, быки. Но в конце концов обладатели рогов и копыт благополучно удалились с места события, Боб, в который раз запихивая муравьеда в мешок, уже думал, что этой карусели конца-края не будет, когда мы подроспели.

— У меня уже голова пошла кругом, когда вы наконец появились, — сказал он.

Как раз в этот момент, скача галопом по густой траве верхом на быке, показалась наша очаровательная амазонка с развевающимися волосами. От этого зрелища у Боба глаза вылезли из орбит.

— Это что... наваждение? — заплетающимся от страха голосом спросил он. — Вы-то сами это... видите?!

— Гляди, дружище, это и есть тот самый буйвол, которого мы наняли за бешеные деньги ради нашего спасения.

Боб рухнул в траву и закрыл глаза:

— Хватит... Хватит с меня быков на всю оставшуюся жизнь! Грузите муравьеда на эту тварь, и пусть она забодает вас до смерти! А с меня хватит — я полежу, а затеи спокойненько поскачу домой.

Итак, мы втроем — Фрэнсис, его благоверная и ваш покорный слуга — дружными усилиями погрузили протестующе фыркающего муравьеда на широкую стоическую спину быка. Затем мы взгромоздили на спины кляч наши исстрадавшиеся тела и двинулись в долгий путь на Каранамбо. Солнце на какой-то момент зависло над отдаленною грядой гор, наполнив саванну торжественным зеленым сумеречным светом, впрочем, почти сразу и погасшим. В полумраке мягко перекликались земляные совы, а когда мы проезжали мимо озера, над поверхностью,

словно две падающие звезды, пронеслась пара белых цапель. От зверской усталости ныла каждая клеточка. К тому же наши росинанты постоянно спотыкались, мы каждую секунду рисковали перелететь через их головы и быть затоптанными их копытами. Вот уж звезды зажглись, а мы все как заведенные продвигались вперед по бесконечной густой траве, не ведая направления, — да в сущности, нам было все равно. Вот прорезался, посеребрив траву, бледный серп луны, и в его лучах тяжело храпящий буйвол выглядел неким уродливым доисторическим монстром, вышедшим на просторы только что сотворенного мира. Я клевал носом, раскачиваясь в своем малокомфортабельном седле, время от времени в безмолвном полумраке саванны разносились раскаты отборной брани. Это значило, что в очередной раз кляча Боба споткнулась, и лука седла впиалась в его многострадальный живот.

Вдруг я увидел — впереди нас между деревьями мелькает бледный свет, то появляясь, то исчезая, словно болотный огонек. Он был совсем крохотным и беспомощным по сравнению с гигантскими звездами, нависшими, казалось, над самыми нашими головами.

— Боб! — позвал я. — Неужели это джип?

— Вот это да! — патетически воскликнул Боб. — Если бы кто только знал, как мне осточертело сидеть в седле!

Огни все приближались, и вот мы уже слышим гул мотора. Джип обогнул деревья и подкатил, облив нас холодным светом фар. Лошади взъерепенились, как и прежде; мы думали, они встанут на дыбы, но они были настолько измотаны, что у них на это просто не осталось сил. Мы спешили и заковыляли к машине.

— Ну, как дела? — раздался из темноты голос Мак-Турка.

— Поймали крупного самца, — ответил я, не в силах скрыть тщеславной радости.

— Ну уж был денек, — добавил Боб.

В ответ Мак-Турк многозначительно хмыкнул. Мы уселись, закурили, и вскоре в свете фар показался доисторический монстр. Сняв с его спины драгоценную ношу, мы погрузили ее в джип на подстилку из мешков, а сами устроились рядом; лошадей же отпустили в саванну, чтобы они сами добрались до фермы. Но и тут муравьед не оставил борьбы: как только машина тронулась, он вдруг проснулся и заметался. Хорошо, я вовремя схватил мертвой хваткой его за длинный нос — я знал, что стоило ему долбануться им по железному борту машины, тут ему и конец, как от выстрела в упор.

— Так где же вы намерены его держать? — спросил Мак-Турк.

А вот об этом я как-то не подумал. Только тут я вспомнил, что у нас нет ни клеток, ни подходящего дерева, из которого их можно было бы соорудить. Да и достать было негде. Ну и что? Разве могли такие пустяки омрачить нам радость от поимки муравьеда?

— Как-нибудь привяжем, — легкомысленно сказал я.

Мак-Турк хмыкнул.

Доехав до дома, мы выгрузили зверюгу из машины и освободили от мешков и многих ярдов веревок. Затем с помощью Мак-Турка мы соорудили из веревок нечто вроде сбруи и напялили на плечи муравьеда. Затем привязали животное на длинной веревке к большому тенистому дереву, растущему в саду. Я дал муравьеда воды, но кормить пока не стал: я хотел сразу же приохотить его к новой пище, а на пустой желудок это пойдет куда легче.

Перевод пойманного животного на новую диету — одна из самых трудных и хлопотных задач, с которыми сталкивается зверолов, особенно когда имеешь дело с животным, которого на воле весьма ограниченный рацион: какой-нибудь определенный сорт листьев, плодов, особенный вид рыбы или что-нибудь столь же замысловатое. Когда животное попадает в Англию, ею далеко не во всех случаях Удастся обеспечить привычным видом пищи. А потому обязанность зверолова — приохотить зверя к той пище, к рой его будет в состоянии кормить

зоопарк, куда он и падет. В общем, напрягай фантазию и изобретай такое блюдо, от которого он не только не отвернет нос, но еще и добавки попросит. Но все равно остается риск, что новое питание не подойдет зверю, а то и навредит его здоровью. В подобных случаях легко и вовсе потерять животное! Иные ведут себя упрямо и отказываются от непривычной еды — тогда зверолов вынужден, скрипя сердце, отпускать их на волю. А бывает и так, что животное набрасывается на новую еду с первого раза и лопают так, что за ушами трещит. Иногда эти два столь противоположных отношения наблюдаются у представителей одного и того же вида.

Новый стол муравьеда включал три пинты молока, пару сырых яиц и фунт мелко накрошенного сырого мяса; ко всему этому добавлялось еще три капли рыбьего жира! Приготовив на следующее утро этот винегрет, я все же подумал: ну как не побаловать моего питомца привычным лакомством! К счастью, близ нашего дома было несколько термитников, так я вскрыл один из них, как консервную банку, и густым слоем высыпал его обитателей в миску с молоком и тут же понес муравьеда.

Зверюга лежал на боку под деревом, свернувшись калачиком и укрывшись хвостом, словно огромным страусовым пером. Хвост укрывал его тело, включая и длинный нос, так что на расстоянии он выглядел как куча серой травы. Когда видишь этих животных в зоопарке, тебе и в голову не приходит, сколь велика польза этих хвостов. На открытых просторах саванны роскошные хвосты служат зонтиком. Свернется зверь клубочком между двумя травянистыми кочками, укроется хвостом — и не страшна ему любая непогода, кроме разве что уж самой злой! Заслышав мое приближение, муравьед тревожно зафырчал, откинул хвост и встал на дыбы, изготовившись к сражению. Я же поставил у его ног миску, произнес краткую молитву, чтобы с ним не пришлось слишком уж трудно, и отошел в сторону для наблюдения. Неуклюже волоча лапы, мой новый питомец приковылял к миске и, громко шмыгая носом, обнюхал ее по краям. Затем он сунул в молоко кончик носа — и заработал длинным серым змееподобным языком, то окуная его в жидкость, то втягивая назад. В один присест он вылакал всю миску, а я стоял и наблюдал, не смея верить своей удаче.

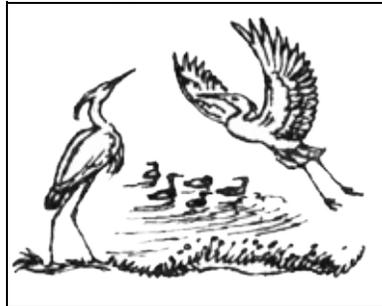
Муравьеды принадлежат к группе животных, не имеющих зубов. Зато природа снабдила их длинным языком и клейкой слюной, с помощью которых они захватывают пищу — язык действует по принципу липучки для мух. Всякий раз, втягивая в себя язык, муравьед отправлял в рот некоторое количество смеси яйца, молока и крошеного мяса. Со стороны кажется — сизифов труд, а, однако же, в два счета слопал все подчистую, да еще в течение некоторого времени обнюхивал миску: нет ли еще? Убедившись, что больше ничего нет, он снова улегся, свернулся калачиком, накрылся хвостом, словно покрывалом, и безмятежно уснул. А надо сказать, не зря я тогда помолился — с ним было на удивление просто, ни особых хлопот, ни забот.

Несколько недель спустя, уже вернувшись в Джорджтаун, мы приобрели подругу для Эймаса — так мы называли муравьеда. Однажды утром к нам на шикарной новой машине подкатили два стройных, с иголки одетых индуса и спросили, не нужен ли нам барим (так на местном наречии называется большой муравьед), и, получив наш утвердительный ответ, запросто открыли багажник. Там находилась опутанная массой веревок взрослая муравьедица. Вот это был сюрприз — почище чем извлечение кролика из шляпы фокусника! К сожалению, муравьедица выглядела крайне измученной, на ее теле и лапах имелось множество опасных порезов, так что кое-кто из нас даже сомневался, выживет ли она вообще. Разумеется, первое, что мы сделали — перевязали муравьедице раны и дали ей воды. Пила она долго и жадно, и, представьте, это взбодрило ее — причем до такой степени, что она готова была затеять драку со всеми нами вместе взятыми и с каждым в отдельности. В общем, мы нашли ее состояние достаточно хорошим Для знакомства с Эймасом.

Эймос жил в просторном отгороженном загоне под сенью деревьев. Когда мы открыли дверцу и его будущая невеста просунула туда кончик своего длинного носа, он встретил ее отнюдь не по-джентльменски: начал так шипеть, фыркать и угрожать когтями, что мы сочли за наилучшее убрать ее подальше. Попробовали поступить так: Разгородили загон заборчиком, одну половину оставили за Эймосом, а в другую поселили муравьедицу. Они имели возможность видеть и принюхиваться друг к другу через загородку, и мы не теряли надежды, что постоянное обнюхивание пробудит у Эймоса более нежные чувства.

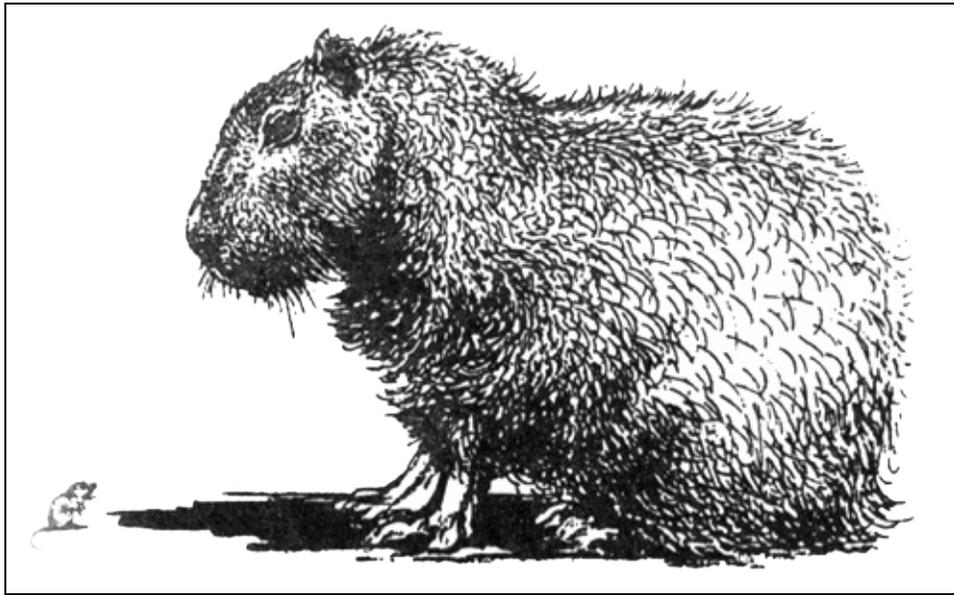
Впрочем, и самка в первый день изрядно потрепала на всем нервы, отказавшись есть. Она даже не понюхала еду, которую мы ей предложили. На другой день мне пришла в голову идея — во время завтрака поставить миску Эймоса у самого заборчика. Как только муравьедица увидела, с какой жадностью (и с каким чавканьем!) он набросился на еду, она отправилась на разведку. Эймос лопал с таким наслаждением, что она просунула свой длинный язык в его миску. Завтрак прошел в теплой, дружеской обстановке — за десять минут от лакомства не осталось и следа. И теперь мы каждый день были свидетелями трогательного зрелища, как Эймос и его дражайшая половина, разделенные заборчиком, уписывали еду из одной миски. И хотя впоследствии муравьедица научилась есть и из собственной миски, все же она предпочитала есть из одной миски с Эймосом.

...Доставив Эймоса и его благоверную в Ливерпуль и глядя, как их увозят в зоопарк, для которого они предназначались, я испытывал несказанную гордость от того, что привез в Англию целыми и невредимыми этих животных — далеко не из самых легких для содержания в неволе.

Глава шестая

Соло капибары, или Отчего крокодилы не летают

Две недели, отведенные нами для экспедиции на Рупунуни, стремительно приближались к концу. В один прекрасный вечер, растянувшись в своих гамаках и подсчитывая на пальцах, мы с изумлением обнаружили, что до конца намеченного срока остается всего четыре дня.

Благодаря усилиям Мак-Турка и здешних аборигенов наша коллекция существенно пополнилась. Через несколько дней после эпопеи с поимкой муравьеда к нам прискакал все тот же Фрэнсис и вручил мешок, в котором что-то пицало и копошилось так, будто он был набит морскими свинками. Развязав мешок, мы увидели, что животных в нем было всего три, но каких! Это были молодые, здоровые, хотя и насмерть перепуганные капибары. Когда я писал о пираньях, то уже упоминал заодно об этих созданиях, но забыл выделить самое главное: капибары снискали себе славу самых крупных из ныне живущих грызунов. Чтобы не быть голословным, позволю себе сравнить их с каким-нибудь из сородичей поменьше — получится блестящее наглядное представление об их размере. Взрослая капибара достигает четырех футов в длину, ее рост — две фута, а вес может превышать и сотню фунтов^[6]. Сравните-ка такую громадину, скажем, с английской полевой мышью, которая вместе с хвостом достигает в длину каких-нибудь четырех дюймов, а весит едва одну шестую часть унции^[7]!

Итак, капибара — это огромный упитанный грызун с вытянутым телом, покрытый грубой лохматой шкурой, раскрашенной в различные оттенки бурого. Поскольку передние лапы у капибары длиннее задних, а могучий круп вовсе лишен хвоста, то как ни глянь на нее, всегда создается впечатление, что капибара собирается сесть. У нее большие стопы с широкими перепончатыми пальцами, а: короткие и тупые когти на передних лапах удивительно напоминают... миниатюрные копыта. При всей кажущейся громоздкости и неуклюжести у нее тем не менее весьма аристократический вид — широкая плоская голова и тупая, почти квадратная морда, исполненная снисходительно-высокомерного выражения, примерно как у задумавшегося льва. По суше капибара передвигается особым шаркающим шагом или же тяжеловесным, неуклюжим галопом, при этом переваливаясь с боку на бок. Зато плавает и ныряет с удивительной легкостью и мастерством. В общем — флегматичный, добродушный вегетарианец, хотя и лишенный ярких индивидуальных черт, коими могут похвастаться некоторые из его родичей, но зато обладающий тихим и дружелюбным нравом.

Правда, это ни в коей мере не относилось к трем экземплярам, принесенным Фрэнсисом. Вовсе даже наоборот — их точнее всего можно было бы назвать «из молодых, да ранних!». Росту-то всего ничего — один фут, да в длину по два фута, зато какие плотные, мускулистые! Пялясь на нас словно на стаю ягуаров, эта горстка отважных с дружным Я писком отбивалась и отбрыкивалась от нас так, что никакого сладу с ними не было. Хорошо еще, что они не пытались пустить в ход зубы — большие ярко-оранжевые резцы размером с лезвие перочинного ножа и столь же острые. Дай они волю зубам, мы бы остались без пальцев. Но вот после продолжительной борьбы мы извлекли-таки их из мешка — и стоим полукругом, как идиоты, с визжащими капибарами в руках, не зная, что и делать — в пылу борьбы мы как-то подзабыли, что у нас нет клеток. После длительных дебатов, с капибарами в обнимку, проблема была решена следующим образом: мы соорудили для них маленькие веревочные сбруйки вроде той, что мы сделали для муравьеда, привязали на длинных веревках к трем апельсиновым деревьям и отступили назад полюбоваться двоими талантами в области прикладного искусства. Капибары, почуяв свободу, но по-прежнему косясь на нас, кинулись друг к другу за защитой — и мигом опутали веревками и себя, и деревья. Битых четверть часа мы отвязывали их друг от друга, от деревьев и от собственных ног, а затем вновь привязали к стволам, но уже подальше друг от друга. И что же? На сей раз они с диким визгом принялись бегать вокруг деревьев, и вот уже веревки оказались намотанными на стволы, а зверюшки едва не задохнулись. Наконец проблема была решена так: мы привязали концы веревок к высоко расположенным веткам, так что у капибар оставалось достаточно простору для беготни и при этом исчезал риск запутаться и задохнуться.

— Держу пари, что они еще зададут нам жару, — скорбно изрек я, когда мы управились.

— Почему ты так думаешь? — спросил Боб. — Похоже, ты не очень-то радуешься им. Ты что, не любишь их?

— Пропади они пропадом со всем семейством! — ответил я. — Не любишь... Это не то слово! Черт бы их взял!

А произошло это вот как. Мы со Смитом жили в пансионе на задворках Джорджтауна, подыскивая место для базового лагеря. Хозяйка пансиона оказалась столь любезной, что разрешила нам держать в своем палисаднике любых животных, которых мы будем приобретать, ну мы и поймали ее на слове. Бедняжка, наверное, и представить себе не могла, как мы злоупотребим ее гостеприимством и добротой, и лишь когда в ее крохотном садике проходу не стало от мартышек и прочей живности (а место для базового лагеря так еще и не было найдено) она, мягко говоря, занервничала. И то сказать, мы и сами чувствовали, что садик несколько перенаселен, а каково было остальным постояльцам! Ведь никогда не знаешь, когда у тебя под ногой Раздастся чей-то отчаянный визг или когда за штанину дернет не в меру любопытная мартышка. Появление же капибары переполнило чашу всеобщего терпения.

В один прекрасный вечер, ближе к ночи, к нам пожаловал некий господин с преогромным грызуном на веревке. Несмотря на внушительные размеры, капибара была еще подростком и к тому же совершенно ручной; пока мы вели торг с ее владельцем, она смиренхонько сидела с царственно-безучастным выражением на морде. Торги, однако, затягивались: от владельца не ускользнуло, как загорелись наши глаза при первом же взгляде на животное, но в конце концов оно стало нашим. Под жилище ему подобрал большой ящик вроде гроба, затянутый проволочной сеткой, по нашему мнению достаточно прочной, чтобы выдержать все покушения на побег. Мы щедро одарили его всяческими фруктами и вкуснейшими травами, каковые он принял с царственным снисхождением, и поздравили друг друга с приобретением столь милого создания. Затаив дыхание, мы любовались тем, как животное изволит вкушать поднесенные дары, потом с нежностью просунули ему сквозь проволоку еще несколько плодов манго и

отправились на боковую. Мы некоторое время еще полежали в темноте, обсуждая новое, чудесное пополнение, и постепенно стали засыпать. Что эта ночка нам готовит, никто и представить себе не мог.

Около полуночи меня разбудили неведомые звуки, доносившиеся из садика под окном. Создавалось впечатление, будто кто-то играл на варгане^[8] под странный аккомпанемент ударника, невпопад колошматившего по консервной банке. Я лежал, прислушиваясь и гадая, что бы это могло быть, вдруг меня осенило: капибара! С криком «Капибара удирает!» я выскочил из постели и бросился в сад, прямо как и был, босой и в ночной пижаме. Вслед за мной бежал мой заспанный компаньон. Когда мы спустились в сад, все было тихо-мирно. Капибара сидела, сохраняя привычную надменность осанки, но отчего-то повесила нос. Мы затеяли долгий спор, кто был источником шума — капибара или кто-то другой. Я горячо убеждал Смита, что это была не кто иной, как капибара; мой компаньон держался противоположного мнения.

— Да посмотри ты, какая лапочка! — говорил он. — Как она тихо сидит, невинное создание!

— Чувствует, что нашкодила, потому и корчит из себя лапочку, — возражал я.

Сияла ночь, луной был полон сад, а капибара не спускала с нас спокойных глаз. Звуки «музыки» более не раздавались, и мы тихонько побрели назад, продолжая ожесточенно спорить, хотя и шепотом. Но только мы улеглись, звук раздался снова, да еще громче прежнего. Я вскочил с постели и выглянул в окно... Я так и знал! В лучах луны проволочная сетка дрожала, будто струны...

Ну что я говорил? — с триумфом сказал я.

Так что ж она творит? — спросил Смит.

— Бог ее знает, только лучше спуститься и прекратить эти штучки. Иначе она перебудит весь дом.

Мы на цыпочках спустились вниз по лестнице и, укрывшись за большим кустарником, устремили свои взоры на клетку. Капибара восседала перед проволочной сеткой; вид у нее был исполнен благородства. Время от времени она наклонялась вперед и, подцепив своими огромными кривыми зубами проволоку, натягивала ее и отпускала, так что вся сетка принималась громко вибрировать, точно струны арфы. Капибара слушала, пока звук не умолкал в ночи, а затем, приподняв свой невозможный круп, принималась гулко громыхать задними ногами по жестяной банке. Видимо, это она так аплодировала самой себе.

— Как ты считаешь, — это она хочет удрать? — спросил Смит.

— Нет, это она так развлекается.

Капибара исполнила еще одну музыкальную пьесу.

— С этим надо кончать, не то она весь дом на уши поставит!

— И как тут быть?

— Уберем ударные, — практично сказал Смит.

— Да, но щипковые-то останутся!

— А если еще и завесить решетку?

Итак, мы убрали жестянку и завесили решетку мешками, чтобы лунный свет не служил для капибары источником музыкального вдохновения. Какое там! Думали, хоть на этот раз уснем, так она опять завела свою шарманку!

— Ну что нам с этим делать! — в отчаянии спросил Смит.

— Давайте ляжем и сделаем вид, будто ничего не слышим, — предложил я.

Мы улеглись. «Музыка» не смолкала. Где-то в доме хлопнула дверь, в коридоре послышался шорох шагов. К нам постучали.

— Я вас слушаю, — отозвался я.

— Ми-истер Даррелл, — пропищал голос из коридора. — Похоже, кто-то из ваших зверушек пытается удрать! Шум в саду невозможный!

— Правда? — удивленным тоном спросил я, стараясь перекрыть шум. — Премного благодарен за вашу любезность, что предупредили. Сейчас спустимся и поглядим, в чем дело.

— Ради Бога! Наведите порядок, а то от грохота невозможно спать!

— Да, вот теперь слышу. Прошу извинения за беспокойство, — вежливо ответил я.

Шаги удалились, и мы со Смитом молча переглянулись. Я вылез из постели и подошел к окну.

— Тс-с-с! — прошипел я.

Капибара продолжала исполнять свою сольную партию.

— Знаешь что, — вдруг сказал Смит, — отнесем-ка ее в музей! Ночной сторож там присмотрит за ней до утра.

Ничего лучшего просто не могло прийти в голову. Кстати, мы были явно не одиноки в своем желании отдохнуть от общества не в меру шумного соседа: пока мы одевались, к нам пришли еще двое постояльцев и остороженько намекнули, что, мол, кто-то из наших питомцев готовится дать деру. Спустившись в сад, мы накрыли ящик еще несколькими мешками и понесли по дороге. Недовольная тем, что ее потревожили, капибара принялась бегать взад-вперед по клетке, отчего та раскачивалась, словно качели. До ворот музея было всего каких-нибудь полмили, но ноша была столь тяжела, что мы трижды останавливались передохнуть, и трижды капибара угощала нас концертом, наигрывая успокаивающие мелодии. Наконец мы завернули за последний поворот и уже увидели ворота музея, как перед нами словно из-под земли вырос полисмен.

Мы остановились, и он остановился. Мы с подозрением уставились на него, и он — на нас. С чего бы это двум джентльменам шляться по улицам, когда все доброе ложится и все недоброе встает? Ему, вероятно, показался занятным наш вид: растрепанные волосы, затравленный взгляд, торчащие из-под верхней одежды пижамы... Пойдите, да вы, я вижу, несете гроб! Ну, я, кажется, подоспел вовремя!.. В это время из «гроба» донесся жуткий храп, словно последний вздох жертвы... У стража порядка глаза вылезли из орбит: не иначе как это выходцы с того света тащат к себе в склеп какого-то несчастного!.. Как бы самому не пропасть... Набравшись мужества, блюститель закона прокашлялся и неуверенно произнес:

— Д-добрый вечер. Ч-чем могу быть полезен?

Теперь в мои задачи входило: внятно и доходчиво растолковать полисмену, кто такая капибара, почему она в робу и зачем ее в час ночи нести в музей. Задача оказалась не из легких. Я бросил безнадежный взгляд на Смита, он в ответ бросил столь же безнадежный взгляд на меня. Собрав волю в кулак, я чарующе улыбнулся стражу порядка.

— Добрый вечер, констебль. Мы несем капибару в музей, — сказал я и тут же сообразил, сколь неубедительно звучит такое объяснение. Полисмен был того же мнения:

— Простите, что вы несете, сэр?

— Капибару.

— А что это такое?

— Вид грызунов, — сказал Смит, почему-то считавший, что все должны хоть что-нибудь смыслить в зоологии.

— Это такое животное, — поспешно объяснил я.

— Ах, животное! — сказал полисмен с деланным интересом. — Так, значит, говорите, животное! Позвольте-ка взглянуть на него, сэр!

Мы поставили клетку на землю и развернули многочисленные мешки. Полисмен посветил внутрь карманным фонариком.

— Вот это да! — вскрикнул он с удивлением, на сей раз искренним. — Так это водяная крыса?

— Точно так, — с облегчением подтвердил я. — Мы несем ее в музей. Понимаете, мы держали ее во двореке гостиницы, но она так шумит, что невозможно спать.

Как бы в подтверждение этих слов капибара сыграла веселенькую мелодию — мол, начинаем представление, всем на удивление, выйдет мертвец из гроба, пожалуйста, смотрите в оба! Полисмен был настолько очарован, что даже помог нам нести клетку последние оставшиеся ярды до ворот музея, а там уже все вместе стали звать ночного сторожа. Но наши призывы остались гласом вопиющего в пустыне, и вскоре стало ясно, что никто музей не сторожит. Между тем сольный концерт капибары пошел по нарастающей, и мы, собравшись вокруг клетки и силясь перекрычать музыку, принялись дискутировать, как нам быть. Выход подсказал полисмен.

— А не оттащить ли вам ее на бойню? — предложил он. — Да нет, я не в том смысле! Там есть ночной сторож, я знаю точно.

Сказано — сделано. Он показал нам дорогу, и мы, подхватив жутко раскачивающийся ящик, тронулись в путь. Но самое интересное, что дорога от музея к бойне пролегла мимо нашего пансиона. Что ж, раз такое дело, можно остановиться отдохнуть.

— А может, оставим ее здесь, а сами прозондируем почву? — сказал я. — К чему таскать ее в такую даль, вдруг ее там не примут?

Оставив капибару в саду пансиона, мы отправились по пустынным улицам. Раз или два сбившись с пути, мы нашли-таки бойню. К нашей радости, в одном из верхних окон горел свет.

— Ау-у! — крикнул я. — Сто-оруж! А-у!

Ответа нет.

Я попробовал снова.

Ни звука.

— Дрыхнет, что ли? — сказал Смит, скорчив кислую мину.

Подобрав крохотный камушек, я кинул его в окно и снова позвал сторожа. После длительной паузы окно все же растворилось. Оттуда высунулась голова негра преклонных годов.

— Эй, сторож! — жизнерадостным голосом начал я. — Простите, что потревожил вас! Не могли бы вы присмотреть за нашей капибарой? Только одну ночь!

Негр тупо уставился на нас.

— Не могли бы вы присмотреть за нашей... как ее...

— Так, стало быть, за вашей водяной крысой? — в который раз повторил негр, со страхом всматриваясь, нет ли у нас пены на губах. — Если я правильно понял, за вашей водяной крысой?

— В том-то и дело! — проворчал в ответ Смит. — Не могли бы вы приютить ее на ночь?

Пытаясь сдержать приступ истерического смеха, я подтверждающе кивнул. Негр еще долго взирал на нас, повторяя как молитву: «Водяная крыса, водяная крыса», и наконец перегнулся через подоконник.

— Сейчас спущусь, — сказал он и исчез. Вскоре массивная передняя дверь отворилась, и в проеме показалась его голова.

— Так где же ваша водяная крыса? — спросил он.

— Знаете, такая досада, мы ее дома забыли, — выдавил я понимая, каким идиотом выгляжу в глазах убеленного сединами негра. — Но мы сейчас ее принесем, если вы согласны присмотреть за ней. Ладно?

— За водяной крысой-то? — сказал негр, явно зачарованный этим названием. — А что это за зверь?

— Такой грызун, — выпалил Смит, прежде чем я смог его остановить.

— Стало быть, такой грызун? — переспросил старик.

— Так вам не трудно будет приютить его на ночь?

— Приютить? Грызу на-то? — сказал сторож. — Так ведь здесь вам не приют, здесь бойня!

Это для коров. Грызунам здесь не положено!

Титаническим усилием воли побеждая в себе смех, я объяснил, что хоть капибара и грызун, но не перегрызет же она всех коров — они как бы сами ее не съели! После долгих препирательств старик негр нехотя согласился приютить крысу на ночь, и мы снова пустились в долгий путь к пансиону. Меня всю дорогу разбирал дикий хохот, зато мой и без того вечно угрюмый спутник, которому эта история окончательно расстроила нервы, не желал видеть в ней ничего хорошего. Наконец, едва волоча ноги, мы доковыляли до пансиона.

Залитый лучами сад дышал покоем. Капибара лежала в углу клетки и почивала сном праведника. Так она и продряхла всю ночь в своем гробу как убитая, а выспавшись всласть, поутру проснулась свеженькая словно огурчик; мы же, зевая и с мешками под глазами, принялись за наши повседневные заботы.

Теперь понятно, почему я с таким предубеждением отнесся к трем капибарам-детеньшам, которых привез Фрэнсис? Впрочем, перебесившись, они на следующий же день свыклись с обстановкой и принялись в огромных количествах уписывать овощи и фрукты, попискивая друг на Друга.

В другой раз Фрэнсис явился к нам с еще более роскошным уловом: четырем броненосцами и пятью крупными бразильскими черепахи. Броненосцы были еще детеньшами, каждый примерно в фут длиной, с тупыми рыльцами, похожими на поросычьи пяточки, и большими розовыми, как аронниковые лилии, ушами. Ну, уж с эти ми-то лапочками мы и горюшка не знали. Кормили мы их тем же винегретом, что и муравьеда, и они трескали, как поросята, громко чавкая и хрюкая. А какими очаровательными были наши черепахи! Красивые удлинённые панцири, головы и ноги в красных пятнышках, словно капельках сургуча! Черепашье семейство продолжало пополняться — вскоре после визита Фрэнсиса другой индеец принес нам семерых речных черепах, тех самых, яйца которых нам так понравились. Самую большую из них кто из нас в одиночку поднять не смог. А вдвоем — в самый раз. Правда, эти черепахи отнюдь не оказались кроткими созданиями — эти злюки каждую секунду норовил цапнуть тебя зубами, а самой крупной ничего не стоило откусить тебе палец. Слава Богу, осторожности нам не занимать.

Короче, в результате нашей бурной деятельности сад Мак-Турка стал все более напоминать жилище некоего гигантского паука, устроившего огромную ловчую сеть из шнуров и веревок. Кого тут только не было — и капибары, и броненосцы, и черепахи, не говоря уже о муравьеде! Чем более возрастало мое семейство, тем больше беспокоило меня отсутствие клеток — ведь нечего было и думать о том, чтобы отправить самолетом в Джорджтаун такую ораву... Как это там пишут в «Правилах авиационных перевозок» — «без специальных контейнеров и клеток». По совету Мак-Турка я связался по радиотелефону со Смитом — мой милый, хороший, пришли мне побольше ящиков и клеток самолетом, который прилетит за нами! Смит обещал выслать все необходимое и, когда с этим разобрались, в свою очередь задал вопрос: не водятся ли на реке Рупунуни крупные кайманы? Только что поступил заказ из одного английского зоопарка: добыть экземпляр, и самый здоровущий, какой только можно. Я легкомысленно ответил, мол, кайманов тут гибель, один крупнее другого, лови Я хоть прямо под окнами нашего дома! На этой оптимистической ноте разговор и закончился.

Но, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж! Дав отбой, я тут же побежал советоваться с Мак-Турком: как нам раздобыть такого крокодилище, да еще чтобы самого

большого? Мак-Турк сказал: поймать каймана можно с помощью петли, а лучшей приманкой будет тухлая рыба — против такого деликатеса не устоит ни один!

Итак, мы, не откладывая на завтра, во второй половине того же дня отправились за рыбой для приманки кайманов. Добычей нашей стали хорошо известные нам пираньи — вот мы и сквитались с ними за то, что их сородичи некогда сорвали нам заплыв в шляпах! Для доведения приманки до нужной кондиции мы разложили ее на жарком солнышке, еще и оставили на ночь. На утро рыбины были совершенно тухлые, так что даже ко всему привыкший муравьед и тот начал раздраженно пофыркивать. Вечером мы с Бобом отправились проведать приманку.

— Ничего себе! Ты уверен, что у кайманов такой извращенный вкус? — спросил Боб, прикрывая нос платком.

— Мак-Турк сказал — ему-то я верю! — что они предпочитают рыбу именно в таком виде. Ну и что? Нам с тобой хочется свеженькой рыбешки, а этим, видите ли, с душком подавай. На вкус и цвет товарищей нет!

— Так что... Ты требуешь, чтобы я посидел возле *этой* приманки всю ночь, поджидая каймана?

— Именно так. Впрочем, в воде они не будут так вонять.

— Буду надеяться, — сказал Боб. — Ну а теперь, если ты больше ничего не хочешь мне поведать, пойдем-ка подышим свежим воздухом!

Когда стемнело, мы, почти не дыша, отнесли приманку к реке и соорудили ловушку. Для этого мы соединили три длинные лодки, привязав нос одной к корме другой, и, перепрыгивая с одной лодки на другую, оказались на значительном удалении от берега. С борта последней лодки свесили вонючую приманку, а к скамейке привязали прочную веревку с петлей на другом конце, а петлю подвесили над водой на рогульке. Теперь оставалось спокойно ждать.

Дышать становилось все труднее. Воздух все больше пропитывался запахом тухлой рыбы, а мы не могли даже заглушить его табачным дымом: курить было нельзя. Не прошло и двадцати минут, как мы стали задыхаться. На воде серебрились лунные лучи, стая москитов с радостным звоном набросилась на нас, а запах тухлятины крепчал и крепчал, пропитывая собою весь ландшафт.

— Ничего, дружище, не впервой! Что-то подобное я испытал в Маргейте, когда был там на каникулах, — прошептал Боб.

— Да что ты, запах-то не такой уж сильный!

— Может быть, и не такой уж сильный, зато такой изысканный, — сказал Боб. — Представляю, во что превратятся к завтрашнему дню мои носовые мембраны!

Мы сидели, всматриваясь в противоположный берег, пока не ощутили жуткую резь в глазах; дошло даже до того, что в каждом всплеске воды нам начал мерещиться кайман. Через три часа кайман и в самом деле появился и даже дерзнул подплыть к нам на тридцать футов; но то ли мы пошевелились, то ли его спугнуло что-то еще, в только он, не польстившись на лакомую приманку, развернулся и показал нам хвост — только его и видели. Нашего терпения хватило на целую ночь, но, едва забрезжил рассвет, мы, измученные и искусанные (хорошо хоть мошкаррой, а не крокодилами!) с позором ретировались, поминая всех рептилий на свете. Когда мы пришли, Мак-Турк уже заждался нас.

— Ну что, ребята? — спросил он.

— Да безнадега, хоть самим в петлю лезть! — уныло отвечал я.

— Я так и знал! Ну да ладно, попробую сделать все, что в моих силах, — сказал он и ушел к реке.

Некоторое время спустя мы отправились на берег посмотреть, что же такое он задумал. Увидев достижение инженерного ума, я так и просиял — в который раз убеждаешься в правоте

поговорки, что все гениальное просто! Ловушку он соорудил так: выгачил из воды две длинные лодки и поставил так, что между ними осталась узкая щель. В этот проход он и опустил петлю, так что всякому существу, дерзнувшему польститься на приманку, пришлось бы просунуть в петлю голову. Тронув приманку, животное сбрасывало веревку, которая удерживала в согнутом положении молодое деревце. Последнее выпрямлялось и затягивало петлю. Ну, а конец веревки с петлей Мак-Турк привязал к суку дерева, стоявшего на вершине небольшого утеса над бухтой.

— Сработает, — сказал Мак-Турк, с законной гордостью осматривая творение своих рук. — Чует мое сердце, что не далее как нынче ночью! А впрочем, не будем сейчас загадывать, но если он вообще польстится на приманку, то не ранее как ночью.

На закате дня мы с Бобом спустились к ловушке и, наладив ее, отправились прошвырнуться по саванне проветрить легкие. По небосводу, словно выточенному из зеленой яшмы, разбежались, будто прожилки, бледно-розовые облака, а гряда гор на горизонте выглядела подобно череде черных выпуклых спин разом выпрыгнувших из воды дельфинов. Расстилавшаяся под нашими ногами высокая трава напоминала огромную, обитую зеленым бархатом музыкальную шкатулку — это перекликались между собой звонкоголосые кузнечики, а издали, из прибрежного камыша, им вторил хор больших лягушек. Из-под самых наших ног вспорхнула пара земляных сов; бесшумно махая крыльями, они отлетели шагов на тридцать и, опустившись на землю, принялись торжественно ходить кругами, вертя головами и настороженно глядя на нас. Мы улеглись на красную, словно от солнечного жара, землю и залюбовались красками заката. Солнце опустилось за черту горизонта — и яшмовое небо стало сизым, будто голубиные крылья, а затем внезапно нахлынула чернота и замерцала мириадами огромных дрожащих звезд — подставляй ладошки, и они посыплются целыми гроздьями!

Когда взошла луна и осветила нам дорожку, мы побрели домой. Решили так: отнесем-ка наши гамаки к реке да подвесим между деревьями, чтобы не пропустить момента, когда ловушка сработает. Так мы и сделали — нашли подходящие деревья, подвесили гамаки и, поскольку все было пока тихо-мирно, отправились назад. Сытно поужинав и накурившись всласть — еще бы, ведь мы настраивались на целую ночь без курева! — мы поплелись опять к реке. Тропка было залита лунным светом, дюжина летучих мышей вычерчивала у нас над головами в теплом воздухе самые невероятные геометрические фигуры. Только мы подошли к реке, как до наших ушей долетел странный плеск.

— Что это? — спросил я.

— А именно? — спросил Боб.

— Да где-то что-то хлопает!

— Ничего не слышу!

Мы молча продолжили свой путь.

— Да вот же, снова! Неужели не слышишь?

— Что-то слышу, — ответил Боб, — но не пойму что.

— Похоже, это то самое. В ловушку кто-то попался, — сказал я и рванул к реке.

Добежав до берега, я увидел, что веревка, привязанная к мощному суку, туго натянута. Я зажег фонарь и увидел, что веревка задержалась и ушла глубже под воду, а у подножия утеса раздался жуткий шум — фыркание, плеск и какие-то глухие удары. Приблизившись к краю утеса, я глянул вниз.

В десяти футах под собой я увидел такую картину: лодки, поставленные коридором, широко разошлись, а в воде между ними лежал грандиознейший кайман из всех, каких только мне доводилось видеть. После предыдущих рывков он было успокоился, но едва на него упал луч фонарика, как все его гигантское тело вздрогнуло и согнулось в душ точно лук; огромная пасть открывалась и закрывалась, хлопая, будто дверь на ветру, а гигантский хвост ходил

ходуном из стороны в сторону, вспенивая воду, словно паровой винт, и глухо молотил о борта лодок. Вода бурлила, лодки раскачивались, огромная рептилия моталась, мотая хвостом, веревка натянулась как струна, а сук, к которому она была привязана, зловеще трещал. Приложив ладонь к стволу дерева, я почувствовал, как оно дрожит, выдерживая единоборство с кайманом. При виде такой картины меня мгновенно пронзила мысль, что зверь порвет веревку или сломает сук, и мы лишимся столь великолепного экземпляра. Поддавшись порыву, я сделал столь идиотский и опасный шаг, что сам теперь не понимаю, что меня толкнуло: я наклонился через край скал и, схватившись обеими руками за веревку, с силой потянул на себя. Кайман, почуввав натяжение, вновь замолотил хвостом и, в свою очередь, так рванул на себя веревку, что мое тело повисло в десяти футах над раскачивающимися лодками под углом сорок пять градусов, так что только мои носки касались края уступа. Еще чуть чуть — и я наверняка бултыхнулся бы в воду и уж точно оказался бы растерзан могучими зубами каймана или расплюснут в лепешку одним ударом его невообразимого хвоста. На мое счастье, тут подскочил Боб и тоже схватился за веревку. Кайман бился и тянул на себя, мы с Бобом, едва удерживаясь на краю утеса, с не меньшим упорством тянули на себя, словно от этой игры в перетягивание каната зависела наша жизнь. Наверное, ни один утопающий так не цеплялся за соломинку, как мы за веревку. Улучив момент между рывками, Боб повернул ко мне голову:

— Так объясни наконец, что это мы с тобой делаем?

— Удерживаем веревку, — ответил я. — Вдруг порвется, и он уйдет?

Боб на секунду задумался.

— Так ведь дружными усилиями мы ее скорей порвем! — сказал он.

Как я не сообразил этого с самого начала! Только тут я понял, какими глупостями мы занимаемся.

Мы отпустили веревку и повалились на траву передохнуть. Успокоился и кайман. Мы решили, что самым лучшим шагом будет такой: обвязать зверя запасной веревкой на случай, если он таки порвет первую. Мы ринулись дом, разбудили Мак-Турка и, вооружившись веревками все вместе помчались назад.

Кайман по-прежнему тихо-мирно лежал между лодок; создавалось впечатление, будто борьба за свободу вконец изнурила его. Мак-Турк забрался в одну из лодок, отвлекая на себя внимание каймана, а я, спустившись с уступа, с величайшей осторожностью накиннул ему на морду петлю и туго затянул ее. Теперь, когда челюсти были обезврежены, мы почувствовали себя в большей безопасности, осталось справиться только с его хвостом. Вторую петлю мы затянули у каймана на груди, а третью — вокруг основания его толстого хвоста. Пока мы затягивали эти путы, он дернулся раз-другой, но весьма нерешительно. Убедившись, что уж этих-то веревок ему не порвать и не скинуть, мы разбрелись по своим гамакам, подвешенным на

ветках; но крепкий сон в ту ночь ни к кому из нас так и не пришел.

Самолет должен был прилететь в полдень, но до его прибытия нам еще оставалось переделать массу дел. Коллекцию животных, за исключением муравьеда, мы перевезли через саванну к взлетно-посадочной полосе на джипе и оставили под присмотром индейца. Покончив с этим, мы принялись за самую сложную операцию: нужно было как следует опутать каймана веревками и вытащить на берег, чтобы как можно быстрее доставить его на джипе к самолету.

Прежде всего следовало привязать к туловищу его короткие толстые лапы, и с этой задачей мы легко справились; зато следующая часть операции оказалась посложнее. Задача заключалась в том, чтобы подвести кайману под брюхо длинную доску и привязать его к ней. С этим пришлось повозиться, так как рептилия лежала на мелководе и ее туловище и хвост почти полностью ушли в грязь. Подвести под него доску оказалось возможным, только предварительно вытолкнув его на глубину. Но вот этот этап преодолен, переходим к следующему... Ох, и попотели мы, когда тащили крокодила! Мы всей дружной командой — Мак-Турк, Боб, восемь индейцев и ваш покорный слуга — провозились с этим целый час: берег был топкий и скользкий, так что то и дело кто-нибудь из нас падал, ну, а уж если вся наша сплоченная бригада разом оказывалась в грязи (бывало и такое!), то тело каймана ползало вниз на несколько драгоценных дюймов, отвоеванных от реки. Наконец — о радость! — нам удалось перевалить зверюгу через береговой откос и разложить зеленой травке: как-никак ему тоже отдых нужен. Ну а мы, мало того что промокли как мыши и с ног до головы были залеплены грязью, так еще с нас катился градом пот.

Рептилия оказалась длиною футов четырнадцать, ее голова по толщине не уступала моему туловищу; спина и шея покрыты крупными шишками и наростами, а блестящий чешуйчатый хвост, похожий на ствол дерева, играл тугими и твердыми, будто железо, мускулами и был увенчан высоким зубчатым гребнем, каждая из треугольных чешуй которого была с мою ладонь. Верхняя часть его тела была пепельно-серого цвета, только кое-где покрытая зелеными пятнами еще не отсохшего ила, а брюхо ярко-желтое. Его черные как смоль, окаймленные затейливой золотой филигранной сеткой глаза размером с грецкий орех смотрели немигающим свирепым взглядом. В общем, зверюга — лучшего не надо.

Мы оставили его в тенечке, а сами отправились на погрузку муравьеда. Как и следовало ожидать, он снова задал нам всем жару: шипел, фырчал, махал лапами, так что, когда машина, прыгая по кочкам, понеслась через саванну, мы всей гурьбой держали его, дабы он еще чего-нибудь не натворил. Его откровенное нежелание идти на сотрудничество с нами привело к сильной задержке: еще мы только выехали, а уже до наших ушей долетело комариное пение авиамоторов, а когда мы подкатили к взлетно-посадочной полосе, самолет садился. Я подбежал к нему и, к великой радости, увидел, что Смит прислал нам массу ящиков и клеток. Времени оставалось в обрез: надо было срочно распахивать животных по ящикам и клеткам и мчаться назад за кайманом.

— Значит, так: ты займешься капибарами, а я муравьемом, — сказал я Бобу.

Муравьед, никогда прежде не бывавший в клетке, взбунтовался и галопом поскакал вокруг нее, не давая себя поймать. Я тщетно пытался остановить его и запихать внутрь, но вскоре мы оба устали и остановились. Я в отчаянии огляделся по сторонам: кого бы позвать на помощь? Бобу было не до меня: он стал пленником капибар. Они страшно испугались самолета и принялись крутиться вокруг Боба, словно вокруг майского дерева, наматывая на беднягу все новые витки веревок, а бедный Боб кружил, пытаясь освободиться, так что ему самому бы кто помог. На мое счастье, тут мне на выручку подлетел Мак-Турк и мы дружными усилиями засадили муравьеда в клетку. Затем мы распутали Боба, рассадили по ящикам капибар и погрузили их в самолет со всей остальной частью коллекции. Когда со всем этим было

покончено, ко мне подошел Мак-Турк мрачнее тучи.

— Каймана в самолет не пускают, — сказал он.

— Почему?! — спросил я, застыв от ужаса.

— Пилот говорит, что и без него тесно. Тут дело вот в чем — на следующей остановке они берут на борт груз говядины.

Я умолял, уговаривал и так и эдак — все напрасно! Вне себя от отчаяния я доказывал хозяину воздушной колымаги, что при кажущейся величине рептилия будет едва заметна в самолете и что я готов даже усесться на нее верхом, чтобы не занимать места — тщетны были все усилия! С упорством, достойным лучшего применения, пилот повторял одно и то же:

— Крокодилам нельзя! С крокодилами нельзя!

Мы бросились к Мак-Турку.

— Попробую отправить его следующим рейсом, — сказал он. — Вы пока договоритесь в Джорджтауне и дайте я мне знать.

Итак, с тяжелым сердцем я поднялся в самолет, оставляя в Каранамбо своего каймана-гаргантюа. «Сам ты говядина!» — про себя клял я пилота, испепеляя его взглядом.

...Мак-Турк помахал вслед самолету, с ревом набравшему скорость над золотистой травой. Еще немного — и под нами распростерлись бескрайние просторы саванны. В иллюминатор мы увидели крохотную фигурку Мак-Турка, возвращавшегося к джипу; полосу деревьев вдоль мерцающей реки — то самое место, где мы поймали каймана. Вот самолет круто развернулся — и мы взяли курс на Джорджтаун. Далеко впереди, в седом тумане, начинался огромный лес, прорезанный лентами стремящихся к океану рек. А саванна — бескрайняя, безмолвная, раскрашенная солнечным светом в золотой, зеленый, серебристый и еще Бог знает какие цвета — осталась позади.

Глава седьмая

Кое-что о крабоядных собаках и птицах-плотниках

...Вот уже минули сутки, как мы вернулись в Джорджтаун. Муравьед и все остальные, как мы их называем, «экземпляры», устроены в уютных клетках и неплохо свыклись со своим новым окружением, чего никак нельзя сказать о наших с Бобом мятежных душах. После всей той раздольной жизни, которую мы вели на просторах Рупунуни, в сутолоке города было тесно и трудно дышать, и хотелось только одного — убраться отсюда, и чем скорее; тем лучше. В одно прекрасное утро Смит явился ко мне с крайне самодовольным выражением на лице.

— Послушай, не ты ли заикался, что в следующую экспедицию хочешь в край ручьев, за Чирити? — спросил он.

— Ну да, по-моему, это и в самом деле неплохая идея.

— Так вот, — сказал Смит, задрал нос. — Я нашел тебе провожатого, лучше не придумаешь! Первоклассный охотник, знает местность как свои пять пальцев, а уж местных жителей — спроси любого, его там каждая собака знает! Уж он-то, будь покоен, раздобудет нам зверюшек!

Наш благодетель явился во второй половине дня. Это был коротышка-индус, чем-то похожий на кокосовый орех. Льстиво улыбаясь, он обнажал сверкающий ряд золотых зубов, а когда он заливался жирным, липким смехом, то его похожее на кучевое облако брюшко колыхалось, словно трясина. Да и одет он был как-то совсем не по-охотничьи: шикарные брюки отличного покроя, малиновая шелковая рубаша — неужели в этом топтать по лесам и болотам? И все-таки, коль скоро мы так рвались в край ручьев, а он уверял, что там ему все знакомо, я решил — черт с ним, возьмем! Мы условились, что наша отважная троица — Боб, Айвен и ваш покорный слуга — встретятся с ним завтра у места посадки на паром.

— Не беспокойтесь, шеф, — сказал мистер Кан, в очередной раз одарив меня масляной улыбкой и ослепив блеском зубов. — Вот увидите, мы с вами наловим столько всякого зверья, что девать будет некуда!

— Лучше меньше, да лучше, мистер Кан, — ответил я. — С плохими-то экземплярами ясно, что делать.

На следующее утро мы спозаранку явились к причалу со всею нашей горой багажа. Мистер Кан уже поджидал нас и просигналил нам приветствие чередой золотозубых улыбок, ослепительных, как маяк. Едва мы появились, он тут же взялся за дело: отпуская массу острот и сам же оглушительно хохоча, он принялся устраивать дела всем и каждому, направо и налево, мотаясь то туда, то сюда с удивительным при его комплекции проворством. Мистер Кан кричал, обливался потом, постоянно ронял вещи, — в общем, погрузка на судно, и без того утомительное дело, превратилась с его участием в цирковое представление в трех отделениях. Но вот что бросилось в глаза: когда погрузка благополучно закончилась, наша троица падала от изнеможения, а мистериу Кану хоть бы хны! Чтобы нам было не слишком скучно во время переправы, он в который раз поведал нам байку о том, как его папаша, купаясь в быстрой речке, был атакован чудовищным кайманом и спасся только тем, что пальцами выдавил ему глаза.

— Вы только представьте себе! — восклицал мистер Кан. — Пальцами!

Мы с Бобом слышали эту волнующую историю во всех бесчисленных подробностях и вариациях, так что она не произвела должного впечатления. Мистер Кан явно принимал нас за простофиль. Так этого оставлять было нельзя, и я тут же отплатил ему сказочкой о том, как на мою бабушку напал взбесившийся дромадер^[9] и она голыми руками задушила его. К сожалению, эффект был несколько смазан тем, что мистер Кан не имел представления, что это такое — дромадер. В общем, вместо того чтобы заставить его заткнуться, я только вдохновил его на новые измышления. Потом уже, трясясь в разболтанном допотопном автобусе до Чарити, мы как загипнотизированные слушали рассказ мистера Кана о том, как его дедушка одолел тапира — он вскочил зверю на спину, зажал ему ноздри ладонями, и бедняга задохнулся. Было ясно, что победа в первом туре осталась за мистером Каном.

...Какой же предстала перед нами вождеденная цель — населенный пункт с названием Чарити, который мы прежде знали только в виде кружка на карте? Так, ничего особенного: горстка домов, рассыпанных по берегу реки Померун. Дорога здесь кончалась — это был, так сказать, последний аванпост цивилизации, отсюда, словно разводы по старинному зеркалу, расходилась до самой венесуэльской границы замысловатая сетка протоков, ручьев, речек, затопленных долин и озер, исследовать которые можно было только на лодке — о всяких других более удобных транспортных средствах можно было забыть. Я размечтался, что устрою здесь хороший базовый лагерь для наших дальнейших походов, но первые же полчаса пребывания здесь заставили меня выкинуть эту идею из головы. Скучное, Богом забытое и уж никак не чарующее место — как следовало бы ожидать из названия. Ну, соответственно, и лица здешних жителей отнюдь не выглядели благостно^[10] — так, хмурая и безучастная толпа обывателей. Я решил, что лучше всего будет сразу, без отлагательства, продолжить наше путешествие в край ручьев. На мистера Кана, которого, по его же собственным словам, тут всякая собака знала, была возложена задача раздобыть лодку; Айвен, вспомнив о том, что неплохо бы обзавестись кое-какими мелочами, направил свои стопы к рынку; ну а мы с Бобом не нашли для себя более увлекательного занятия, как пошарить в сочной прибрежной траве в поисках диковинных лягушек. Вдруг откуда ни возьмись возвращается Айвен и ведет с собою негритенка с большими, как блюдца, глазами.

— Сэр, этот мальчик говорит, что у него есть крабоядная собака, — сказал Айвен.

— Крабоядная собака? А что это такое? — спросил я.

— Какое-нибудь такое животное вроде собаки, которая питается крабами, — неуверенно сказал он.

— За что я люблю Айвена, — вставил Боб, — так это за ясность ума.

— Ладно, сходим посмотрим зверя. Где он?

Таинственное животное находилось у мальчика дома, в сотне ярдов по берегу реки, и мы

все отправились поглядеть. Когда мы прибыли на место, негритенок нырнул в хижину и вскоре вернулся, сгибаясь под тяжестью ящика едва не больше его самого. Я всмотрелся сквозь планки, из которых была сколочена крышка, но смог разглядеть лишь непонятную серую фигуру. Тогда я отодрал две планки и пригляделся получше, и тотчас же в отверстии показалась голова и пристально уставилась на меня. Широкая такая плоская голова с круглыми ушами и мордой, как у собаки. Животное было пепельно-серой раскраски, но глаза окаймляла широкая черная полоса — создавалось впечатление, будто на него надели маску. На мгновение оно бросило на меня исполненный печали взор, а затем, щелкнув зубами, убралось опять в ящик.

— Так что же это? — спросил Боб, подозрительно оглядывая ящик.

— Енот-крабоед. Сколько он за него просит, Айвен?

Айвен и мальчуган принялись торговаться. Какое-то время каждый настаивал на своем, но в итоге я вручил негритенку достаточно скромную сумму, на которой они сошлись, и я триумфально унес енота вместе с ящиком.

Когда мы вернулись на пристань, мистер Кан уже поджидал нас. Он с гордостью объявил, что раздобыл лодку и что через десять минут она прибудет сюда. Увидев енота, он засиял как золотой самородок.

— Вот это да! Мы уже добились успеха! — сказал он, издав хитрый смешок. — Не я ли подсказал вам, где лучше всего искать животных?

Айвен бросил на него уничтожающий взгляд — было ясно, как жестоко уязвлено его самолюбие.

Лодка оказалась неким подобием длинной и узкой корабельной спасательной шлюпки. Внутренняя часть ее была перекрыта приподнятой деревянной конструкцией — хотите назовите палубой, хотите крышей. Мы сразу же оценили это достоинство нашего круизного лайнера: хочешь — загорай на палубе, хочешь — спускайся в тень и сиди на скамейке, если солнышко уж очень голову напечет. В общем, решил я, дредноут что надо. Мы погрузили багаж внутрь, а сами уселись на плоской крыше. Как только посудина тронулась в путь по залитой сумеречным светом реке, мы с Бобом уселись за сооружение временной клетки для енота, а когда закончили, то умудрились без особых хлопот переселить его туда. Только теперь, на закате дня, мы смогли рассмотреть его как следует.

Зверек размером с фокстерьера был покрыт короткой и гладкой шерсткой. Весьма занятной показалась мне его манера сидеть ссутулившись, отчего он казался горбатым; это впечатление еще более усиливалось благодаря опущенной голове. Хвост у енота был длинный, пушистый, с аккуратными чередующимися черными и белыми кольцами. Стройные лапы заканчивались широкими плоскими ступнями, а голые подошвы окрашены в яркий розово-красный цвет. Его мех, за исключением черной маски на морде да черных ступней, был светло-серого пепельного цвета, кое-где с добавлением желтого. Ну, а если чуточку фантазии — низко опущенная голова, пара удивленных карих глаз, взирающих из-под черной маски, и вот вам портрет незадачливого начинающего взломщика, вышедшего на дело и пойманного за шкуру на месте преступления. Не правда ли, забавный вид у моего нового питомца?

Впрочем, титул начинающего взломщика — это так, моя личная характеристика. А вот кушал он очень забавно. Когда я впихнул к нему в клетку миску с водой, в которой плавала нарезанная кусками рыба, енот, под ласковым взглядом Боба, приблизился к еде с видом осужденного на казнь, высказавшего последнее желание — наконец вкусно поесть. Он сел перед миской на корточки и плавными движениями передних лап принялся гонять воду, взирая на нас все с тем же скорбным видом. После продолжительного времени он, сидя словно кролик, подогнал к себе кусочки рыбы, аккуратно схватил тонкими пальцами и отправил в пасть. Затем он снова принялся гонять воду, и так каждый раз, доставая кусок за куском, пока не выловил

все.

Своеобразные вкрадчивые движения енота сильно заинтриговали Боба. Вполне естественно, я постарался разъяснить ему смысл сих ритуальных действий. Чуть позже, когда наш дредноут остановился для ночлега, я поймал несколько речных крабов, посадил в клетку енота и позвал Боба. Увидев крабов, зверек сперва с настороженностью оглядел их всех, а затем, выбрав самого крупного, присел перед ним и принялся поигрывать, делая быстрые плавные движения, время от времени останавливаясь и встряхивая лапами. В ответ краб делал отчаянные выпады клешнями, но движения лап енота были столь ловкими, что схватить их было никак не возможно. Краб сделал попытку ретироваться, но енот не оставлял преследования, продолжая свою игру. Десять минут игры в кошки-мышки, точнее сказать, в крабы-еноты, порядком измотали нашего краба; хотя он пока что не получил и царапины, но тем не менее прекратил двигать клешнями, сдаваясь на милость победителя. Ну а еноту только этого и надо было: он мигом наклонился вперед и раскусил несчастного краба пополам. Затем он сел, со скорбным видом взирая на его агонию. Когда краб затих, енот аккуратно взял его кончиками пальцев, сунул в пасть, захрумкал и проглотил с все тем же меланхолическим видом.

Мы оставили лодку у пристани подле дома, принадлежащего царственного вида индусу в широких одеяниях и с тюрбаном на голове. Хозяин дома гостеприимно пригласил нас на ужин. Мы вошли и, усевшись в кружок на корточки прямо на полу, принялись с аппетитом уписывать изысканное кэрри и чупатти при свете лампы-молнии. Самой заметной фигурой был, конечно, мистер Кан — сидя на корточках, он напоминал преогромную жабу, а в свете лампы-молнии его золотые зубы сверкали, словно светлячки в ночной темени. Никто из сидящих за ужином не набивал себе рот с такой жадностью, как он; у меня была мысль, что хоть это ненадолго заставит его замолчать. Какое там! Чем больше он насыщался, тем более дикими и неправдоподобными становились его рассказы и тем нелепее хохотал он над своими остротами; в итоге он завладел беседой.

— Вот как-то раз, — сказал он, набивая рот очередной порцией кэрри, — мне довелось охотиться на Мазеруни. Ах, какие там ягуары! Сви-ре-пы-е! Право, свирепее во всей Гвиане не сыщешь, ей-богу! Так вот! Дело было вечером, ну как вот сейчас. Я как раз поужинал, и мне захотелось... Ну, как бы объяснить? Ну, словом, для облегчения пойти пройтись. Я взял ружье и отошел чуть подальше, в кусты.

Он доел свое кэрри и принялся расхаживать по комнате, пантомимой показывая все, что с ним произошло. Он с кряхтением присел на корточки в углу и, улыбаясь, продолжал:

— Все шло как надо, — сказал он. — Я закончил свои дела, встал и, держа в одной руке ружье, другой рукой стал натягивать штаны. — С этими словами он с усилием выпрямился и нагнулся, как бы желая подтянуть воображаемые штаны.

— Ну, друзья, как вы думаете, что тут произошло? — риторически спросил он, хватаясь за живот. — Из кустов на меня выскочил преогромный ягуар! Хо-хо-хо! Думаете, я не испугался? Еще как! Ведь ягуар застал меня со спущенными штанами!

— Не завидую ягуару, — заметил Боб.

— Что ягуар! — продолжил мистер Кан. — Меня бы кто пожалел! Вот ситуация так ситуация! Я должен был одной рукой натягивать штаны, а другой стрелять. Но справился! Вот это был выстрел так выстрел! Прямо в глаз! Бах — и нету ягуара!

Он подступил к воображаемому убитому ягуару и с презрением пнул его.

— И знаете что? — продолжал он. — Я так испугался, что поклялся: теперь буду ходить по нужде исключительно в дневное время! Но этот чертов ягуар напугал меня так, что мне приходится бегать по нужде всю ночь напролет. Как вспомню, так снова хочется... А как выйду в ночь, так снова вспомню...

Мистер Кан снова сел и разразился смехом, вздыхая, хрипя и вытирая слезы с трясущихся щек — не иначе как ему показался забавным тот заколдованный круг, в который он попал.

Разговор перешел с ягуаров на кайманов, с кайманов на анаконд, и, разумеется, мистер Кан за словом в карман не лез — у него на каждый такой случай была заготовлена история. Пожалуй, наиболее колоритно звучали его рассказы про анаконд — ни одна из тех, что попадались на его жизненном пути, не были в объёме меньше бочонка, но против каждой из них у него всегда находился какой-нибудь хитроумный прием. Но чем больше изоощрялся мистер Кан в своих рассказах об анакондах, тем больше ерзал на месте бедняга Айвен. Поначалу я подумал, что это со скуки, но вскоре убедился, что тут все гораздо серьезнее. Когда междусобойчик был окончен, мы вернулись к лодке, где наши гамаки во внутреннем помещении висели один над другим. Не без труда взобравшись в них, мы заткнули мистеру Кану рот решительным «спокойной ночи» и попытались уснуть. Но только я почувствовал, как меня одолевает сон, из гамака Айвена раздался дикий вопль:

— А-а-ааа!!! Ку-у-у-муди! Берегитесь кумуди, сэр! Она перелезает через борт лодки... Берегитесь, сэр!

Наше воображение было до такой степени взбудоражено рассказами мистера Кана о немислимых анакондах, что от крика Айвена у нас в лодке начался переполох. Боб вывалился из гамака. Мистер Кан вскочил на ноги, споткнулся о Боба и едва не бухнулся вверх тормашками в реку. Я тоже хотел было выпрыгнуть из гамака, но он перекрутился, и я, спеленутый множеством упавших москитных сеток, рухнул прямо на грудь Бобу. Мистер Кан орал, чтобы ему дали ружье. Боб умолял меня слезть. Я кричал, чтобы мне подали фонарик. Между тем Айвен начал издавать некие агонизирующие хрипы, как будто анаконда обвилась вокруг шеи, медленно его удавив. Я принялся рыскать на четвереньках по всей лодке и, в конце концов отыскав-таки фонарик, осветил на Айвена. Тут его безмятежное лицо поднялось над краем гамака, и он поглядел на нас сонным взглядом.

— Что стряслось, сэр? — спросил он.

— Где кумуди? — спросил я.

— Кумуди? — встревожился он. — А что, где-то здесь кумуди?

— А я почему знаю? Это ты кричал, — подчеркнул я. — Ты же сам орал, что к нам в лодку лезет кумуди!

— Да неужели, сэр!

— Ну да.

Айвен густо покраснел:

— Так это я, наверное, во сне...

Мы посмотрели на него как на сумасшедшего. Ему ничего не оставалось, как залиться краской от смущения и зарыться в свой гамак. Позже до меня дошло, что у Айвена сдвиг на почве анаконд — стоит этой навязчивой идее завладеть его рассудком, как той же ночью ему начинают сниться кошмары, он принимается отчаянно кричать, метаться, благополучно будя всех вокруг, кроме себя. С ним это не раз случалось и впоследствии, но со временем мы свыклись, во всяком случае до такого содома и гоморры, как в ту ночь в лодке, больше не доходило. Ну, а тогда мы кое-как распутались с гамаками, ответили вежливым отказом на предложение мистера Кана выслушать еще одну историю про анаконд, и кое-как ухитрились уснуть.

Я проснулся перед самым рассветом и увидел, что мы же снова держим путь вниз по реке по направлению к устью. Негромко стучал мотор, лодка рассекала широкий простор окаймленной полосой деревьев воды, окрашенной утренней зарей в голубовато-серый цвет. Я вылез на крышу и уселся полюбоваться рождением нового дня. Воздух был напоен утренней

прохладой и ароматами листьев и цветов. Набивавшие силу утренние лучи постепенно превратили серое небо в нежно-зеленое, прогоняя последние оставшиеся звезды, которые дрожали и гасли. Над рекою клубами и прядями курилась дымка утреннего тумана, плывя над поверхностью и затекая за стволы растущих по берегу деревьев — так кольшутся от течения воды гигантские занавеси белых донных трав. Цвет неба стал значительно светлее — из зеленого он стал бледно-голубым, а сквозь просветы в лесу виднелась гряда облаков, окрашенных восходящим солнцем в ярко-красный цвет. Гул мотора разносился далеко по безмолвной реке, отзываясь эхом, а нос лодки с мягким шипением разрезал водную гладь. Мы повернули — и вдруг увидели, что река кончилась: безмятежная гладь сменилась на наших глазах волнующимся морским простором, залитым светом зари. На берегу, наполовину в воде, лежало мертвое дерево. Кора свисала с него полосами, обнажая выбеленный солнцем ствол. Среди мертвых сучьев сидела пара алых ибисов — они были похожи на два больших красных цветка, выросших словно бы в насмешку над смертью на лишенном соков стволе. При приближении лодки они вспорхнули, лениво покружили над нами, сияя в солнечных лучах оттенками розового, алого и пурпурного, и полетели вверх по течению Реки, медленно махая крыльями и выставив вперед, словно копья, свои изогнутые клювы.

На выходе из устья реки нам предстояло пройти еще с милю по открытому морю и снова повернуть к берегу, за которым начинался край ручьев. Несясь навстречу морю, масса речной воды пенилась и бурлила, так что наше суденышко скакало с волны на волну, словно камень, пущенный рикошетом, а крепкий свежий ветер время от времени обдавал нас фонтаном водяной пыли. Элегантным клином пронеслась мимо нас стая пеликанов и с тяжелым плеском приводнилась ярдах в пятидесяти поодаль. Уткнувшись клювами в грудь, пеликаны с обычным для них благожелательным выражением уставились на нас. Издали, качаясь вверх-вниз на волнах, они до смешного напоминали целлулоидных уток, которых детишки пустили плавать в грязной луже.

Но вот наше суденышко, повернуло в сторону суши. Сколько я ни всматривался в тянувшийся по берегу лес, я нигде не замечал просвета — я решил, что наш капитан лишь решил прижаться к берегу на случай усиления волны, в конце концов, лодка не была предназначена для морских походов. Тем не менее мы упрямо плыли к берегу, стена деревьев неумолимо надвигалась, а капитан и не собирался менять направление движения. В тот момент, когда, как мне казалось, мы врежемся в берег, мы протиснулись под ветвями одного из деревьев — и за нами сомкнулся кустарник, отрезав от нас гул моря. Мы медленно двигались по узкой, тихой протоке, и нашим глазам открывался новый, невиданный прежде мир.

Протока была футов двадцать в ширину, с высокими берегами, густо поросшими кустарником. Стволы стоявших по берегам деревьев склонялись друг к другу, и ветви переплетаясь, образовывали как бы туннель; и ветви, и стволы были украшены густым лишайником, длинными водопадами серого испанского мха, яркими пятнами розовых и красных, как бы раскрашенных акварелью, орхидей и множеством других вьющихся зеленых растений. Вода у берегов была скрыта от глаз плотным ковром, сотканным из переплетающихся водных растений, со множеством ярких мелких цветов, усеивающих его поверхность. То там, то здесь в изысканную ткань ковра из листьев и цветов вторгались группы пятен, похожих на сверкающие плоские тарелки — это листья водяных лилий, зеленевшие вокруг своих остроконечных розовых и белых цветов. Вода в протоке была глубокой и прозрачной, густого желто-бурого цвета. В этом царстве растительности воздух был неподвижен и горяч; мы дремали на деревянной крыше, наслаждаясь теплом и наблюдая все новые сцены, открывавшиеся нам по мере продвижения по извилистому, ленивому руслу.

В одном месте ручей широко выплеснулся из берегов, так что воды покрыли несколько акров долины. Лодка продвигалась зигзагами сквозь небольшую рощицу, стоящую по пояс в бурой воде; стволы деревьев были окружены узором из водорослей и лилий. На заросшем травью берегу принимал солнечную ванну небольшой кайман; он лежал, приоткрыв пасть в этой злобной ухмылке, а увидев нас, поднял голову, захлопнул челюсти и скользнул в воду, прорвав прибрежный ковер из водяных растений и оставив в нем неровную прореху. Дальше берег оказался изрезанным волнистыми линиями множества бухточек, каждая которых была садом из розовых водяных лилий, неподвижно лежащих на гладкой темной воде. Листья водяных лилий образовывали собою нечто вроде зеленой мостовой, пересекавшей воду; впрочем, устилавшие эту мостовую плиты неровно разбежались в разные стороны и поросли множеством цветов. По одной из таких природных дорожек шествовала якана с целым выводком пушистых, только что вылупившихся цыплят, каждый величиною не более грецкого

ореха. Внешне якана похожа на шотландскую куропатку, с той только разницей, что у яканы длинные стройные ноги, оканчивающиеся хрупкими вытянутыми пальцами. Наблюдая за этой птицей, мы убедились, сколь полезны ей эти изящные пальцы. Она осторожно переступала с листа на лист, аккуратно перенося свой вес точно по центру каждого из них, а длинные пальцы, растопыриваясь, будто ноги у паука, равномерно распределяли вес по его поверхности. Листья чуточку погружались в воду, слегка вздрагивая, когда она наступала на них, но и только. Птенцы, словно стайка золотисто-черных шмелей, семенили за нею. Эти крохотные комочки весили-то еще всего ничего, так что даже если собрать весь выводок на краю одного листа, то и тогда его равновесие ничуть бы не нарушилось, но тем не менее якана вела их по дорожке из водяных лилий хоть и быстро, но осторожно. Птенцы бежали за нею, послушно останавливаясь всякий раз, когда мамаша пробовала ногою следующий лист. Когда же семейка достигла конца дорожки, мамаша нырнула в воду, и; птенчики один за другим, попрыгали за нею — только несколько серебряных пузырьков да на мгновение ушедший под воду лист напоминали о том, что они только что здесь были.

В конце долины воды ручья послушно возвращались в предназначенное русло и текли через густые леса. Деревья росли все гуще и гуще, и вот мы уже плывем в зеленом полумраке в туннеле из ветвей и мерцающих листьев по черной, словно эбеновое дерево, воде, местами тронутой серебряными пятнами света, там, где он мог пробиться сквозь толщу ветвей у нас над головой. Вдруг с одного из деревьев вспорхнула птица и, юркнув под сумрачные своды туннеля, опустилась на залитый солнечным светом ствол. Это был большой черный дятел с длинным курчавым винно-красным гребнем и клювом цвета слоновой кости. Прицепившись когтями к коре, он с любопытством поглядел на нас, но в этот момент к нему подлетела подруга, и они вместе принялись с важным видом снова вверх-вниз по стволу, выстукивать его клювами и, наклоняя голову к коре, прислушиваться, что под ней делается. Время от времени они раздражались коротким приступом резкого, металлического смеха, как будто смеялись над шуткой, которая им одним кажется смешною. А тут и меня самого разобрал смех — представьте-ка себе двух пациентов психиатрической клиники, зачем-то напяливших красные шапочки и решивших поиграть во врачей. Вот они торжественно выстукивают ствол большого дерева, словно грудь пациента, и восторженно хихикают, обнаружив ту или иную болезнь — вот червоточины, вот туберкулезные пятна сухой гнили, а вот и полчища личинок, готовых изгрызть пациента в прах! Судя по всему, дятлов это забавляло.

Это были экзотические, фантастические птицы, и, ясное дело, я загорелся желанием пополнить нашу коллекцию несколькими экземплярами:

— Как их здесь называют, Айвен?

— Птицы-плотники, сэр.

— Надо попробовать раздобыть несколько штук.

— Я достану, — сказал мистер Кан. — Не беспокойтесь, шеф, я раздобуду вам все, что будет душе угодно!

Я не отрывал глаз от дятлов, перепархивавших с дерева на дерево; но в конце концов они исчезли из виду, скрывшись в переплетении ветвей. Я лелеял надежду, что мистер Кан сдержит слово, хотя, если честно, меня глодал червь сомнения.

...Под вечер мы были уже недалеко от цели — затерявшейся среди речушек и ручьев индейской деревушке с крохотной миссионерской школой. Мы свернули с широкой протоки и вошли в узкую, где густая поросль водных растений покрывала воду от берега до берега. Я пересел на нос — и у меня возникло представление, будто лодка скользит по зеленому настилу, усеянному сотнями миниатюрных, каждый с наперсток величиной, лиловых, желтых и розовых цветов на коротеньких, в какие-нибудь полдюйма высотой, стебельках. И только рябь, бегущая

от винта за кормой и кольшущая живой ковер, говорила о том, что мы все-таки идем по воде. Мы проплывали милю за милей по этой удивительной дорожке, извивавшейся среди лесов и лугов, и наконец она привела нас к небольшому песчаному пляжу, окаймленному чередою пальм. Мы увидели горстку притаившихся под деревьями хижин и небольшую флотилию каноэ, покоившихся на чистом песке. Когда мы заглушили двигатель и по инерции подошли к берегу, нас окружила гомонящая и смеющаяся ватага индейских детей, выбежавших нам навстречу. Все они были в чем мать родила, и их голые тела так и блестели на солнце. Вслед за ними вышел высокий негр; как только мы сошли на берег, он отрекомендовался школьным учителем. Он повел нашу команду, окруженную шумной хохочущей ребячьей оравой, по белому пляжу к одной из хижин и здесь оставил нас, пообещав вернуться, когда мы распакуемся и устроимся. Надо сказать, что хоть наши уши и привыкли к гулу мотора, целый день развлекавшего нас монотонной мелодией, но мы малость подустали от нее, так что тишина и покой этой крохотной хижины, приютившейся под сенью пальм, необыкновенно успокаивали душу.

Мы распаковали наши пожитки и поужинали, храня полное молчание, и даже мистер Кан, очевидно поддавшись очарованию этого райского местечка, не нарушал нашего покоя.

Вскоре вернулся школьный учитель в сопровождении одного из своих маленьких учеников. — Мальчик спрашивает, не купите ли вы у него вот это, — сказал учитель.

«Это» оказалось детенышем енота-крабоеда, крохотным комочком пуха с блестящими глазами — ну ни дать ни взять щенок чау-чау. На морде его еще не было и следа той мировой скорби, которою отмечен взгляд его взрослых сородичей. Напротив, он был полон радости, вертелся, заигрывал и даже пытался кусаться своими крохотными молочными зубками, размахивая пушистым хвостом, будто флагом. Если бы даже он мне и не был нужен, то и тогда я не смог бы устоять против покупки столь прелестного создания. Я чувствовал, что он еще слишком мал, чтобы делить клетку со своим взрослым собратом, так что я соорудил ему отдельную. Поселившись на новой квартире и набив себе до отказа брюшко молоком и рыбой, которых я, расщедрившись, отвалил ему, он свернулся на куче сухой травы, довольно рыгнул и уснул.

Учитель предложил нам прийти к нему завтра утром на урок и показать детям картинки животных, которых мы разыскиваем. По его словам, у многих из его учеников есть домашние любимцы, с которыми они, может быть, согласятся расстаться. Он также пообещал разыскать нескольких хороших охотников, которые устроили бы нам экспедицию в край ручьев для поисков животных.

Итак, на следующее утро мы с Бобом пришли в школу и объяснили сорока юным аборигенам, с чем мы пожаловали, какие животные нам нужны и какие цены готовы платить за них. И что бы вы думали? Все как один с энтузиазмом откликнулись на наше предложение и пообещали сегодня же принести своих питомцев. Только один маленький мальчик выглядел расстроенным и о чем-то шепотом переговорил с учителем.

— Он говорит, — объяснил учитель, — что у него есть очень красивое животное, но оно слишком велико. Он сам не может посадить его в каноэ и привезти сюда.

— Что же это за животное?

— Он говорит — дикая свинья.

Я повернулся к Бобу:

— Может, сгоняешь сегодня за ней в лодке?

Боб вздохнул:

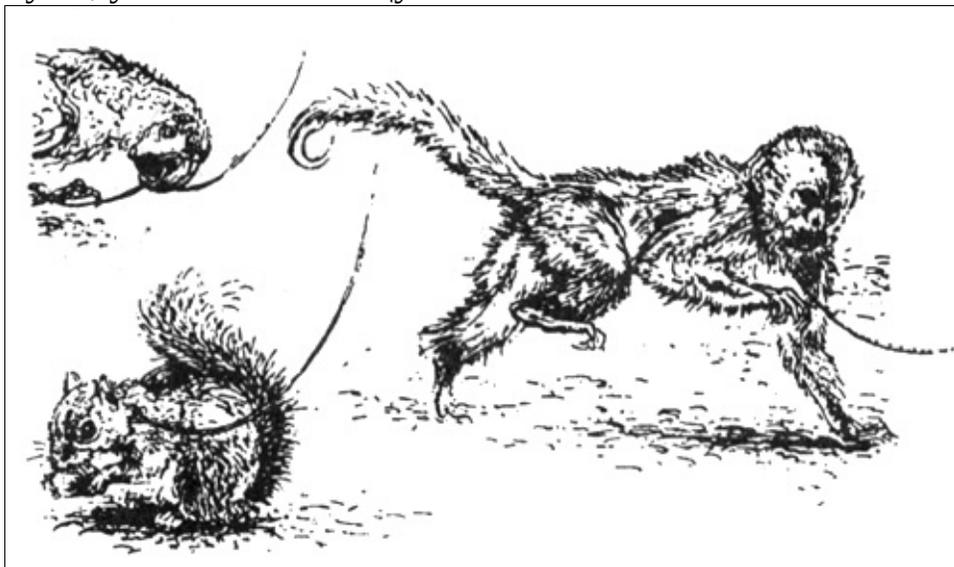
— Да ладно, только пусть ее покрепче свяжут.

Итак, снарядив Боба за дикой свиньей — иначе пекари — я еще дал ему наказ покупать все стоящее из фауны, что он увидит в деревне у индейцев, и пожелал ему успеха. Вскоре после

того как Боб с мальчиком уплыли за свиньей, стали приходить детишки, неся своих домашних любимцев. Конечно, увлекательно разыскивать диковинные экземпляры по лесам и болотам, но когда их тебе доставляют прямо на дом, чуть ли не на блюдечке с каемочкой, тоже, знаете ли, неплохо. Со всех сторон меня окружили улыбающиеся индейцы и самые невероятные и невиданные звери. Пожалуй, больше всего принесли зверьков агути — золотисто-коричневых созданий с длинными стройными ножками и мордами, как у кроликов. Нельзя сказать, чтобы это были особенно покладистые звери — более того, они до того нервные, что достаточно дохнуть на них, как они начинают биться в истерике. Затем шли пака — пухленькие, как поросята, шоколадного цвета зверюшки с кремовыми полосами вдоль всего тела. Было еще четыре-пять «беличьих» обезьянок и капуцинов, привязанных на длинных бечевках либо запросто скакавших вверх-вниз по телам своих юных хозяев, как по кустам. Некоторые детишки пришли с обвинившимися вокруг поясиц и запястий молодыми боа-констрикторами, прихотливо раскрашенными в розовый, серебристый и желто-коричневый тона. Полагаю, у читателей глаза на лоб полезли от удивления: странная, знаете ли, игрушка для ребенка! Но ведь индейцам, не в пример европейцам, не свойствен панический страх перед змеями. Они держал удавов в своих хижинах, предоставляя им полную свободу передвижения, а те в отплату за доброе к себе отношение выполняют функции, в цивилизованных обществах обыкновенно возлагаемые на кошек, а именно уничтожают крыс, мышей и прочую съедобную нечисть. По-моему, лучше не придумаешь — во-первых, удав куда прилежнее ловит крыс и мышей, чем самый опытный котик, а во-вторых, он украшает собою дом куда лучше, чем кошка. Представьте-ка удава, изящно, как это свойственно только змеям, обвинившегося вокруг стропил вашего дома — право, ничуть не худшее украшение для жилища, чем изысканные настенные ковры, а главное, украшение еще приносит пользу, обеспечивая свое право на существование.

В тот самый момент, когда я рассчитывался с последним из ребятишек, я услышал знакомый дикий звенящий хохот и я увидел, как над поляной пронесся и скрылся в чаще леса красноголовый дятел.

— Ах! — крикнул я, указывая на птицу. — Вот бы мне такого!

Детишки конечно же не поняли моих слов, зато куда красноречивее были мои жесты и умоляющая интонация. Тут же последовал всеобщий взрыв хохота, топот ног, ребятишки закивали головами и весело затараторили, так что в душе у меня забрезжила надежда, что они мне достанут-таки дятла. Когда индейцы ушли, я тут же засел за изготовление клеток для всего закупленного мною ассортимента фауны. Скоро сказка сказывается, да не скоро делоделается; к тому времени, когда многотрудная работа была окончена, издали донеслось комариное гудение мотора — это возвращалась лодка, на которой Боб должен был привезти дикую свинью. И я отправился их встречать.

Когда показалась лодка, я увидел, что Боб и Айвен, выбравшись на плоскую крышу, сидят спиной к спине на большом ящике с озабоченным выражением. Вот лодка ткнулась носом в песок, и Боб, не вставая с места, просверлил меня взглядом.

— Ну как, добыли? — с надеждой спросил я.

— Добыли! — огрызнулся Боб. — Это не то слово! Она от самой деревни так и норовит вырваться наружу! Не ты ли уверял меня, что она ручная? Да, да! Как сейчас помню, ты клялся

и божился, что она ручная! Знал бы, какие фортели она будет выкидывать, ни за что бы не поехал за нею!

— Так ведь это мальчик говорил, что она ручная.

— Мальчик сильно заблуждался. Может, у него в доме она и была ручная, а нам с ней совладать невозможно. Видно, эта тварь страдает клаустрофобией^[11].

Мы лихорадочно схватили ящик и перенесли с лодки на берег.

— Следи за ней! — предупредил Боб. — Она уже расшатала несколько планок вверх!

В этот самый момент свинья подпрыгнула в ящике и долбанула по крыше точно кувалдой; планки так и взлетели ввысь, как ракеты, и вот уже оцетинившаяся, разъяренная чушка, свирепо фыркающая, со всех ног чешет по пляжу.

— Что я говорил! — воскликнул Боб. — Я так и знал!

Свинья явно торжествовала победу. Столкнувшись на полпути к деревне с группой индейцев, она явно решила выместить на них все обиды, причиненные ей родом человеческим: подскакивая то к одному, то к другому, она с яростным визгом кусала всех за ноги, а ее острые, в полдюйма, клыки так и клацали, вонзаясь в ногу очередной жертвы. Индейцы бросились назад к деревне; хрюшка устремилась за ними в погоню, а мы с Айвенгом — за хрюшкой. Деревня оказалась на удивление пуста, всех обитатели точно ветром сдуло; свинья же, найдя под пальмой какую-то жратву, спешила расправиться с нею, пока ее не настигли. Мы пошли в атаку из-за угла хижины, думая застать противника врасплох — какое там! Оставив кушанье, но не прекращая чавкать, она пошла в контратаку и издала такой жуткий вопль, что у нас кровь застыла в жилах. Следующие несколько мгновений она носилась вокруг нас, клацая зубами, а мы с Айвенгом увертывались, делая такие пируэты, какие под силу только артистам балета. В конце концов свинья поняла, что нас не догнать, и отступила, заняв позицию между двумя хижинами, и оттуда издевательски хрюкала на нас.

— Значит, так: ты обойдешь с тыла и станешь на страже там, — проговорил я, еле переведя дух, — а я буду держать ее здесь.

Только Айвенг скрылся за углом хижины, как вдруг откуда ни возьмись возник мистер Кан собственной персоной. Шагала он так спокойненько, вразвалочку, что у меня тут же возникла мысль хорошенько поддеть его.

— Мистер Кан, — позвал я. — Можно вас на минуточку? Нужна ваша помощь.

— Разумеется, шеф, — просиял он. — Что вам угодно?

— Стойте здесь и сторожите вот этот проход, ладно? Там дикая свинья, я не хочу, чтобы она удрала. Я сейчас вернусь.

Оставив мистера Кана один на один с пекари, я бросился к нашей хижине, извлек надежный брезентовый мешок, тщательно обмотал его вокруг своей левой руки и, таким образом, во всеоружии направился к театру военных действий. Картина, которую я там застал, всласть потешила мое сердце — мистер Кан, тяжело топоча и пыхтя, бегаёт вокруг пальм, а свинья преследует его по пятам. К моему Разочарованию, сразу же после моего появления свинья прекратила преследование и отступила на исходные позиции.

— Вот это да! — изрек мистер Кан. — Какая свирепая свинья, шеф!

Он уселся в тени и принялся обмахиваться большим красным носовым платком, а я тихонечко пролез в проход между хижинами и стал медленно приближаться к свинье, не двигаясь с места и не спуская с меня глаз, она время от времени клацала зубами и тихо пофыркивала. Подпустив меня к себе на расстояние шести футов, противник перешел в контратаку. А мне только этого и надо было, когда пекари подскочила ко мне, я схватил ее правой рукой за загривок, а левую, обмотанную брезентом, сунул ей прямо в пасть! Хрюшка в отчаянии сомкнула челюсти, но нет, брезент ей оказался не по зубам! Передвинув правую руку,

я крепко обхватил ее жирное тело и воздел высоко над землей. Едва хрюшка почувствовала себя в воздухе, как весь ее боевой пыл мигом улетучился — она разжала челюсти и лишь подрагивала ножками, жалобно-прежалобно повизгивая. Я отнес ее в нашу хижину, поместив в такой ящик, откуда ей нипочем не убежать, и поставив туда блюдо, наполненное крошеными бананами и молоком. Хрюшка зарылась пяточком в предложенное кушанье и зафыркала от удовольствия. С тех пор она уже не устраивала нам таких фортелей и отнюдь не заявляла претензий на звание грозы джунглей — напротив, она сделалась до смешного ручной. Один только вид блюда, из которого ее кормили, вызывал у нее чувство неподдельного восторга — а она заводила радостную хрюкающую песнь, кончавшуюся только тогда, когда она зарывалась пяточком в лакомое угощение и набивала себе полную пасть. Она обожала, чтобы ее почесывали, и если процедура продолжалась достаточно долго, она заваливалась на бок и лежала неподвижно, зажмурив глаза и сладко похрюкивая от наслаждения. Мы окрестили ее Перси, и даже Боб привязался к ней — видимо потому, что помнил, какое удовольствие доставила нам, изрядно погоняв мистера Кана вокруг пальм.

Бедный мистер Кан! Он так старался быть полезным — во всяком случае, урвать себе толику славы при приобретении нового «экземпляра», пусть даже он не имел абсолютно никакого отношения к его поимке. Но чем больше он путался у нас под ногами и расточал свои золотозубые улыбки, тем больше он нас раздражал, а с недавних пор стал и вовсе несносен. Не будучи в силах пережить позора со свиньей, он преисполнился решимости реабилитировать себя в наших глазах и восстановить престиж. Он всеми силами старался забыть об этом эпизоде, но Перси оставалась постоянным, живым, хрюкающим напоминанием тому злосчастному дню, когда он, великий охотник Кан, был обращен в бегство на глазах у всей почтеннейшей публики. Однажды Кану представился-таки случай покрыть себя неувядаемой славой, и он ухватился за него обеими разжиревшими ручищами — но, видно, не судьба: хотел как лучше, а получилось как всегда.

А случилось вот что. Мы с Бобом провели весь день в походе по ручьям и вернулись домой усталые и голодные. При приближении к нашей хижине мы с удивлением увидели, как мистер Кан, танцуя, движется по пляжу навстречу нам, блистая в равной мере от пота и триумфа. Рукава у него были закатаны, как у ревностного работника, ботинки и брюки насквозь пропитаны речным илом: принимая таинственный вид, он что-то прятал за спиной. Его немислимое пузо, не привыкшее к такой прыти, тряслось от каждого прыжка, а зубы так и искрились на солнце.

— Шеф, — сказал он, переведя дух, — догадайтесь-ка, кого я поймал! Ни за что не догадаетесь! Как раз то, что вы хотели! С ума сойти! Обещал — и вот оно!

Он вытянул свою огромную ручищу — в ней лежал некий бесформенный, липкий и весь покрытый пеной предмет. Приглядевшись, мы с Бобом увидели, что он слегка подрагивает.

— Что это? — враспяжку спросил Боб.

— Как что? — явно задетый, переспросил мистер Кан. — Это одна из тех птиц-плотников, которых мистер Даррелл так жаждал заполучить.

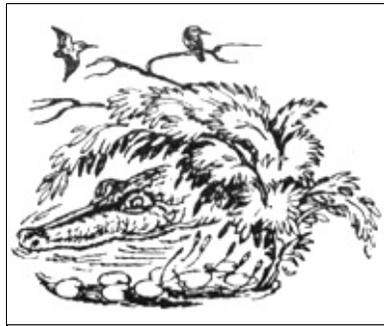
— Что я слышу! — завопил я. — Дайте-ка посмотрю поближе!

Мистер Кан вложил странный предмет в мои ладони, и он тут же намертво прилип к ним. При тщательном рассмотрении я убедился, что он действительно некогда был птицей.

— Так что же с ним произошло? — спросил я.

Мистер Кан разъяснил все без утайки — оказывается, не далее как нынче днем дятла неведомо каким ветром занесло в нашу хижину, и мистер Кан, обнаружив величайшее присутствие духа, бросился на него с сачком для бабочек. Он гонялся за ним кругами до тех пор, пока у бедной птицы голова не пошла кругом, и вот тут-то он ловким движением сбил его.

Но как на грех в хижине стоял большой кувшин с черной патокой, и дятел угодил прямо туда, издав зловещий плеск. Мистера Кана это не смутило — он вытащил птицу из кувшина и понес ее, истекающую черной патокой, словно черной кровью, к речке, где принялся энергично отмывать и оттирать ей каждое перышко с помощью карболового мыла. Результат был налицо. Предмет, лежавший у меня на ладони, похожий на кусок тающих медовых сот, весь покрытый розовой пеной, некогда был очень красивой птицей — и вот что получилось, когда мистер Кан приложил к ней руку. До сих пор не могу понять, как она после этого прожила так долго, но бедняжка отдала концы у меня на ладони, в то время как мистер Кан гордо заканчивал свой рассказ. Когда я сказал, что его добыча — уже труп, и притом весьма неприглядный, он страшно разгневался и взирал на птицу так, будто она нарочно залетела в кувшин, чтобы досадить ему. После этой неудачи мистер Кан решил взять реванш и следующие два-три дня, невзирая на наши реплики и насмешки, кругами ходил по хижине с сачком наперевес, словно надеясь, что сюда залетит еще один дятел. Но напрасно. Впрочем, теперь мы уже знали, как можно заставить замолчать мистера Кана — стоило только перевести разговор на дятлов и диких свиней, и он тут же надолго замолкал.

Глава восьмая

Жаба с кармашками

Уж так получилось, что по крайней мере половину всех часов, прожитых нами в краю ручьев, мы провели на плаву. Фактически мы и жили на острове, окруженном со всех сторон сетью протоков, различных по ширине и глубине, но образующих вместе замысловатую систему водных путей. Таким образом, исследовать окружающую местность можно было только на лодке. Днем мы уплывали в дальние походы к забытым Богом индейским поселениям, а по ночам обшаривали протоки вокруг нашей деревни в поисках представителей здешней ночной фауны.

Очень скоро мы сделали открытие, что водные дороги вокруг нас кишат детенышами кайманов, и притом трех различных видов. Они достигали в длину от шести дюймов до трех-четырёх футов, особых проблем с их содержанием не было — а чего нам еще желать? Мы обнаружили, что ловятся они лучше всего ночью с помощью фонаря: днем они сохраняют бдительность и не подпускают к себе, а ночью их легко ослепить сильным пучком света. Выходили Мы в такие экспедиции обычно предвечерней порой — одно наслаждение плыть в каноэ по тихим, безмолвным протокам, вода в которых еще хранит солнечное тепло! На корме восседает гребец-индеец, а мы с Бобом балансируем на носу. Наше вооружение состоит из сильного фонаря, несколькими прочных мешков и длинной палки с петлей на конце. Суденышко скользит по водной глади, а мы напряженной всматриваемся в даль. Но вот пучок света выхватывает пару огромных рубинов в оправе из водных растений и листьев лилий. Жестом мы показываем гребцу направление движения, и он, бесшумно вонзая в воду весло, медленно, плавно ведет каноэ к цели по неподвижной поверхности воды; так улитка ползет по оконному стеклу. Чем ближе к паре светящихся как угли глаз, тем тише ход; вот уже считанные футы отделяют нас от водяных растений, из которых высовывается голова каймана. Направляя пучок света ему прямо в глаза, мы дюйм за дюймом опускаем петлю, осторожно накидываем ему на шею — маневр, требующий солидной практики, но, раз освоенный, удается без труда. Но вот петля надета кайману на шею, заведена дальше выпученных глаз — теперь не зевай, рывком поднимай палку, и вот кайман зеленой ракетой взвивается в воздух, бьется в петле, бешено извивается и хрюкает как поросенок! Правда, не каждая такая атака завершается успехом — порою пилот не рассчитывает скорость, и каноэ врезается в кромку водяных растений. Тогда раздается громкий всплеск, голова каймана исчезает, и на поверхности в переплетении

водорослей остается лишь рваная прореха с блестящей водой.

Однажды ночью мы особенно отличились в ловле кайманов — наши мешки быстро наполнились, и со дна суденьшка раздавался такой хор хрюкающих и пыхтящих голосов, что все непоиманные кайманы на много миль вокруг были распуганы и продолжать ловлю стало невозможно. Поскольку время было еще, как говорится, детское, мы решили отправить каноэ с уловом в деревню и подождать его возвращения. Итак, мы высадились на подходящем травянистом берегу, каноэ под аккомпанемент хрюканья и пыхтения взяло курс на деревню, а мы с Бобом медленно побрели вдоль воды в поисках лягушек.

Вижу ваше удивление: что тут особенного, лягушки они и в Южной Америке лягушки и едва ли чем отличаются от своих собратьев в Англии. Но это далеко не так. Лягушки, как и другие животные, разнятся от местности к местности, являя богатейшее разнообразие форм, размеров, расцветок, не говоря уже о повадках. Например, в Азии рождаются так называемые «летающие лягушки» — крупные древесные лягушки с очень длинными, соединенными перепонками пальцами. Когда такая лягушка прыгает с дерева на дерево, она широко растопыривает пальцы, и перепонки, растягиваясь, превращаются в подобие крыльев. В Западной Африке встречаются лягушки-голиафы — они достигают двух футов в длину и могут за милую душу слопать крысу; зато в Южной Америке есть такие крохотные лягушки, которые свободно умещаются на ногте вашего мизинца. Бока и ноги самца волосатой лягушки, обитающей, как и вышеупомянутая лягушка-голиаф, в Западной Африке, покрыты неким подобием густой шерсти, однако в действительности это не шерсть, а тончайшие, словно нити, выросты кожи. Эта лягушка отличается еще и тем, что может выпускать когти, словно кошка. Что же касается всего калейдоскопа расцветок, то лягушки, пожалуй, единственные создания, способные в этом отношении серьезно потягаться с птицами. Каких красок тут только нет — и красные, и зеленые, и золотые, и голубые, и желтые, и черные, а если бы отыскался такой художник по тканям, чья фантазия создала бы узоры, которыми природа щедро наделила лягушек, он сделал бы себе целое состояние. Но даже эти чудеса бледнеют перед теми, которые лягушки демонстрируют в пестовании своего потомства. Так, европейская жаба-повитуха не мечет икру в первом попавшемся водоеме, бросая таким образом свое потомство на произвол судьбы, а поручает заботу о нем своему кавалеру, который наматывает икру на задние лапы, да так и скачет с нею, пока из икринок не вылупятся головастики. Есть такой вид древесной лягушки, который для выведения потомства склеивает вместе два листа, и, когда в такую чашу наберется вода, лягушка откладывает туда икру. Другие сооружают на верхушке дерева гнездо из пены, напоминающее гнездо одного из известного англичанам видов насекомых, называемое «кукушкин плевок». Нелишне отметить, что к выбору момента для икротетания такая лягушка подходит со всей ответственностью: момент для этого священнодействия выбирается такой, чтобы внешний слой пены успел затвердеть, а внутренность оставалась влажной. Как только головастики станут достаточно большими и смогут сами добывать себе пищу, твердая внешняя оболочка исчезает, и они падают с дерева прямо в воду.

Гвиана изобилует лягушками, демонстрирующими редкую изобретательность в том, что касается заботы об икре и головастиках, и край ручьев оказался как нельзя более подходящим местом. Первые два открытия мы сделали той же ночью, ожидая возвращения каноэ из деревни. Каждый из нас избрал свой метод поиска — Боб развлекался тем, что волочил по дну ручья сачок на длинной рукоятке, а я с надеждой всматривался в переплетающиеся друг с другом полузатопленные корни росших вдоль берега деревьев, (я помощью фонаря мне удалось изловить трех крупных темно-зеленых древесных пучеглазых лягушек. Это оказались Even's tree frogs — у этого вида самка носит икринки на спине уложенными в ряды, отчего спина выглядит как участок бульжной мостовой. Правда, ни одной самки с икрой я так пока и не поймал, но все

равно поздравлял себя со столь интересной находкой. Тут раздался восторженный крик Боба:

— Джерри, поди-ка посмотри, что я подцепил!

— Что там? — крикнул я, сунул своих лягушек в мешок и помчался по берегу ему навстречу.

— А черт его знает, — удивленным тоном ответил Боб. — Не иначе какая-то рыба.

Боб держал сачок наполовину погруженным в воду, и в нем плавало некое странное существо, на первый взгляд действительно напоминающее какую-то необычную рыбу. Я присмотрелся внимательнее.

— Это не рыба, — сказал я.

— А что же это?

— Головастики, — ответил я, еще раз оглядев находку Боба.

— Да неужели? — переспросил Боб. — Смешно, ей-богу! Если головастик такой огромный, какая же лягушка из него вырастет?

— Говорю тебе, головастик, — настаивал я. — Вот взгляни.

Я запустил руку в сачок и извлек оттуда странное существо. Боб посветил на него фонарем. Да, это действительно был головастик — самый крупный, самый жирный из всех, каких мне когда-либо доводилось видеть. Он был дюймов шести в длину и с крупное куриное яйцо в объёме.

— Да не может это быть головастиком! — возражал Боб. — Это что угодно, только вовсе не головастик.

— Ей-богу, головастик. Вопрос вот в чем — у какой амфибии бывают такие?!

Мы стояли, вылупившись на небывалого головастика, который резво плавал в стеклянной банке, куда мы его посадили. Я усиленно напрягал свою память, — ей-богу, я; где-то читал о столь чудовищных головастиках! Я ломал голову в течение нескольких минут, и вдруг меня осенило:

— А, вспомнил! — сказал я. — Это «удивительная лягушка»!

— Какая-какая?!

— Удивительная лягушка. Помнится, я где-то читал о ней. Ее так называют потому, что у нее головастик, развиваясь, делается не из маленького большим, как у других амфибий, а наоборот.

— Каким образом? — спросил Боб, окончательно сбитый с толку.

— Очень просто: большой головастик делается все меньше и меньше и превращается в среднего размера лягушку.

— Ха-ха-ха, ну не смешно ль? — сказал Боб. — Должно же быть наоборот!

— Вот то-то и оно-то! Потому ее и называют «удивительной», а то и «парадоксальной»^[12]!

Боб на секунду задумался.

— Сдаюсь, — в растяжку произнес он. — Ну, а как выглядит сама-то лягушка?

— Ну, помнишь тех маленьких зеленоватых лягушек, которых мы с тобой ловили еще в Эдвенчер? Тех, размером с наших английских? Ну так вот, по-моему, это они и были, только мне это тогда и в голову не приходило.

— Нечего сказать! — выдавил Боб, задумчиво косясь на сногсшибательного головастика. — Ну что делать, придется поверить тебе на слово!

Мы с новой силой принялись орудовать сачком, и к тому времени, когда каноэ вернулось, у нас в банке плавали еще два столь же огромных головастика, что давало нам повод несказанно гордиться собою. Вернувшись в хижину, мы хорошенько рассмотрели нашу добычу при ярком свете. Головастики как головастики. Если не брать во внимание огромную величину — ничем не отличаются от тех, которых по весне в любом английском пруду сколько душе угодно.

Только они не черные, а зеленовато-серые, в крапинку. Хвосты у них с прозрачными краями, словно тронутое ледком окно, а надутые губки до того забавно выпячивались вперед, будто хотели одарить нас поцелуями! И все-таки при мысли о том, что странные штуковины, которые так резво плещутся у нас в банке, — всего-навсего головастики, становится как-то не по себе. Представьте-ка что, гуляя по лесу в один прекрасный день, вы столкнетесь носом к носу с букашкой величиной с терьера или со шмелем размером с черного дрозда! Душа ведь уйдет в пятки правда? Они вроде бы и самые обыкновенные, но оттого, что они фантастических размеров, у вас глаза на лоб лезут от изумления и вы невольно спрашиваете себя, не сон ли это.

Так или иначе, но эти, как хотите назовите — удивительные, парадоксальные ли — лягушки вызвали в нас столько энтузиазма, что мы, с трудом дождавшись ночи, рванули на прежнее место. Чего только не набрали с собой — и сачки, и банки, и прочие снасти. Ловись, амфибия, большая и маленькая. В первые же полчаса поймали еще двух *Even's frods*, потом — после длительного ковыряния сачком по дну — еще одного гигантского головастика, а дальше дело что-то застопорилось. Боб закинул сачок — одна тина и трава. Итак три часа кряду! Тем не менее Боб на теряя надежды на успех рьяно прочесывал сачком дно протока, я же счел за лучшее поменять место дислокации. Пройдя вниз по течению, я набрел на неглубокий притом чуть пошире дренажной канавки, сплошь засыпанный листвой. Решив попытать счастья здесь, я позвал Боба, но чем дальше мы шли вверх по течению, тем больше убеждались, что живность тут еще большая редкость, чем там, откуда мы ушли. Отчаявшись, я устроил перекур, а Боб упрямо продолжал работать сачком, словно землечерпалка. Вот он в очередной раз вытащил сачок, как всегда полный размякших от воды листьев, вытряхнул их на берег. Но что это? Вместо того чтобы снова погрузить сачок в воду, он уставился на кучу листьев и вдруг, отшвырнув сачок, с радостным визгом начал в них копать.

— Что у тебя там? — спросил я.

Боб схватил что-то в пригоршню и принялся скакать от радости.

— Вот это да! — кричал он. — Вот это да!

— Так что же это?

— Жаба пипа.

— Да ну! — недоверчиво сказал я.

— Не веришь — поди посмотри, — сказал Боб, сияя от гордости.

Он раскрыл ладони, и тут я увидел его находку. Странное, безобразное, плоское как блин существо, вроде обычной бурой жабы, по которой прокатился паровой каток, морда острая, глазки миниатюрные, короткие тонкие лапы торчат, будто пруттики, по одной в каждом углу квадратного тела, с виду окоченевшего, словно труп.

Боб не ошибся — это и в самом деле оказался крупный самец пипы, пожалуй, самой экстравагантной амфибии на свете. Волнение и гордость Боба были не напрасны — с нашего первого дня в Гвиане мы пытались их раздобыть, но безуспешно. И вдруг здесь, в самом, казалось бы, неподходящем месте, когда мы и думать забыли о пипах, отыскали-таки одну! Любой сторонний наблюдатель счел бы нас за блаженных, глядя, как мы, найдя такую уродину, сияем от радости и поздравляем друг друга. Всякий другой на нашем месте счел бы подобную находку дурным предзнаменованием и с отвращением выкинул бы вон. Когда наше возбуждение чуть улеглось, мы ревностно взялись за работу и принялись протраливать каждый дюйм маленького протока, перебирая, словно старатели, гниющие листья и наваливая их кучами на берегу. Наше усердие было вознаграждено с лихвой — в какой-нибудь час мы поймали еще четырех таких уродин. Но больше всего радости доставила нам самка с икрой — этой находке не было цены, потому что самое необыкновенное в пипе — это способ выведения потомства.

Брачный период у большинства видов лягушек и жаб проходит так. Самец и самка сходятся вместе; кавалер в порыве страсти обхватывает самку «под мышками» и продолжительное время остается у нее на спине, сжимая в брачном объятии. Впоследствии самка мечет икру, а самец оплодотворяет ее. У пип же этот процесс происходит несколько иначе. Кавалер забирается на спину дамы и обхватывает поперек груди, как у всех. Но перед самым моментом, как произойти процессу икрометания, самка выпускает из ануса длинный трубкообразный яйцеклад и загибает его себе на спину, просовывая под брюшко самца. Последний принимается елозить по спине самки, выдавливая икру из яйцеклада так, что икринки неровными рядами укладываются на спину самки и застывают на ее коже, как приклеенные. В начале брачного периода кожа на спине самки становится мягкой и пористой, так что после оплодотворения икринки словно бы вдавливаются в кожу, образуя углубления в форме чаши. Затем верхняя часть икринок, выступающая над поверхностью кожи, затвердевает, и на первый взгляд кажется, будто жабе поставили банки. Фактически самка пипы носит свое будущее потомство в крохотных кармашках на спине. В этих-то кармашках икринки становятся головастиками, а головастики — жабами. По завершении этой последней стадии развития крохотные жабы откидывают крышку — и выскакивают из мамашиного кармашка на свободу в огромный опасный мир.

Самка, которую мы поймали, по всей видимости, лишь недавно отложила икринки, так как крышки были еще мягкими; но шли неделя за неделей, кожа на спине становилась все более пористой, словно пораженная проказой, а кармашки стали еще более выпуклыми. Вполне естественно, мы с Бобом ждали с большим нетерпением того исторического момента, когда крохотные жабы смогут покинуть материнскую спину — и вот этот момент настал, когда мы возвращались на пароходе в Англию и находились где-то посредине Атлантики.

...Жабы были размещены в банках из-под керосина и находились, как и вся коллекция, в трюме. Первое указание на то, что среди амфибий назревает счастливое событие, я получил в одно прекрасное утро, когда пришел сменить им воду. Крупная самка возлежала, тяжелая и разбухшая, в своей обычной позе, распластавшись по поверхности воды. По первому впечатлению могло показаться, что она уже несколько недель как сдохла и начала разлагаться. Я внимательно осмотрел ее — как делал всякий раз, чтобы убедиться, что она и взаправду не сдохла — и вдруг заметил у нее на спине некое странное шевеление. Я пригляделся — и вот что мне открылось: прямо из спины жабы высовывается и помахивает, будто в знак приветствия, крохотная лапка. Я понял: вот и настал великий момент! Я пересадил явно безразличную ко всему происходящему мамашу в отдельную банку и поставил ее так, чтобы иметь возможность не спускать с нее глаз во время работы. Я был необычайно взволнован и не простил бы себе, если бы хоть минута этого уникального процесса родов прошла мимо моих глаз.

Все утро, постоянно заглядывая в жестянку, я отмечал величайшее оживление в кармашках: крохотные лапки высовывались из них под самыми невероятными углами, легонько помахивали — и поспешно втягивались назад. Один раз я увидел, как из одного кармашка показались и передние лапки, и голова детеныша, как будто кто-то высовывался из люка; но стоило мне приблизить к себе жестянку, чтобы получше разглядеть новорожденного, тот засмутился и живо спрятался обратно в кармашек. Ну а что касается мамашки, то она, казалось, совершенно не замечала всей этой возни и оживления на своей просторной спине — она лежала в воде как мертвая.

Только на следующую ночь детеныши оказались готовыми покинуть материнское убежище, и я мог бы и пропустить этот удивительный исход, если бы случайно не заглянул в жестянку около полуночи. Я только что завершил последнее на сегодня неотложное дело — разложил броненосцам водяные грелки: погода становилась холоднее, а броненосцы, как оказалось, реагировали на это заметнее, чем другие животные. Прежде чем выключить лампы и

вернуться к себе в каюту, я заглянул в жабью родильную палату — и, к своему удивлению, увидел миниатюрную копию мамыши, плавающую бок о бок с нею на поверхности воды. Очевидно, великий час рождения настал. Хотя последние два часа я мечтал только об одном — скорее бы завалиться в свою уютную койку, но вид этой странной, уродливой маленькой амфибии мгновенно придал мне бодрости. Я протащил через весь трюм мощную дуговую лампу и повесил прямо над жестянкой, а затем сел на корточки и стал наблюдать.

...В разное время мне приходилось быть свидетелем великого множества самых разнообразных рождений. Я видел, как распадается надвое амеба, словно шарик ртути; наблюдал кур, на взгляд легко и без усилий откладывающих яйца; трудный и длительный отел коровы — и быстрое, исполненное грации появление на свет олененка; небрежное, как бы беспечное метание икры рыбами — и исполненное патетики рождение обезьяньего детеныша, на удивление сходное с появлением на свет крохотного человечка. Все это было захватывающим и одновременно трогательным зрелищем. Есть в природе масса и других явлений, зачастую вполне обыденных, которые я тем не менее не могу наблюдать иначе как исполнившись чувства благоговения. Ну взять, скажем, утрату головастиком хвоста и жабер и превращение его в полноценную лягушку или фантастическое зрелище, когда паук выходит из собственной шкурки и удаляется, оставив прозрачную, микроскопически точную копию самого себя — эфемерную, как древесный пепел, который вот-вот будет унесен ветром; а разве можно без волнения наблюдать, как разрывается нелепый и уродливый кокон, высвобождая бабочку или мотылька самой удивительной расцветки — превращение, достойное разве что волшебной сказки! Но редко, когда увиденное поглощало и изумляло меня так, как в ту памятную ночь посреди Атлантики, когда появлялись на свет детеныши пипы.

Поначалу, если не считать движения крохотных лапок, особой активности в жестянке не наблюдалось. Решив, что новорожденных смущает яркий свет дуговой лампы, я приглушил его — так в театре затевают огни на сцене перед началом развязки.

И представьте себе, действие развернулось с новой силой. Приглядевшись к одному из кармашков, я увидел, как из него отчаянно рвется наружу крохотный обитатель, вращаясь будто штопор — сперва в отверстии показались его лапки, а затем уже голова. После этого он ненадолго успокоился, а отдохнув, продолжил проталкивать в отверстие голову и плечи. Затем он снова передохнул — было ясно, что выбраться из толстой эластичной мамышиной шкуры вовсе не легко. Потом он стал извиваться, словно рыба на крючке, мотая головой из стороны в сторону — и его тело стало медленно вывинчиваться из кармашка, вроде неподатливой пробки, вытягиваемой штопором. Вскоре он, замученный, выбрался на спину мамыши, лишь одной лапкой застряв в ячейке, долго служившей ему родным домом. Затем он пополз по неровной, будто лунная поверхность, материнской спине, соскользнул в воду — и неподвижно застыл на ее поверхности. Еще одна жизнь появилась на этом свете! Он и его братец, плававший рядом с ним, могли бы уютно уместиться на шестипенсовой монете^[13], и еще осталось бы сколько хочешь места, — и все-таки это были хоть и крохотные, но самые настоящие пипы. С первой минуты, как они попали в воду, они уже могли плавать и нырять с поразительной энергией и скоростью.

Я зафиксировал появление на свет уже четырех пип, когда ко мне присоединились два члена судовой команды. Возвращаясь с вахты, они увидели в трюме свет и спустились посмотреть, не случилась ли беда какая. Вполне естественно, их интересовало, с чего это я сижу в два часа ночи на корточках и пялюсь на банку из-под керосина. Я вкратце растолковал им, кто такие пипы, как они совокупаются, как выводят потомство и что я как раз наблюдаю за финальным актом, разыгрывающимся в жестянке из-под керосина. Матросы заглянули в жестянку, и как раз в этот момент еще один детеныш стал выкарабкиваться на свет — это их явно заинтриговало, и они остались понаблюдать. Затем явились еще три члена экипажа — выяснить, с чего это их товарищи тут застряли, а те зашикали на них. Я шепотом разъяснил вновь прибывшим тайну происходящего, и кружок наблюдателей пополнился еще тремя членами.

Теперь мое внимание разделялось между жабами и людьми: мне были в равной мере любопытны и процесс появления на свет Божий первых, и реакция на это последних. Еще бы — здесь, в банке, продираясь сквозь отверстия в материнской коже, боролись за право на существование крохотные плоские существа, а вокруг сидели мы — простые матросы, закаленные суровой прозой морской жизни, не оставившей в их душах места для сантиментов. И вот эти-то люди, у которых каждое слово перемежалось с отборнейшими многоэтажными выражениями, чьи интересы (судя по их разговорам) замыкались на пьянках, карточных играх и бабах, — эти отнюдь не утонченные натуры сидели в два часа ночи после утомительной вахты в холодном и неудобном трюме на корточках перед жестянкой и под керосина и с совершенно неправдоподобным изумлением наблюдали за появлением крохотных жабят, боясь проронить хоть слово, а если и говорили, так только шепотом будто в церкви! Какие-нибудь полчаса назад они и слыхом не слыхивали, что есть такая штука — пипа, а теперь переживали за ее крохотных

детеньшей, как за собственных детей! Они с озабоченным видом следили за тем, как извиваются в своих кармашках детеньши, прежде чем начать выбираться на волю. Потом они смотрели с напряженным беспокойством, как они тужатся и вертятся, прокладывая себе путь наружу и время от времени останавливаясь, чтобы восстановить силенки. Когда путь на волю одного из них — самого слабого — чересчур затянулся, суровые мужчины не на шутку встревожились, а один даже спросил меня сочувственным тоном, нельзя ли помочь ему спичкой. Я ответил, что лапы детеньша тонкие, как ниточки, а тельце нежное, как мыльный пузырь, так что при самых благих намерениях его можно жестоко покалечить. Когда же наконец отстающему удалось выбраться из кармана, раздался всеобщий вздох облегчения, а тот матрос, который вызвался на роль жабьего акушера и предлагал спичку, обратился ко мне с такими словами:

— Каков чертяка! Мал да удал! Не правда ли, сэр? Часы летели незаметно — над серым морем уже занимался рассвет, а мы все еще сидели на корточках, любуясь на жаб. От такого долгого сидения ныла спина и затекли ноги. Наконец все встали и отправились в камбуз выпить чашку чаю. Весть об удивительных жабах мигом распространилась по всему пароходу, и в течение двух следующих дней ко мне в трюм шел бесконечный поток посетителей, жаждавших полюбоваться этим чудом. В какой-то момент вокруг собралась такая толпа, что меня охватил страх, как бы невзначай не опрокинули жестянку; и что бы вы думали? Мне на помощь пришли те пятеро суровых матросов, которые вместе со мною всю ту памятную ночь не отходили от постели (точнее говоря, жестянки) нашей роженицы. В свободное от вахты время они по очереди приходили дежурить возле банки, следя, чтобы жабам не причинили вреда. Носясь как белка в колесе, занятый то чисткой клеток, то кормежкой животных, я слышал, как эти суровые стражи сдерживали толпу:

— Тс-с! Чего топчешь сапожищами! Хочешь напугать их до смерти?

— Да, да, все из мамашиной спины... Вон, видишь дырки? Вот в них-то они и сидели, свернувшись клубочком. Эй, ты, чего толкаешься! Так ведь и банку опрокинуть недолго.

Я совершенно уверен, что этим людям с закаленными сердцами было жаль расставаться с жабами, когда я сошел на берег в Ливерпуле.

Но позволю себе еще раз напомнить, что все это чудо произошло только благодаря усилиям Боба, решившего во что бы то ни стало тщательно прочесать сачком этот, казалось бы, крохотный и пустой проток. Убедившись, что в размякшей преющей листве, устилавшей дно, не прячется больше ни одной жабы, мы таким же манером прочесали другой столь же безжизненный проток. Но небесный покровитель звероловов, видимо, решил, что с нас хватит, так что больше мы не поймали ни одной пипы. Усталые и перемазавшиеся в грязи, мы бережно подхватили нашу драгоценную добычу и вернулись назад, к основному протоку. И что же обнаружилось — оказывается, мы опоздали на целый час! Все это время Айвен, сбившись с ног, носился по берегу, разыскивая нас. Он уже отчаялся искать, думая, что нами уже поужинали ягуары. Мы гордо продемонстрировали наши сокровища, сели в каноэ и отплыли в деревню.

Скажу прямо — немного найдется занятий столь же любопытных, как ремесло зверолова. Правда, будет нелишним напомнить — уже в который раз! — что оно по большей части состоит из многотрудной черновой работы, порою на твою долю выпадает столько неудач и разочарований, что начинаешь думать, не бросить ли это неблагодарное занятие и не выбрать ли себе работенку поспокойнее. Но скрепя сердце выйдешь в очередной раз на ловлю — точь-в-точь как в ту ночь, когда мы поймали пипу — и в твоих руках оказывается любопытнейший экземпляр, о котором ты мечтал месяцами. Немедленно жизнь видится розовом свете, мир снова кажется прекрасным, а все прошлые неудачи и разочарования забываются. Больше даже — ты немедленно решаешь, что никакое другое занятие не могло бы доставить тебе такого же

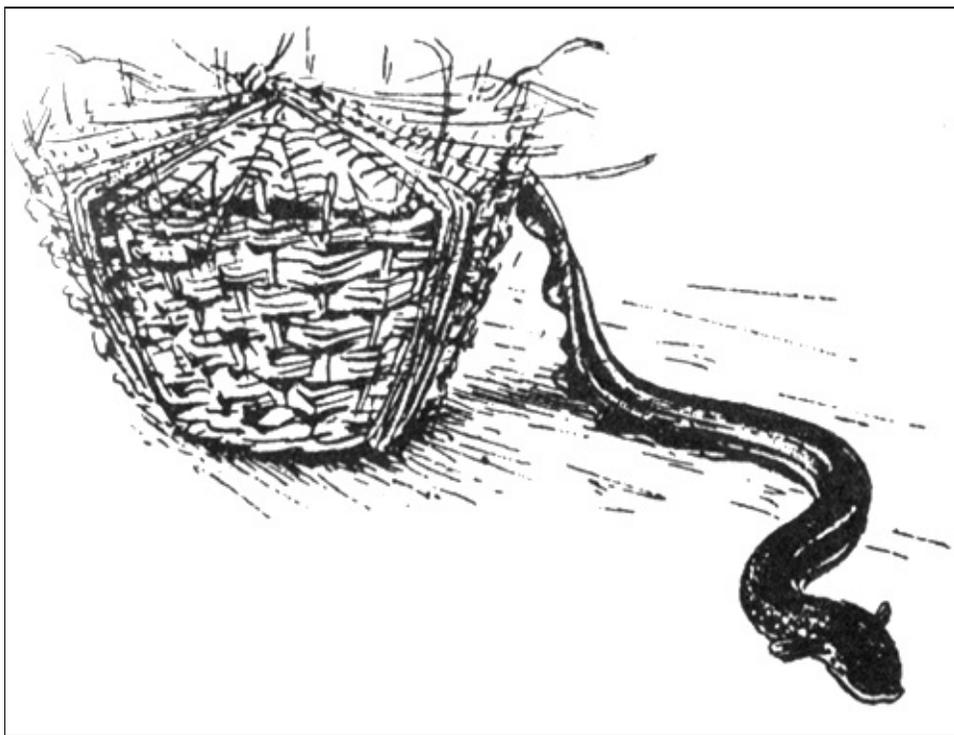
удовольствия и радости, как ремесло зверолова, и не можешь иначе как с сочувственной усмешкой на лице думать о представителях всех других профессий и ремесел. Когда счастье струится по твоим жилам, ты готов простить не только друзей за обиды и ошибки, но и всю ту родню, которая тычет в тебя пальцем.

...Мы плыли в деревню по безмолвным протокам. Черная вода столь сказочно мерцала отраженными в ней звездами, что нам казалось, будто мы перепутали, где верх, а где низ, и мы плывем в бескрайнем космосе среди светил. Из тростников доносилось фырканье кайманов, к поверхности воды поднимались какие-то странные рыбы и хватали бледных мотыльков, мириадами плывших вниз по течению. А на дне каноэ, распластавшись в банках, лежали амфибии, доставившие нам столько радости в этот вечер. Каждые несколько минут мы заглядывали вниз и довольно улыбались. Казалось бы, что за странность — радоваться поимке невероятно уродливой жабы? А зверолов счастлив! И из таких мелких радостей состоит святая святых его жизни.

Глава девятая

Про древесного дикобраза и благочестивого муравьеда

Минуло совсем немного времени с тех пор, как мы обжили индейскую хижину в краю ручьев, а она уже в результате бурной деятельности превратилась в сплошной зверинец. По двору невозможно было пройти, чтобы не наступить на обезьянку. Тут были и капуцины, и саймири, и мармозетки, и паки. Чтобы они не очень-то путались под ногами, мы привязывали их к кольшкам. Интерьер хижины был заполнен сооруженными на скорую руку клетками; одних из них, прицокивая, бегали взад-вперед агути на своих ножках, похожих на оленье; в других фыркали, словно поросята, броненосцы; тут и кайманы, и игуаны, и анаконды, и даже пара маргаев — маленьких лесных кошек с красивой пятнистой шкурой. В специальном ящике с маркировкой «ОПАСНО!» обитали три куфии, едва ли не самые ядовитые змеи во всей Южной Америке. Со стен хижины рядами свисали мешки с лягушками, жабами, мелкими ящерицами и змеями. Были у нас и блестящие колибри, со стрекозиным дрожанием порхавшие вокруг кормушек, куда им наливали нектар, и попугаи макао, одетые в яркие, кричащие наряды, точно на карнавале; они переговаривались между собою басистыми голосами, к которым примешивались квохчущие и повизгивающие голоса попугаев помельче; были в нашей коллекции и солнечные цапли в оперении осенних тонов. Когда они расправляли крылья, на них вырисовывался странный узор в виде глаза. В общем, красота, конечно, неопишная, но хлопот с этим зверинцем полон рот. И если уж признаться, мы чувствовали, что достигли той степени насыщенности, когда отправляться за новыми «экземплярами» уже просто не хочется. А раз так — сматывай удочки, вернее сети и прочие снасти, пакуй пожитки и переправляй животных в базовый лагерь. По правде говоря, ни я, ни Боб не горели желанием немедленно покинуть край ручьев, потому что сознавали, что совершить еще одну дальнюю экспедицию перед окончательным отъездом из Гвианы нам уже не успеть. Здешний школьный учитель — наш добрый гений, неустанно трудившийся над пополнением нашей коллекции — посоветовал нам «под занавес» съездить в одно отдаленное индейское поселение, где, как он уверял, можно будет раздобыть немало интересных экземпляров. Что ж, мы с Бобом решили — попытаем-ка

счастья, съездим туда, куда советуют, — а потом уже окончательно упакуемся и вернемся в Джорджтаун.

...Одна из самых замечательных черт в характере аборигенов — нежные чувства, которые они питают к животным. Каких только самых диковинных созданий не встретишь у них в селениях! Тут и обезьяны, и попугаи, и туканы, и масса других прирученных диких зверей! Впрочем, прежде чем впасть в умиление от такой любви индейцев к животным, следует вспомнить: большинство первобытных племен, обитающих в глуши ли джунглей, на просторах ли саванны, ведут суровую борьбу за существование, и, как правило, их интерес к животным диктуется чисто кулинарными соображениями. И как винить их за это! Жизнь в тропиках отнюдь не рай земной, как это представляется по голливудским фильмам про Тарзана. Если вы думаете, что стоит в джунглях протянуть руку, и диковинные плоды сами посыплются, то это горькое заблуждение. И тем более удивительно, что при всем при том многие индейцы держат животных именно в качестве домашних любимцев, лаской и нежностью приручают их и не всегда охотно — даже когда мы предлагали хорошее вознаграждение — расстаются с ними.

Школьный учитель разыскал двух дюжих гребцов-индейцев, которые взялись отвезти нас на каноэ в это селение. Когда в одно прекрасное утро они появились перед нашей хижиной, мы спросили, далеко ли до деревни и в какой срок мы обернемся туда и назад. Ответ был весьма неопределенным: мол, до деревни недалеко и поездка много времени не займет. В шесть часов вечера того же дня, все еще на пути домой, я вспоминал их ответы и думал, какие разные представления мы и индейцы вкладываем в понятия «недалеко» и «недолго». Но утром-то мы этого еще не знали, а потому с легким сердцем тронулись в путь. Мы даже не взяли с собой провиант, потому что — как я объяснил недоумевавшему по этому поводу Айвену — рассчитывали вернуться к обеду.

Нашим средством передвижения было длинное, глубоко сидящее каноэ. Мы с Бобом сидели посередине, гребцы — по одному на носу и на корме. Пожалуй, едва ли есть лучший способ получить наслаждение от края ручьев, чем странствовать по нему в каноэ. Ни звука, кроме ритмичного, словно удары сердца, плеска весел. Время от времени у одного из гребцов душа просит песни, и он затягивает короткий, живой, хотя и несколько грустный, мотив, который обрывается так же внезапно, как и начинается. Он отзовется эхом над залитой солнцем водой — и опять тишина, порою нарушаемая раскатом брани вполголоса — это Боб или я защемили пальцы между веслом и бортом каноэ. Дело в том, что мы добровольно предложили гребцам помощь, когда те устанут; после часа работы, когда на руках вздулись первые пузыри, я все отчетливее стал понимать, что гребля на долбленом каноэ требует куда больше сил и сноровки, чем я предполагал.

Милю за милей наше суденышко плавно скользило вниз по течению. Словно в знак приветствия, над нами склонялись деревья в уборе из орхидей, накладываясь филигранным мерцающим силуэтом на темно-лазоревое небо. Их диковинные, ажурные тени, ложившиеся на воду, создавали представление, будто каноэ скользит по наборному паркету, инкрустированному черепаховыми панцирями. Время от времени поток разливался, затопляя обширные участки саванны, так что над водой поднимались лишь золотистые верхушки трав. Но как-то, проплывая мимо незатопленного участка, я заметил, что трава примята, и притом вмятина имеет форму правильного круга. От нее тянулся извилистый след — такой след не мог возникнуть сам собою, здесь явно кто-то побывал. Один из гребцов разъяснил нам — здесь отдыхала анаконда, и притом необыкновенно крупная, если судить по следу.

Правда, в душу понемногу начало закрадываться беспокойство: вот уже три часа, как мы в пути, а все никаких признаков не то что деревни, но и вообще человеческого жилья! Зато жизнь животного мира была полным ключом. Вот мы проплываем под огромным деревом в мантии из

золотых и белых орхидей, рассыпавшихся по его стволу и веткам. На нем резвится стайка из пяти туканов — прыгают, снуют между ветвей и вообще наслаждаются жизнью! Но вот мы подошли поближе — они сперва уставились на нас, а затем задрали свои тяжеленные клювы и пронзительно, с хрипотцой, затыкали, будто стая пекинесов-астматиков. В сплетении тростников и веток мы увидели тигровую выпь, стоящую неподвижно на небольшой глинистой отмели. Оперение у этой птицы оранжевое с желто-коричневым, по нему пробегают шоколадные полосы — расцветка и в самом деле почти как у тигра. Мы проплывали так близко, что я едва не зацепил ее веслом, но она продолжала стоять неподвижно все то время, пока мы были у нее на виду — видимо, она полностью полагалась на свою шикарную защитную окраску.

В одном месте протока разливалась столь широко, что образовала целое озеро овальной формы; но воды в нем совсем не было видно под сплошным ковром из водяных лилий — целый луг розовых и белых цветов возвышался над лоснящимися зелеными листьями. Нос каноэ с мягким хрустящим шелестом пробивал себе путь сквозь эту массу цветов, и мы чувствовали, как длинные гибкие стебли лилий цепляются за дно нашего долбленого суденьшка, словно стремясь помешать его дальнейшему продвижению. По мостикам из листьев убегали от нас спугнутые нами яканы, трепыхая своими ярко-желтыми крыльями; вот из камышей с шумным плеском вырвалась пара мускусных уток и полетела над лесом, тяжело взмахивая крыльями. Вот перед носом каноэ выпрыгнула какая-то крохотная рыбка; там небольшая тонкая змейка блаженно отдыхает, свернувшись на согретом солнцем листе лилии; при нашем проявлении она распрямилась, точно часовая пружина, и соскользнула в воду. Воздух вибрирует от звона крыльев множества стрекоз. Каких тут только нет — и золотые, и голубые, и зеленые, и алые, и бронзовые. Они то взмывают ввысь и зависают над вами, то ненадолго присаживаются на листья лилий, смешно подрагивая слюдяными крыльшками.

Но вот каноэ снова нырнуло в основное русло, и, проплыв еще этак с полмили, мы, к нашей радости, услышали звонкие голоса и смех, эхом разносившиеся среди деревьев. Мы скользнули под тень заросшего берега, а затем повернули в крохотную бухту, где, наслаждаясь теплой водой, плескалась группа индианочек — они брызгались, хохотали и щебетали, словно стая пташек. Когда мы вышли на берег, прелестниц обнаженный рой, расточая улыбки, обступил нас стеною смуглых тел, и мы всей гурьбой отправились в деревню, болтая и весело смеясь. Деревня скрывалась за полосой деревьев и насчитывала семь-восемь больших хижин — вернее, покатых навесов из пальмовых листьев, каждый из которых покоился на четырех столбах. Пол в хижинах был приподнят на два-три фута от земли, чтобы его не заливало во время паводка. Несколько гамаков да один-два железных котла — вот и все убранство подобного жилища.

Нам навстречу вышел вождь — немолодой, изборожденный морщинами человек, который энергично пожал нам всем руки и повел нас в одну из хижин. Рассевшись, мы минут пять молча улыбались друг другу — обычно ведь, когда у компании нет темы для разговора, болтают о чем угодно, но тут мы просто не знали, с чего начать. Наконец вождь племени решил сломать лед — не переставая восторженно улыбаться, он отдал краткое распоряжение одному из юношей, и тот, мигом вскарабкавшись на соседнюю пальму, принес нам пару кокосовых орехов. Вождь тут же срезал с них верхушки и церемонно вручил нам — мол, вы устали с долгого пути, так утолите жажду! Залпом выпив содержимое, я запрокинул голову, чтобы насладиться последними каплями сладкого кокосового молока, как вдруг увидел на балке под потолком до того странное животное, что рассмеялся. И тут я получил хороший урок — либо ты пьешь из кокосового ореха, либо хохочешь, а попробуй смешать два этих занятия, последствия будут самыми плачевными. Поперхнувшись и закашлявшись, я воздел руку к потолку. К счастью, вождю дополнительных объяснений не потребовалось — он забрался в гамак, дотянулся до балки, схватил животное за хвост и стащил вниз. Пока животное тащили за хвост, оно отчаянно

вырывалось и верещало.

— Вот те на! — сказал Боб, когда животное повернулось мордой к нему. — Это еще что такое?

Его удивление было не напрасным; вождь держал за хвост одно из самых смешных созданий, каких только можно вообразить.

— Это, — сказал я, все еще прокашливаясь, — не кто иной, как дикобраз-пимпла.

Да, это был сюрприз! Мне слухи о пимпле уже набили оскомину: в каких бы местах мы ни останавливались в Гвиане, в разговорах с охотниками непременно всплывала пимпла: раньше или позже отважные ловцы неизменно задавали мне вопрос, нужна ли мне пимпла, и, слыша мой непременный утвердительный ответ, клялись мне ее раздобыть. Но на том дело и кончалось. Охотники уходили, выкинув из головы данное мне обещание, — так я и оставался без пимплы и без надежды ее получить. Кто забыл, напомню: пимпла — это древесный дикобраз, а дикобразы, вообще-то говоря, обычные в этих местах животные и довольно легко даются в руки. Я уже начал недоумевать, почему никто не несет мне обещанную пимплу, и даже слегка поднял закупочную цену, но этим и ограничился. Дикобраз есть дикобраз, думал я, и вообще не сказал бы, чтобы я питал особую любовь к этой семейке. Знал бы я с самого начала, какие это прелестные и обаятельные создания, я приложил бы все силы, чтобы раздобыть несколько штук! Больше даже, если бы мне приносили их мешками, то и тогда я скупал бы всех подряд — до того неотразимое впечатление они на меня произвели.

Вождь опустил дикобраза на пол, и тот тут же сел на задние лапы и устался на нас исполненными доброты глазами — зрелище было до того забавное, что мы с Бобом чуть не лопнули от смеха. Размером он был со скотчтерьера и сплошь покрыт длинными острыми иглами — черными и белыми. У него крохотные толстые лапки и длинный пушистый цепкий хвост. Но что более всего покорило наши сердца, так это его мордашка — точь-в-точь как у знаменитого покойного комика У.-К. Филдса, разве что с иголками. А так все то же: и пухлый шмыгающий во все стороны нос, и маленькие хитренькие глазки — полные, если приглядеться, невыплаканных слез...

Глядя на нас со всей пронизательностью, дикобраз сжал свои крохотные передние лапки в кулачки, как у боксера, и закачался на месте, словно только что получил нокаут. Ну, думаю, сейчас упадет, а я шутки ради посчитаю: раз, два, три... пять... десять... Но нет! Словно позабыв о роли боксера-чемпиона, он сел на свои толстенькие окорочка и принялся тщательно вычесываться. Его нос, как и всегда, вертелся и шмыгал, а на морде было написано, что ее обладатель находится наверху блаженства. В общем, с меня было достаточно одного взгляда на эту потешную морду, чтобы я до конца моих дней сделался поклонником пимпл. Естественно, я без звука уплатил вождю запрошенную сумму.

Древесный дикобраз, по моему мнению, единственный настоящий комик из всего животного мира. Вы спросите: а как же обезьяны? Но мы потому-то и считаем их смешными, что видим в них, как в кривом зеркале, карикатуру на самих себя. Могут быть забавными утки, но это их исключительно врожденное свойство. По-разному потешают нас и некоторые другие животные. Но скажите, есть ли еще такой зверь, кроме древесного дикобраза, который не только родился со всеми атрибутами клоуна, но и использовал бы их столь искусно! Всякий, кому выпадет счастье наблюдать повадки дикобраза-пимплы, готов будет поклясться — зверек знает, что он забавен, и знает, как играть, чтобы заставить всех смеяться! Большой шмыгающий нос картошкой, за которым почти не видно крохотных слезливых глазенок с вечно застывшим в них

слегка недоуменным выражением, плоские шаркающие задние лапы — вылитые клоунские ботинки, волочащийся хвост. Ну кто скажет, что это не клоун? Главное, что из любой ситуации он умеет выжать юмор до последней капли. Ну, скажем, делает какую-нибудь очевидную глупость — и при этом смотрит таким простодушным взглядом, что тебя разбирает смех, — и одновременно берет жалость к этому неуклюжему, спотыкающемуся, наивному зверьку. Не в этом ли суть комического искусства, чаплинской гениальности? Ты и растроган повадками этого странного существа и смеешься над ним.

Кстати, я не зря упоминал о боксерских задатках моего нового приобретения. Однажды мне и в самом деле пришлось наблюдать боксерский матч двух пимпл. Встреча была энергичной, оба соперника демонстрировали волю к победе. Но ни один из них не только не причинил другому травмы, но неизменно сохранял добродушное выражение интереса к другому, с толикой удивления. В общем, редко где увидишь столь забавное зрелище. А еще мне довелось видеть, как этот зверек играл косточкой манго. С виду неуклюжие такие движения, кажется, что он ее вот-вот уронит — а вот поди ж ты. Куда до него цирковому клоуну! И вообще мой дружеский совет всякому профессиональному комику — заведите себе дикобраза-пимплу! Понаблюдайте за ним десять минут — и вы научитесь большему, чем в самой лучшей цирковой и эстрадной школе за десять лет.

Расплатившись за дикобраза, мы знаками объяснили вождю, что желали бы посмотреть и других животных, которые найдутся в деревне. Вскоре мы стали обладателями четырех попугаев, одного агути и молодого боа-констриктора. Тут пришел отрок лет четырнадцати. В руке у него была палка, на конце которой висело нечто мохнатое. Я поначалу даже подумал, что это кокон какой-нибудь гигантской бабочки. Но, приглядевшись, понял: нет, брат, поднимай выше! Это было существо, о котором я так давно мечтал...

— Что это? — спросил Боб, который по выражению моего лица понял, что нам подвернулось нечто замечательное.

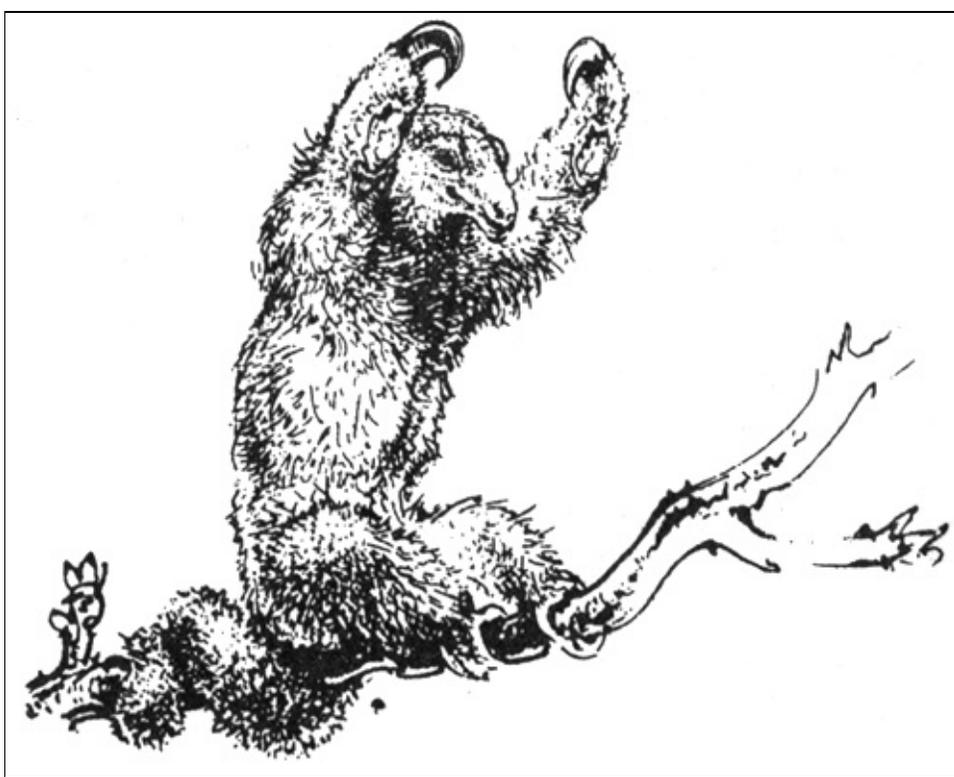
— Один из родичей Эймаса, — радостно ответил я.

— А именно?

— Двупалый карликовый муравьед. Помнишь, я говорил, что давно хочу такого.

Существо было дюймов шести в длину, коротконогое и толстенное, как котенок, одетое в густую шелковистую рыжеватую шубку, мягкую, как кротовый мех. Оно держалось на ветке, уцепившись за нее когтями странной формы и обвив вокруг нее свой длинный хвост. Стоило мне дотронуться до его спины, как оно мгновенно приняло необычную позу: выпустив ветку из передних лап, выпрямилось, удерживаясь только хвостом и задними лапами, а передние воздело в воздух, как перед прыжком с большой высоты в воду. В этой позе оно и застыло. Но стоило мне вновь дотронуться до него, как животное ожило: по-прежнему прочно удерживаясь на ветке, оно всем телом упало вперед, рубанув передними лапами воздух. Окажись моя рука на пути его могучих, под стать тигриным, когтей, у меня навечно остался бы шрам на запястье — и то считал бы, что дешево отделался. После этого муравьед снова выпрямился и застыл неподвижно, словно часовой, заступивший на пост. Воздевая к небу лапы, он словно зывал ко Всевышнему о помощи и защите — вот откуда пошло его местное название «Слава те Боже».

Это крохотное создание сулило столько чудесных открытий, что я почел наилучшим немедленно оставить все прочие дела и погрузиться в размышления над загадками зверька, между тем как Боб отправился на экскурсию по деревне в сопровождении вечно улыбающегося вождя. Я с полчаса пристально разглядывал муравьеда, а вокруг меня кружком стояли безмолвные индейцы, наблюдая за мною с серьезным, сочувствующим выражением, как бы вполне понимая и одобряя мой интерес к крохотному животному.

Первая загадка, которую мне хотелось разгадать, — приспособленность его лап к жизни на деревьях. Розовые подушечки его задних лап были вогнутыми, так что легко облегали ветку дерева, а все четыре пальца, почти одинаковой длины, плотно сжатые, заканчивались длинными когтями. Таким образом, когда животное хватало ветку задней лапой, вогнутая подушечка, пальцы и кривые когти обнимали ее почти полным кольцом, обеспечивая сильный и надежный захват. Весьма своеобразными были и передние лапы: кисть загибалась вверх от запястья, а оба когтя были загнуты вниз, к ладони. Эта пара длинных, тонких, но очень острых когтей могла вдавливаться в ладонь по тому же принципу, что и лезвия перочинного ножа. Лучшего хватательного органа и не придумаешь — а ведь он служит еще и отличным оружием защиты, — буду долго помнить, как он чуть было не пустил мне кровь! У него короткая розовая морда, которую я даже назвал бы не лишенной изящества, и маленькие заспанные глазки. Ушей почти не видно среди мягкой шерсти. Движения — кроме, конечно, моментов атаки — очень медлительны, а манера ползать по веткам, цепляясь за них когтями, делала его похожим скорее на ленивца-лилипута, нежели на муравьеда. Будучи исключительно ночным животным, он в дневное время, естественно, чувствовал себя не лучшим образом и желал больше всего на свете, чтобы его оставили в покое и дали поспать. Поэтому, высмотрев все, что пожелал, я поставил палку в угол, и зверек, по-прежнему цепко сжимая ее, тихо заснул, отнюдь не предприняв попыток удрать.

Как раз в этот момент вернулся Боб, явно весьма довольный собой. Он нес на плече палку, на конце которой болталась выдавшая виды корзина.

— Ну как, налюбовался своим приобретением? — спросил он. — Гляди-ка, что я раздобыл, пока ты здесь паялился. Если бы я вовремя не подоспел, хозяйка скушала бы его за милую душу, — конечно, если я правильно понял ее намерения.

Редкостный экземпляр оказался молодым — всего каких-нибудь два фута длиной — электрическим угрем, который отчаянно извивался в корзине. Я был очень рад удаче моего друга, потому что это был единственный электрический угорь, которого нам пока удалось раздобыть. Похвалив Боба за старание, которое сослужило такую службу нашей коллекции, я собрал весь наш странный ассортимент покупок, и мы направились к каноэ. Там мы поблагодарили вождя за помощь, щедро одарили улыбками пришедших проводить нас сельчан,

сели в каноэ и оттолкнулись от берега.

Я поместил всех животных на носу и сел рядом с ними. Боб и оба гребца сидели сзади. Дикобраз-пимпла позабавил нас тем, что мастерски исполнил кекуок вверх и вниз по черенку моего весла, а затем свернулся калачиком у меня в ногах и уснул. Что касается благочестивого муравьеда, то он так и застыл в своей богомольной позе, как всегда накрепко вцепившись в свою палку, которую я поставил на носу лодки на манер рострального украшения старинного корабля. Внизу под ним в своей корзине ерзал электрический угорь, не теряя надежды найти щелку и улизнуть.

Лучи заходящего солнца золотили и полировали до ослепительного блеска водную гладь и заливали светом лес, так что зелень листвы приобретала какие-то невиданные на земле оттенки, а усыпавшие деревья орхидеи выглядели как драгоценные камни. Где-то вдали начала свой вечерний концерт стая рыжих обезьян-ревунов — громоподобный каскад звуков, словно доносящихся из потустороннего мира, усиливался и отзывался эхом в лесных глубинах. От этого безумного, дикого рева застывала в жилах кровь — так, должно быть, кричит толпа линчевателей, видя, что жертва удирает от нее. В Гвиане нам часто доводилось слушать концерты ревунов, в основном вечерами и ночами. Однажды я был разбужен неведомым гулом в два часа пополудни и спросонья решил, что надвигается буря, прорываясь сквозь лесные чащи. Но Бог милостив — оказывается, не буря, всего-навсего концерт обезьян.

Но вот песнь ревунов стихла, и над протокой снова воцарилась тишина. Под сводами склонявшихся над водою деревьев стало совсем сумрачно, и вода, потеряв свой янтарный оттенок, стала гладкой и черной как смоль. Усталые и голодные, мы с Бобом гребли в каком-то полусне, мурлыкая себе под нос в аккомпанемент песням гребцов-индейцев и ритмичным ударам их весел. Воздух, теплый и сонный, был напоен запахами леса. Мерный плеск весел и бульканье воды производили успокаивающий, почти гипнотический эффект, и мы стали безмятежно клевать носом. И тут, в этот чарующий сумеречный час, когда все вокруг дышало миром и покоем, когда мы, зная себе, расслабились в плавно скользящем каноэ, случилось непоправимое: угорь удрал-таки из корзины.

Возможно, я так и прозевал бы этот момент, если бы не пимпла, который вдруг полез по моей ноге и, пожалуй, добрался бы до самой головы, если бы я ему это позволил. Схватив дикобраза, я передал его сидевшему за мною Бобу и попросил подержать, а сам принялся осматривать нос каноэ, чтобы выяснить, что же испугало пимплу. Я глянул вниз, и — вот те на! — прямо к моим ступням по наклонному днищу лодки, извиваясь, ползет угорь! А знаете, когда змея (или электрический угорь, разница тут небольшая) ползет вам прямо под ноги, все мускулы вашей тела среагируют так, что и представить себе трудно. Я сейчас уже не припомню, как сработали мои мышцы, но, в общем, я каким-то образом убрался с его пути. Когда я снова приземлился на дно каноэ, то увидел, что угорь направляется прямым ходом на Боба.

— Берегись! — завопил я. — Угорь сбежал!

Прижав дикобраза к груди, Боб попытался вскочить на ноги, да так и шлепнулся на спину на дно каноэ. Не знаю — то ли угорь сам был слишком напуган, чтобы всадить в Боба электрический заряд, то ли у него просто был отключен ток, но факт остается фактом: беззвучно, как струя воды, угорь проскользил мимо отчаянно дергавшегося, как под напряжением, распростертого тела моего приятеля и устремился к первому гребцу. Тот явно разделял наше нежелание вступать в тесный контакт с электрическими угрями и по мере приближения к нему вышеназванной твари выказывал все большее стремление покинуть судно. В результате попыток каждого из нас оказаться как можно дальше от угря каноэ бешено раскачивалось и грозило опрокинуться. Боб попытался встать и, ища опоры, схватился за дикобраза. Его крик ужаса и боли был воспринят мною как сигнал, что угорь повернул назад и атаковал его с тыла. Видимо, так же понял это и дикобраз, который снова полез по моей ноге, норовя вскарабкаться на плечо. Если бы первого гребца подвели нервы и он действительно выпрыгнул бы за борт, вслед за ним в воду полетели бы и все остальные со всем нашим живым грузом; но положение спас второй гребец, словно укрощение электрических угрей было для него излюбленной забавой. Наклонившись вперед, он придавил тварь лопастью весла ко дну каноэ, а затем энергичными жестами дал мне знак, чтобы я бросил ему корзину. И без того ветхая, она теперь вообще приказала долго жить: пытаюсь увернуться от ее обитателя, я ненароком рухнул на нее коленями. Каким-то хитроумным манером второй гребец засадил-таки угря в корзину — у всех гора с плеч свалилась, и все стали одаривать друг друга хоть и деланными, но улыбками. Спаситель мигом сунул корзину партнеру, тот — Бобу, принявшему ее явно без особой охоты, и в тот момент, когда Боб, от греха подальше вытянув руки вперед, собирался вручить корзину мне, у нее вывалилось дно.

Угорь стукнулся о борт каноэ, точно крокетный молоток. В глазах его блеснула вода, и тут его счастливо осенило: второго такого шанса уже не будет! Плюх — и исчез в темных глубинах протока.

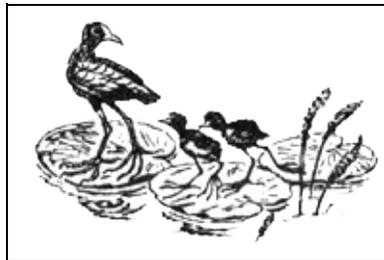
Боб взглянул на меня.

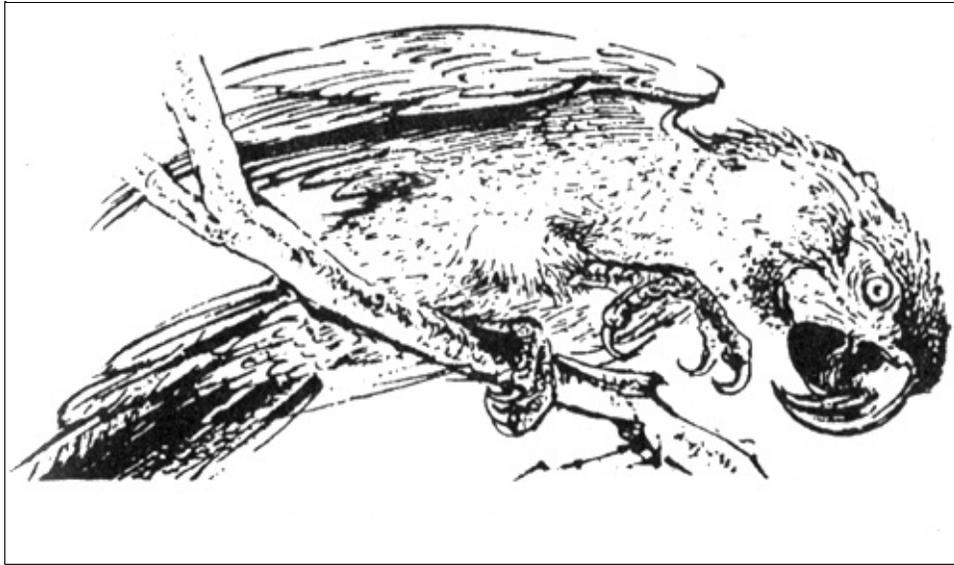
— Значит, не судьба, — сказал он. — А впрочем — уж лучше туда, чем сюда.

Честно говоря, я тут же согласился с ним.

...Когда мы выгребли на финишную прямую, было уже совсем темно. Мы плыли по ковру из звезд; бежавшая от носа лодки легкая рябь заставляла их плясать и колыхаться. В воздухе

стоял хор звенящих голосов лягушек и сверчков — казалось, будто это наступили полночь или полдень в часовом магазине, когда все механизмы заиграли свою песнь. Еще один поворот — и вот перед нами возникла хижина, из окон которой струился манящий желтый свет. Каноэ с мягким шелестящим вздохом ткнулось в песок, как будто вместе с нами вздохнуло с облегчением, что вернулось. Забрав животных, мы, словно два привидения в лунном сиянии, побрели к хижине по мягкому песку. Мы были усталыми, голодными и расстроенными: мы знали, что это был наш последний поход по волшебному краю ручьев и что скоро нам в обратный путь.

...И вот мы снова сидим вчетвером в крохотном баре на окраине Джорджтауна, топим нашу грусть-тоску в бокале рома и кружке имбирного пива. На столике перед нами вместо карты Гвианы — кипа бумаг: тут и пароходные билеты, и всяческие списки, и дорожные чеки, и багажные квитанции и прочая канитель, на которую Боб время от времени поглядывает с явным отвращением.

— Ты уверен, что ничего не перепутаешь? — в сотый раз спрашивает Смит.

— Ну, честное слово, — мрачно отвечает Боб, — не перепутаю!

— Да смотри, чтобы ни случилось, не вздумай потерять багажную квитанцию! — предупреждает Смит.

— Да уж как-нибудь, — отвечает Боб.

Всем нам одинаково грустно, но по разным причинам. Боб — потому что на следующий день покидает Гвиану, и к тому же ему доверена коллекция самых крупных пресмыкающихся. Смит — потому что уверен, что Боб обязательно потеряет багажную квитанцию или другой не менее важный документ. Я — потому что вслед за Бобом через три недели уезжать и мне: вот уже и билет забронирован. Ну а Айвен расстроен, по-видимому, только потому, что расстроены все мы.

Между тем с обсаженных деревьями берегов каналов, тянувшихся вдоль джорджтаунских улиц, донеслись радостные металлические голоса гигантских жаб, словно разом завели сотни мопедов. С большим усилием оторвав свои мысли от багажных квитанций, Смит прислушался к этому звонкому хору.

— А не поймать ли нам как-нибудь несколько штук, пока ты еще не уехал, Джерри? — сказал он.

И тут у меня возникла идея.

— Пойдем-ка наловим их прямо сейчас, — предложил я.

— Как прямо сейчас? — с сомнением в голосе переспросил Смит.

— Именно так. Уж лучше ловить жаб, чем предаваться тоске, — ответил я.

— Пошли! — с энтузиазмом сказал Боб. — Отличная идея.

Айвен извлек из-за стойки мешок и фонарь (он явно держал их там на всякий пожарный случай), и мы вышли в теплую ночь на последнюю охоту, в которой мог принять участие Боб.

По окраине Джорджтауна тянется широкая эспланада. С одной стороны ее омывают волны

моря, по другой — тянутся рощицы и лужайки, перемежающиеся многочисленными каналами. В общем, весьма романтическое место для прогулок влюбленных парочек, и для жаб, кстати, тоже. Ну, парочки нас не так интересуют, а как выглядят эти любезные нашему сердцу жабы? Это крупные создания цвета оконной замазки, покрытые шоколадными крапинками. Вообще-то это довольно привлекательные твари: у них широкие рты с вечной ухмылкой, большие темные выпученные глаза с золотисто-серебристым отливом и весьма упитанная фигура. Как правило, эти создания довольно спокойные, но, как мы открыли в ту ночь, рекорды скорости им тоже не чужды.

Вы и представить себе не можете, с каким изумлением и возмущением встретили жабы наше вторжение! Жили себе не тужили, дремали днем и устраивали спевки ночью — и вдруг откуда ни возьмись четверо здоровяков гоняются за ними с фонарем! Не менее изумлены и возмущены были бесчисленные влюбленные парочки, усеявшие траву сталь же густо, как и жабы! Жабам до смерти не нравилось, когда на них попадал луч фонаря; парочкам тоже. Ненормальные, думали бедные влюбленные, гоняются в темноте за жабами, не дают нам спокойно наслаждаться жизнью! Впрочем, если вы думаете, что жабам нравилось, как мы мило за милей преследуем их по траве, то вы жестоко ошибаетесь.

Короче, большая часть охотничьего времени ушла у нас на спотыкание о лежащих влюбленных и принесение извинений, а пользоваться как следует фонарем мы тоже не могли: его поспешно приходилось отворачивать всякий раз, когда луч света попадал на чьи-нибудь блаженные лица... Так или иначе, но за редкие мгновения в промежутках между всем этим мы ухитрились наловить ни много ни мало тридцать пять жаб. Домой вернулись взмыленными и совершенно выдохшимися, зато в гораздо лучшем настроении, чем были перед выходом на охоту. Ну, а то, что мы сорвали свидания стольким джорджтаунским юношам и девушкам, да еще надолго перепугали всех оставшихся жаб — так ведь это, знаете ли, дело десятое.

На следующий день мы проводили Боба, а затем мы со Смитом занялись подготовкой коллекции к погрузке на пароход, с которым я уезжал. Я решил забрать с собою коллекцию целиком, чтобы не обременять Смита и дать ему возможность совершить одну-две краткие поездки в глубь страны перед началом комплектования нового зверинца. Все то время, пока мы шатались по Гвиане, он вынужден был безвыездно сидеть в Джорджтауне, ухаживая за животными, поступавшими на основную базу, и, по моему мнению, ему необходимо было отдохнуть.

В общем, на круг у нас было около пятисот экземпляров животных. Тут были рыбы и лягушки, жабы и ящерицы, кайманы и змеи; птицы, начиная от кюрассо размером с индюшку и до крохотных, невесомых колибри размером со шмеля. У нас было также пятьдесят обезьян, муравьеды, броненосцы и паки, еноты-крабоеды, дикие свиньи-пекари, тигровые кошки-маргаи и оцелоты, ленивцы и опоссумы. Рассадить по клеткам и погрузить на пароход такое великое множество различных тварей — дело нелегкое, и, как обычно, одна из самых трудных проблем — это обеспечить их провиантом.

Во-первых, нужно рассчитать, сколько и какой провизии потребуется в пути. Затем нужно закупить ее и погрузить на судно, позаботившись о том, чтобы скоропортящиеся продукты были заботливо размещены в холодильнике. Чего мы только не накупили — дюжины яиц, сухое молоко в банках, мешки овощей, кукурузы, пшеничной муки, ящички свежемороженой рыбы, не говоря уже о сыром мясе. Затем идут фрукты, с которыми хлопот полон рот. Если апельсины, например, можно закупать мешками и они могут долго лежать, не требуя особых забот, то мягкие фрукты — совсем другое дело. Если вы, например, возьмете с собой в морское путешествие полсотни гроздей спелых бананов, то не успеете проехать и полпути, как большая часть из них испортится. Значит, бананы нужно закупать частью спелыми, частью

полузрелыми, а частью зелеными и твердыми. Следовательно, к тому времени, как ваши подопечные подьедят одну партию фруктов, поспеет другая. Далее, у вас есть животные со строго определенной диетой — например, колибри, в рацион которых входят мед и хитрые штуки, которые припасла фирма «Баврил и Меллин», — все это надо купить и погрузить. И последнее, но отнюдь не самое маловажное — надо запастись достаточным количеством чистых, сухих опилок, чтобы было чем посыпать пол клеток после ежедневной уборки.

Теперь о клетках. У каждого животного клетка должна быть не слишком тесная, но и не слишком громоздкая, при этом способная сохранять прохладу в тропиках и тепло, когда корабль достигнет более северных широт. Больше всего проблем в этом отношении было с муравьедами: мы набегались в поисках двух достаточно больших ящиков для них. Но в конце концов великое множество самых разных и необычных ящиков были сколочены, свинчены, собраны и подготовлены к погрузке.

Длительное морское путешествие — самая беспокойная часть любой экспедиции зверолова, и мое возвращение из Гвианы отнюдь не явилось исключением. На пароходе мне предложили на выбор целый ряд помещений для размещения моей коллекции, и я имел неосторожность остановить свой выбор на одном из трюмов. Вскоре я понял, какую грубую ошибку совершил: в тропических широтах трюм был раскален, словно печка: даже при открытом люке сюда не залетал ни малейший ветерок, который мог бы облегчить жуткую жару. Зато при внезапном столкновении с холодным фронтом, когда мы проходили Азорские острова, температура в одну ночь упала на десять градусов, и турецкая баня мигом стала прохладным погребом. Из-за непогоды я вынужден был закрыть люк, и, как следствие, для кормления и ухода за животными и птицами приходилось включать электрический свет. Не следует думать, что им это особенно нравилось. Увы, на том беда не кончилась: из-за поломки холодильников у меня моментально сгнило до сорока гроздей бананов, так что рацион фруктов, выдаваемых животным, пришлось урезать до минимума. В результате всех этих напастей я недосчитался целого ряда милых и ценных созданий. Правда, потери не были для меня полной неожиданностью, в таком деле они неизбежны. Опытные звероловы предупреждали меня, что южноамериканские животные — большие недотроги, и, следовательно, их труднее доставить живыми и здоровыми к месту назначения, чем представителей фауны почти любого другого уголка планеты. Были и такие специалисты, которые отрицали это (в их числе одна весьма авторитетная персона, которая не только не ловила зверей в Южной Америке, но вообще не бывала там). Но в целом рекомендации звероловов-ветеранов оказались к месту.

Конечно, было бы неверным предположить, что наше морское путешествие состояло из одних горестных моментов. Были и забавные. Ну, во-первых, это рождение детенышей у пипы, о котором я уже рассказывал; во-вторых, всему пароходу надолго хватило разговоров о том, как одна из моих обезьян укусила корабельного плотника. Были эпизоды меньшего масштаба, которые тем не менее оживили путешествие — ну хотя бы моя упорная борьба с двумя попугаями-макао, которых я всеми силами пытался удержать в клетке. Дело в том, что эти крупные птицы своими могучими клювами так раздолбали клетку, что ее передняя стенка попросту выпала. Каждый раз, когда я восстанавливал ее, они снова пробивали себе путь на волю, и в конце концов я сдался и позволил им разгуливать по всему трюму. Они то забирались на крыши клеток, то вновь слетали вниз, беседовали со мною хриплыми, несколько смущенными голосами, а иногда переговаривались с другими — законопослушными — попугаями, не рвавшимися из своих клеток. Беседы эти были забавны тем, что, как правило, сводились к одному-единственному слову. В Джорджтауне всех макао зовут Роберт, точно так же, как большинство попугаев в Англии зовут Пол или Полли. Таким образом, покупая макао в Гвиане, можете быть уверенными, что он умеет выговаривать собственное имя. Больше того, он

доведет вас до глухоты, постоянно выкрикивая его. Вот как обычно происходил диалог у моих вольнолюбивых макао: когда они странствовали с клетки на клетку, время от времени один из них останавливался и задавал вопрос: «Роберт?» — в задумчивой манере. Другой отвечал: «Роберт!» — давая понять, что оскорблен идиотским вопросом, а третий — разумеется, из числа тех, что в клетке, — принимался бормотать про себя: «оберт, оберт, оберт, оберт». Вот так и велась беседа, и я никогда уж не думал, что в самое заурядное имя Роберт попугаи могут вложить столько разнообразных интонаций!

Сказать по правде, меня охватило чувство радости, когда я увидел с борта корабля замаячившие на горизонте серые, угрюмые доки Ливерпуля. Конечно, работы был непочатый край — нужно было выгрузить животных и распределить их по машинам, которые отвезут их в зоопарки — но мною овладело сознание, что самое трудное уже позади. Так, а кто это столь элегантный дожидается меня на причале? Так это ж Боб! Как будто и не таскался со мной по джунглям и селениям первобытных племен, вид такой цивилизованный! Мы вместе стали наблюдать за выгрузкой клеток. Последними борт парохода покинули два огромных ящика с муравьедом и его подругой — они медленно вертелись, когда кран опускал их на причал. Только после этого я, сопровождаемый Бобом, спустился к себе в каюту упаковать свои пожитки — никогда за три недели мне не было так легко и хорошо, как теперь.

— А знаешь, дружище, — сказал Боб, сидя на моей койке и глядя, как я пакуюсь, — с тех пор как я вернулся, в нашей старой доброй Англии все льют и льют дожди!

— А что в этом такого? — сказал я. — Ведь Англия на индейском наречии и означает Страна вечных ливней!

...Укладывая одежду в саквояж, я почувствовал что-то твердое в кармане брюк. «Уж не деньги ли?» — с надеждой подумал я и вывернул карман. На пол выпали... Нет, не деньги — три зеленых кусочка картона. Я подобрал их, взглянул и молча передал Бобу. На каждом из них крупными черными буквами было оттиснуто:

GEORGETOWN TO ADVENTURE FIRST CLASS

Скажу не покрывив душой: здесь что ни слово, то правда. Маршрут и в самом деле был полон приключениями... по первому классу!

notes

В настоящее время — независимое государство Кооперативная Республика Гайана. —
Здесь и далее примечания переводчика.

Игра слов, задающая тему всей повести. По-английски Adventure значит «приключение».

Британский флаг.

Около пяти граммов.

Игра слов. Очевидно, Боб принял определение «фиалковый» за созвучное с ним «насильственный» (по-английски соответственно: violet и violent). Принятое сейчас латинское наименование производится не от спинки, а от брюшка: *Tanagra Xanthogaster* — желтобрюхий танагр.

Около пятидесяти одного килограмма.

Около пятидесяти одного килограмма.

Варган — самозвучающий щипковый язычковый музыкальный инструмент в виде подковы (или пластинки) с прикрепленным к ней язычком. Под различными наименованиями распространен у многих народов мира.

Дромадер — одногорбый верблюд.

По-английски «чарити» (charity) означает «милосердие».

Клаустрофобия — навязчивый страх перед закрытыми пространствами.

Речь идет о виде псеудис (*Pseudis paradoxa*), иначе удивительная лягушка. См. Жизнь животных. М., Просвещение, 1969. Т. 4, ч. 2. С. 87.

Маленькая никелевая монета размером с гривенник.